

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И
АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Иванченко Оксана Васильевна

ТРАНСФОРМАЦИЯ НИЗОВЫХ ПРАКТИК ВЗАИМОПОМОЩИ В
КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
ТАНЗАНИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА

Специальность: 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
Бутовская Марина Львовна

Москва – 2026

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Обзор литературы	24
Глава 2. Место проведения исследований, методы и объекты исследования	35
2.1. История Дар-эс-Салама, появление усуахилини	37
2.2. Объекты исследования	48
Глава 3. Результаты исследования	58
3.1. Группы взаимопомощи в городах Танзании по материалам полевых исследований	65
3.2. Куфа на кузикана	67
3.3. Мчезо/Упату	75
3.4. Викоба	76
3.5. Группы по этническому/региональному принципу	80
3.6. Государственная регистрация групп взаимопомощи и обращение в официальные инстанции	84
3.7. Неформальные основы доверия в группах взаимопомощи	88
3.8. Участие женщин в группах взаимопомощи	95
3.9. Факторы, способствующие присоединению к группе взаимопомощи	100
3.10. Кооперация вне групп взаимопомощи: свадьбы и «народная полиция»	107
3.11. Трансформация практик взаимопомощи	111
3.12. Переход в цифровое поле: группы взаимопомощи сегодня	124

3.13. Взаимопомощь и стремление к кооперации у танзанийцев: истоки групп взаимопомощи	127
Выводы.....	132
Заключение.....	134
Благодарность.....	144
Литература	145
Приложение	160

Трансформация низовых практик взаимопомощи в контексте развития неформальной и формальной экономики танзанийского мегаполиса

Введение

Актуальность темы исследования

Низовые практики взаимопомощи – это различные объединения людей, созданные с целью накопления сбережений, предоставления займов, обеспечения социального страхования, включая помощь в случае непредвиденных обстоятельств (похороны, болезнь и т.п.). Низовыми такие практики называют, поскольку они зародились среди «низших слоев населения»: бедняков, недавних мигрантов в быстрорастущие города, сельскохозяйственных рабочих в колониальных и постколониальных странах, которые сегодня обозначают термином «развивающиеся».

К. Гирц писал о том, что группы взаимопомощи распространены в большей части развивающихся стран, от Японии на востоке, захватывая Юго-Восточную Азию и Индию, до Африки на западе (Geertz 1962: 242). Более детальный перечень стран, где фиксировалось существование подобных объединений, привел в своей работе 1977 г. Ф. Боуман. Африка: Камерун, Конго, Дагомея (совр. Бенин), Египет, Эфиопия, Гана, Кения, Нигерия, Родезия (совр. Зимбабве), Сенегал, Сьерра-Леоне, ЮАР, Судан, Танзания, Замбия; Азия: Китай, Индия, Индонезия, Япония. Корея, Малайзия, Непал, Филиппины, Тайвань, Вьетнам; Латинская Америка: Багамские острова, Барбадос, Бразилия, Кюрасао, Доминиканская республика, Гватемала, Гайана, Ямайка, Мексика, Перу, Суринам, страны Карибского бассейна, Тринидад (Bouman 1983: 28-30). Таким образом, низовые практики, о которых пойдет речь в диссертации представляют собой одну из важных форм групповой взаимопомощи, принятой в традиционных обществах из разных стран мира. В условиях интенсивных миграций беднейшего сельского населения в города и формирования

целых городских кварталов малоимущих, практики взаимопомощи, приобретают особую значимость.

«Кассы взаимопомощи» существовавшие в Российской империи, а впоследствии ставшие особенно популярными в СССР, являют собой аналог практик взаимопомощи, описанных выше. 2 июня 1903 г. правительством Российской империи были приняты правила «о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». В тот период происходил активный рост промышленности, при этом получение травмы для рабочего вело к нетрудоспособности и лишению источников к существованию. Для решения этой проблемы было решено учредить кассы взаимопомощи, в которых участвовали сами рабочие, вносявшие определенные деньги на страховые нужды. Промышленники также вносили средства в кассы взаимопомощи, чтобы избежать возмещения расходов рабочему по суду. Помощь оказывалась рабочим в форме выплат в случае производственных травм, болезней, также кассы взаимопомощи частично покрывали медицинское и пенсионное обеспечение своих членов (Мустафин 2011: 1). При этом кассы и общества взаимопомощи находились под строгим надзором властей, уставы фабричных касс утверждались министром финансов, уставы остальных касс – министром внутренних дел (Там же, 2). Однако у касс взаимопомощи того времени было множество недостатков: сами рабочие никак не участвовали в создании уставов и регулировании деятельности сообществ; доля участия владельцев производства была минимальной; выплаты часто были недостаточными и давались не во всех случаях; размер компенсации зачастую зависел от длительности членства рабочего в кассе; о многих авариях промышленники не сообщали, дабы не портить мнение властей о заводе и т.д. В итоге на основе имевшихся правил, прошедших ряд реформ, 23 июня 1912 был принят закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни» (см. напр. Мустафин 2011; Бельшев 2004; Ермаков 2011; Туманова 2008; Степанский 1982).

В Советском Союзе кассы взаимопомощи представляли собой добровольную организацию членов профсоюза, формируемую на базе того или иного предприятия, которые создавались по решению профсоюзного комитета. Такие объединения подлежали обязательной регистрации в совете профсоюзов или же на уровне районной администрации (городской, районной и т.д.). Участники платили вступительный взнос, далее вносили фиксированную сумму ежемесячно, из общей кассы выдавались беспроцентные ссуды, а также в определенных случаях безвозмездные выплаты (см. напр. Чернова 2011; Федосеева 2015; Окунева 2021; Изюмова 2016).

Несмотря на прогнозы экономистов, группы взаимопомощи существуют до сих пор и продолжают распространяться в удаленных уголках мира все шире. В развивающихся странах они не потеряли своей актуальности, поскольку проблемы бедных и малообразованных граждан с доступом к официальным банкам, кредитным ассоциациям и страховым компаниям сохраняются по сей день.

Выбор Танзании для изучения низовых практик взаимопомощи населения не случаен. Согласно исследованиям Всемирного банка, в 2023 Танзания входила в число стран с низким и средним уровнем дохода по ВВП на душу населения (The World Bank: Data for Low & middle income, Tanzania). Тем не менее, в последние 10 лет стремительное экономическое развитие Танзании оказывает исключительное влияние на социальную жизнь в стране, трансформации особенно ярко проявляются в Дар-эс-Саламе¹. Хотя в 1996 году столица Танзании была перенесена в Додому, Дар-эс-Салам и сегодня остается крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром страны, а также одним из самых быстрорастущих мегаполисов Африки (Brennan et al. 2007: 1). Город отличается высокими темпами прироста населения за счет внутренних миграций. При этом уровень развития инфраструктуры и планирования городского пространства совершенно не удовлетворяет нужд горожан, ввиду чего многие

---

¹ Далее в тексте будет встречаться сокращенное название, Дар, которое обычно используют местные жители.

вновь прибывшие в Дар-эс-Салам селятся в неформальных поселениях, для которых характерно отсутствие базовых социальных и коммунальных услуг. Наблюдается резкий рост работников без официального трудоустройства в сфере неформальной экономики. Уличные торговцы, ремесленники, сборщики мусора, владельцы мелких лавочек и парикмахерских, все они приехали в большой город в поисках новых возможностей и вынуждены подстраиваться под незнакомые условия жизни и быта.

Для неформальных кварталов в Танзании существует специфическое название, происхождение которого связано с колониальным прошлым города, когда расовая сегрегация была отражена в принятых нормах строительного проектирования. Дар-эс-Салам был разделен на три зоны в соответствии со стандартами постройки домов, разрешенными в каждой из них. Позже эти зоны получили названия на суахили, первая стала называться *узунгуни* (суах. «квартал для белых»), вторая – *ухиндини* (суах. «индийский квартал»), третья – *усуахилини* (суах. «квартал для африканцев»). Кварталы для африканцев традиционно располагались на территориях ниже уровня моря и были подвержены риску наводнений, и, как следствие, считались малопригодными для жизни, а потому стали местом проживания бедняков и рабочего класса (Moyer 2003: 207). После обретения независимости город значительно десегрегировался. Сегодня границы *усуахилини* довольно размыты, их можно встретить не только на окраинах города, но и в центре, они вмещают в себя большую часть неформальных поселений и до сих пор являются самыми доступными для проживания. При этом там встречаются не только представители беднейших слоев населения, но и достаточно обеспеченные люди.

В подобных условиях горожане начали объединяться в различные сообщества, направленные на взаимную поддержку в непредвиденных обстоятельствах, обеспечивающие своим членам экономическую опору, страхование, а также способствующие социализации на новом месте.

В нашей диссертационной работе будет рассмотрена и проанализирована роль групп взаимопомощи в повседневной жизни населения Дар-эс-Салама и их трансформация на протяжении последних 12 лет на фоне постоянных изменений, происходящих в стране и в городе. Несмотря на наличие официальных институтов и цифровых сервисов, предоставляющих аналогичные услуги (микрокредитование, социальное страхование), привычные группы взаимопомощи до сих пор воспринимаются танзанийцами как более знакомые, надежные и понятные практики, не взирая на частое отсутствие юридически оформленных документов, банковских счетов и сопутствующие риски. Особое внимание следует обратить на культурную специфику танзанийского общества, в соответствии с которой обращение за финансовой помощью и кредитованием в банки не способствует формированию и укреплению социальных связей внутри сообщества.

Ввиду складывания такого отношения, танзанийское правительство продолжает процесс интеграции групп взаимопомощи в формальную экономику, во многих случаях – успешно. На наш взгляд, подобный опыт был бы полезен для дальнейшего изучения стратегий социальной адаптации мигрантов в мегаполисе, а также для создания новых программ экономической поддержки населения развивающихся стран с учетом культурной специфики. На сегодняшний день в отечественной науке существует лишь небольшое количество антропологических исследований, посвященных группам взаимопомощи в странах Африки южнее Сахары. Это существенно повышает значимость представленных в нашей работе материалов для понимания общей социальной ситуации в городских сообществах субсахарской Африки. Обобщение полученных данных служит существенным подкреплением для теории кооперации и роли низовых практик взаимопомощи в современном мире. Полученные в ходе многолетней полевой работы сведения будут полезны для более углубленного понимания теоретических вопросов современной городской, социальной и экономической антропологии, а также в качестве иллюстративных материалов при чтении курсов лекций и семинаров по этим дисциплинам.

Объект исследования – группы взаимопомощи жителей Дар-эс-Салама (Танзания).

Предмет исследования – трансформация групп взаимопомощи жителей Дар-эс-Салама с 2011 по 2023 гг. на фоне экономических изменений в стране.

Цель исследования – анализ социальной и экономической роли групп взаимопомощи в повседневной жизни населения Дар-эс-Салама и их трансформаций на фоне экономических изменений в стране.

Степень разработанности темы

Исследование подготовлено в рамках общеэволюционной перспективы и рассматривает практики взаимопомощи как одно из проявлений имманентных свойств человеческой социальности, ориентированных на кооперацию и укрепление внутригрупповых социальных связей. Тот факт, что низовые практики взаимопомощи широко распространены, используются беднейшими слоями населения развивающихся стран и возникают спонтанно, а не под влиянием государственных структур или НКО, свидетельствует в пользу такого подхода.

В эволюции человека взаимопомощь сыграла чрезвычайно важную роль. Развитие альтруизма и эмпатии является одной из центральных адаптаций нашего вида (Бутовская, Ростовцева 2021: 18). Социальность человека проявлялась в совместной добыче и последующей дележке пищи, объединении перед лицом внешней угрозы, коллективном воспитании детей. Необходимость оказывать помощь членам сообщества отражается в культурных установках, нормах воспитания подрастающего поколения и даже в религиях (Gintis et al. 2008; Molleman et al. 2013; Zhang et al. 2014; Srinivasa et al. 2025; Ростовцева 2016).

Согласно теории косвенной реципрокности (Nowak, Sigmund 1998) для человеческих сообществ характерна более сложная в когнитивном плане модель кооперации, при которой индивиды оказывают помощь не непосредственно тем, кто им помогал, а другим членам сообщества (третьим лицам), что способствует формированию репутации и устойчивых социальных связей. Именно репутация является гарантом надежности и отзывчивости индивида, что мотивирует членов сообщества к сотрудничеству с ним, даже если они не получают моментальной выгоды. То есть репутация становится основой поддержания кооперации и формирования доверия в обществе.

Исследования, проведенные среди эгалитарных охотников и собирателей, таких как хадза в Танзании, бушмены в Намибии и Ботсване, показывают, что практически все свойства социальных сетей, отмеченные в индустриальных обществах, можно обнаружить и среди подобных сообществ. В социальных связях хадза наблюдается выраженное предпочтение родственников при выборе бэнда, места жительства и обмене подарками, но при этом среди членов бэнда также постоянно находятся более дальние родственники и неродственные индивидуумы (Бутовская, Ростовцева 2021: 140; 142-143). Способность проявлять альтруизм по отношению к неродственным людям является важным отличием человека от других видов (Nowak, Sigmund 1998; 2005).

Сегодня в бедных кварталах Дар-эс-Салама наблюдается та же тенденция: при формировании групп взаимопомощи и налаживании социальных связей в сообществе горожане ориентируются на соседские, а не родственные связи, компенсируя отсутствие помощи от большесемейной общины, оставшейся в родной деревне или другом городе. В то же время именно репутация является ключевой основой для формирования доверия к человеку, для его принятия в ту или иную группу взаимопомощи, кроме того, она выступает гарантом выполнения обязательств перед группой и основным механизмом давления.

В 2026 г. вышла статья о феномене упадка кооперации в группах взаимопомощи и способствующих этому факторах в Сьерра-Леоне, так что тема остается

атквальной и развивается. Исследование проводилось 5 лет в сообществах группового кредитования (Sabin et al. 2026). Было собрано 73 углубленных интервью, а также проанализирована статистическая информация. Подобные сообщества функционируют по следующей схеме: заемщики заключают договор о коллективной ответственности, согласно которому, при непогашении кредита в полном объеме, все участники группы теряют доступ к последующим кредитам. Т.е. если кто-то из участников по каким-либо причинам не может внести очередной платеж, то группа компенсирует его коллективно, применяя к члену социальные санкции (смущение, давление, изоляция). Дилемма состоит в том, что с одной стороны каждый участник ищет личной выгоды, а с другой есть необходимость соблюдения коллективной ответственности. Кооперативный конфликт заключается в том, что каждый участник хочет как можно меньше вносить личный вклад, но при этом получать коллективное благо, а именно доступ к кредиту. С течением времени члены подобных сообществ проявляют все большую безответственность во внесении средств. Достаточно часто перезапуск кредитного цикла приводит к повышению активности и ответственности членов, но на непродолжительный период времени. Сами члены подобных сообществ говорили о созаемщиках как о «вялых», «оставших платить» и т.д. Авторы пришли к заключению, что долгосрочная модель поведения обусловлена поведенческими механизмами кооперативной мотивации и снижения усилий, что приводит к усилению тенденции к недостаточному вкладу с течением времени и повышает риск распада группы.

Для достижения поставленной цели в работе поставлены следующие задачи:

1. Изучить историю появления групп взаимопомощи в Дар-эс-Саламе.
2. Выявить существующие виды групп, описать их структуру и принципы внутреннего регулирования.

3. Определить основные причины вступления горожан в группы взаимопомощи.
4. Проанализировать формальные и неформальные основы функционирования групп взаимопомощи.
5. Описать положительный и отрицательный опыт действительных и бывших членов групп взаимопомощи.
6. Подробно проанализировать вопрос официальной регистрации и легализации групп взаимопомощи на фоне изменений в законодательстве.

Хронологические рамки

Работа охватывает период с 2011 по 2023 гг., автором было проведено 8 полевых исследований (2011, 2013, 2015, 2018, 2019, 2020, 2021 и 2023). Наряду с этим, нами также проводились дополнительные опросы респондентов по интернету в последние годы работы (2020 - 2023).

Территориальные рамки

Основная полевая работа велась в Дар-эс-Саламе. Кроме этого, в ознакомительных целях были проведены полевые наблюдения *усуахилини* в городах Аруша, Багамойо, Занзибар.

Научная новизна

Отличительной чертой рассматриваемой работы являются ее хронологические рамки, впервые в мировой науке было проведено **лонгитюдное** качественное исследование групп взаимопомощи, охватывающее период в 12 лет.

Выбор нашего поля исследования не случаен. Как говорилось выше, Дар-эс-Салам является самым крупным финансовым центром страны, поэтому любые политические, экономические и социальные нововведения начинаются именно там, и они далеко не всегда доходят до регионов. Более того, в Дар-эс-Саламе на фоне стремительного развития неформального сектора экономики, наблюдается расширение кварталов *усуахилини*. Последнее происходит несмотря на повторяющиеся попытки сноса подобных районов со стороны правительства.

Важно также отметить, что в Дар-эс-Саламе в полной мере отражена полиэтничность населения Танзании, что ведет к формированию различных механизмов адаптации. Хотя большинство мигрантов теряют привычные этнические/родственные связи и формируют новые с соседями из разных регионов, часть населения, наоборот, старается всеми силами сохранить связь с земляками, формируя так называемые «племенные» (англ. «tribal group», суах. «*kundi la kikaŭila*») сообщества. В последнем случае делается особый акцент на сохранение культурных практик родного региона/народности.

Представляется, что решение исследовательских задач работы позволит разобраться в традиционных механизмах взаимопомощи, характерных для танзанийцев, а также показать стратегии адаптации мигрантов в Дар-эс-Саламском мегаполисе. Мы полагаем также, что результаты нашего танзанийского исследования внесут свой вклад в понимание фундаментальной роли неформальных связей, формирующихся среди населения бедных кварталов в развивающихся странах как важнейшей основы выживания в этих условиях.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Материалы данного исследования, а также полученные результаты, могут быть использованы как эмпирические источники для иллюстрации теоретических положений о практиках солидарности и взаимопомощи в процессе адаптации

мигрантов к жизни в мегаполисе, для успешного противодействия социальным и экономическим проблемам населения развивающихся стран. Выводы работы также могут представлять ценность для организации более эффективного взаимодействия государства с низовыми практиками населения. Результаты работы могут быть использованы при подготовке учебных пособий, составлении курсов лекций по таким дисциплинам, как социальная антропология и этнология, культурология, экономика, социология и психология. Полученные данные могут применяться в кросс-культурных исследованиях, поскольку как сами группы взаимопомощи, так и описанные социально-экономические проблемы, характерны для множества постколониальных стран. Наконец, описанный в работе опыт создания групп взаимопомощи по инициативе государства, может найти применение в практической деятельности, например, для разработки новых программ экономической поддержки населения.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием комплекса методов: включенного наблюдения, фотофиксации, опросов, интервью и работы с литературой. Основным методом работы было интервьюирование. Автором собирались формализованные и неформализованные интервью разной степени углубленности, в зависимости от наличия свободного времени у респондентов. В общей сложности было проведено 135 интервью. Они проходили на английском языке и на суахили, иногда автором привлекались танзанийцы для помощи с переводом интервью с суахили или некоторых других автохтонных языков Танзании. План интервью и вопросы к респондентам несколько варьировали в зависимости от целей экспедиции, а также от опыта работы, непосредственных задач каждого исследования и специфики опрашиваемого населения. В 2011 г. план интервью был составлен автором с учетом опыта сезонов экспедиции российских антропологов в Объединенную республику Танзания в 2003 г. (Саватеев 2005) и в

2005 г. (Коротаев, Деминцева 2008) под руководством Д.М. Бондаренко. Вопросы включали данные о респонденте (возраст, профессия, религиозная и этническая принадлежность), длительности проживания в текущем районе, вопросы о землячествах² и их принципах работы. В 2013 г. на основе проанализированных полевых данных и литературных источников сотрудниками Института Африки РАН, Зеленовой Д.А., Иванченко О.В. и Поповым П.А., был составлен новый список для интервью, помимо данных о респонденте, включавший вопросы о типах групп взаимопомощи, в которых состоит/состоял опрашиваемый; о мотивации присоединиться к группе; о принципах формирования и функционирования сообщества, включая данные о частоте встреч, количестве членов, суммах взносов, принятых внутренних правилах и предусмотренных санкциях в случае их нарушения, о процедуре избрания руководителей сообщества, о наличии государственной регистрации и т.д.

В 2015 г. список был дополнен автором вопросами о значимости доверия между членами сообществ, соотношении формальных и неформальных основ функционирования групп, о возможной реакции на кражу фонда группы, включая обращение к полиции. Кроме того, был составлен отдельный опросник для танзанийцев, не состоящих в группах взаимопомощи, ключевой вопрос которого был о причинах невступления в подобные объединения. Впоследствии список вопросов продолжал изменяться и дополняться автором, на основе уже собранных данных и сообщений СМИ о текущих изменениях в законодательстве, главным образом касающихся попыток легализации групп викоба со стороны правительства или цифровых сервисов, предоставляемых банками. Списки вопросов интервью с указанием года/лет использования в приложении.

Включенное наблюдение. Автором проводилось включенное наблюдение в местах проживания респондентов, кроме того, в ознакомительных целях был

---

² В данной работе помимо термина «землячество» мы будем также использовать «этнические сообщества» или «сообщества по этническому/региональному принципу». В отдельных случаях будет встречаться термин «племенные союзы» как буквальный перевод английского «tribal union».

посещен ряд районов *усуахилини* Дар-эс-Салама, Аруши, Занзибара и Багамойо, в которых интервью не проводились. Автор также лично присутствовал на встречах групп взаимопомощи.

Анализ литературных источников. Автором были изучены научные работы, позволившие описать происхождение практик взаимопомощи, их распространенность в мире и трансформацию к нынешнему моменту. Изучение литературы позволило описать историю развития Дар-эс-Салама, появления районов *усуахилини*, формирования современного облика города и социальных связей населения.

Фотосъемка. Во время полевых исследований автором проводилась фотосъемка, что позволило отразить изменения в облике и жизни *усуахилини*, а также собраний групп взаимопомощи в изучаемый период времени.

Положения, выносимые на защиту:

1. Различные группы взаимопомощи в Танзании за 12 лет постепенно перенимали друг у друга экономические и социальные функции, сегодня даже в официально зарегистрированных объединениях, направленных исключительно на экономическую поддержку членов, функция укрепления социальных связей внутри сообщества играет важную роль. В противовес группам взаимопомощи, банки и микрокредитные организации подобной возможности социализации не предоставляют.
2. Для большинства танзанийцев неформальные основы доверия в группах взаимопомощи играют более важную роль, чем формальные. Даже в полностью формализованных и легализованных сообществах необходимо доверие: люди предпочитают приглашать новых членов в группу, основываясь на личном опыте знакомства, знании характера, репутации и экономических возможностей

человека, заполнение документов и юридическая ответственность никак не перекрывают этого факта.

3. Группы взаимопомощи особенно распространены среди женщин, которые ввиду частого сохранения патриархальной культуры в стране, до недавнего времени практически не были вовлечены в трудовые отношения и не имели возможности повысить свой социальный статус иным способом кроме замужества.
4. Правительство Танзании продолжает предпринимать попытки легализации неформальных групп взаимопомощи, при этом не пытаясь их заменить или запретить их деятельность, но интегрируя их в структуру экономики, поскольку доверие танзанийцев к подобным объединениям по-прежнему выше, чем к официальным институтам.
5. По сравнению с остальными группами викоба наиболее интенсивно подвергается процессам формализации и цифровизации, поскольку она наиболее заметна и известна: викоба распространена в ряде стран Африки; викоба не выходит из информационного поля СМИ; викоба изначально пользовалась государственной поддержкой; викоба направлена на развитие малого бизнеса и расширение прав и возможностей женщин (англ. «women empowerment»), что отражает важнейшие направления программ экономической модернизации развивающихся стран.
6. В танзанийском обществе продолжает происходить расслоение: часть сообществ, в которых состоят люди со средним достатком и минимальной финансовой грамотностью, проходят регистрацию через государственные институты или цифровые сервисы, пользуясь финансовой и правовой поддержкой, в то время как для более бедных групп малообразованных людей ничего не меняется, они по-прежнему основываются на доверии, несмотря на сопутствующие риски.
7. Идея групп взаимопомощи берет начало в сельском образе жизни: необходимость помогать друг другу, привычка полагаться на родственников и соседей, решать проблемы сообща – все это является естественным для жизни в

деревне. Городская среда не благоприятствует развитию подобных отношений, однако, зачастую, «деревенские ценности» полностью сохраняются и воспроизводятся среди жителей *усуахилини*, которые называют это частью менталитета танзанийцев.

Степень достоверности и апробации результатов исследования

Основные выводы и промежуточные результаты диссертации представлены в 8 научных работах, из них шесть статей вышло в изданиях из списка ВАК, индексируемых в международной базе данных Scopus и в журналах РИНЦ, а также две главы в коллективных монографиях. Данные исследования были апробированы на 18 научных конференциях, семинарах и круглых столах, как российских, так и международных. Кроме того, результаты работы использовались при подготовке лекций и семинаров, которые проводились автором в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках майнора «Антропология» в 2018-2019 году.

В рамках диссертационного исследования опубликовано 8 статей. В том числе 3 публикации в журналах, рекомендованных ВАК РФ, индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus, 3 в журналах, входящих в РИНЦ, 2 в качестве глав в монографиях:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ и индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus:

1. Иванченко О.В. Формальные и неформальные основы доверия в группах взаимопомощи жителей Дар-эс-Салама (Танзания) // Восток. 2017. № 1. С. 121-130.
2. Ivanchenko O., Banshchikova A. Urbanization and Mutual Help Groups: Contribution to Nation-Building in Tanzania // Social Evolution & History. 2018 Vol. 17 No. 1 P. 34-59.

3. Иванченко О. В. Эволюция групп взаимопомощи в современной Танзании: формальные практики неформальной экономики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2026. Т. 17. Выпуск 3 (161). URL: <https://history.jes.su/s207987840038679-5-1/>

Журналы в базе РИНЦ:

1. Зеленова Д.А., Иванченко О.В., Попов П.А. Танзания. Взаимопомощь в городских сообществах // Азия и Африка сегодня. 2015. № 4. С. 35-40.

2. Иванченко О. В., Банщикова А. А. Заменяя государство: альтернативные социальные практики в группах взаимопомощи в современном Дар-эс-Саламе // Конфликтология / nota bene. 2017. № 4. С.47-55.

3. Иванченко О. В., Банщикова А. А. Городской образ жизни – сельский образ мысли: неполная урбанизация и стратегии выживания в танзанийском мегаполисе Дар-эс-Саламе // Ученые записки Института Африки РАН. 2018. № 3. С. 100-111.

Главы в монографиях:

1. Иванченко О.В. Женские группы взаимопомощи в современных городских сообществах Дар-эс-Салама, Танзания // Женские организации в Африке как форма политического и социокультурного самовыражения. М.: Институт Африки РАН. 2017. С. 119-131.

2. Иванченко О.В. Группы взаимопомощи сегодня и завтра: от низовой самоорганизации до M-Koba и Bank of Tanzania // Коллективная монография "Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера". Отв. ред. к.и.н. В.В. Грибанова, д.и.н. Н.Л. Крылова. М.: ИАФР РАН. 2020. Стр. 66-75.

Результаты также представлены в тезисах 7 докладов:

1. Ivanchenko O.V. Bank of Tanzania and M-koba: formalizing mutual help practices in Dar es Salaam in 2019. In: 15th International Conference of Africanists. Destinies of Africa in the Modern World. Abstracts (XV Международная конференция

африканистов. Судьбы Африки в современном мире. Тезисы). Moscow: Institute for African Studies. 2021. P. 26-28.

2. Иванченко О.В. Формальные и неформальные основы доверия в группах взаимопомощи жителей Дар-эс-Салама (Танзания). Сборник тезисов второй научно-практической конференции «Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследований». Москва, ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс. 2016. С. 59.

3. Иванченко О.В. Проблема доверия в группах взаимопомощи африканцев Дар-эс-Салама. Материалы конференции "XIV Всероссийская Школа молодых африканистов". М: 2015. С. 175.

4. Ivanchenko O., Popov P. Regulation of the grassroots mutual help practices among urban communities in Dar Es Salaam: economic empowerment or the opposite? In P. Laviolette (ed.). Collaboration, Intimacy and Revolution – Innovation and Continuity in an Interconnected World. European Association of Social Anthropologists 13th Biennial Conference. Tallinn: Tallinn University. 2014. P. 206.

5. Иванченко О.В., Попов П.А. Обратная сторона Дар-эс-Салама: усуахилини. In A.M. Vasiliev (ed.). XIII Конференция африканистов “Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое.” М: Институт Африки РАН. 2014. С. 303-304.

6. Зеленова Д.А., Иванченко О.В., Попов П.А. Практики взаимопомощи среди беднейших сообществ в современном африканском мегаполисе (на примере Дар-эс-Салама). Сборник тезисов конференции «БРИКС и перспективы социально-экономического, политического и культурного развития Африки» XII Всероссийской школы молодых африканистов. 2013. С.122-124.

7. Иванченко О.В. Землячества в крупных городах современной Танзании. Сборник тезисов XI Всероссийской Школы молодых африканистов «Проблемы изучения Африки в России и за рубежом». Казань, Казанский Федеральный Университет. 2012. С. 123-124.

Результат работы были представлены и обсуждались на конференциях, семинарах и круглых столах, в общей сложности было сделано 12 сообщений:

1. 9-10 мая 2024, международная конференция "Colloque International Les Diasporas Internes En Afrique / International Conference: Diasporas Within Africa" (Дуала, Камерун), с докладом «New opportunities of the big city: transformation of the ethnic identity amid Dar-es-Salaam multicultural background».
2. 27 июня 2023 г. XV Конгресс антропологов и этнологов России (Санкт-Петербург, Кунсткамера, СПбГУ), с докладом «Викоба и эволюция групп взаимопомощи в современной Танзании: формальные практики неформальной экономики».
3. 24-26 мая 2021, XV Международная конференция африканистов. Судьбы Африки в современном мире (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Bank of Tanzania and M-koba: formalizing mutual help practices in Dar es Salaam in 2019».
4. 4-7 мая 2019, международная конференция 1st Social Scientists' Conference "State-Building in Africa: Prospects and Challenges" (Dar es Salaam, Mwalimu Nyerere Memorial Academy), с докладом, совместно с В. Mkunde, «Evolution of mutual help groups in Dar es Salaam (Tanzania) from 2011 to 2018».
5. 1 октября 2019, круглый стол «Новые тенденции в изучении Африки: историко-антропологический и гендерный аспекты» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Группы взаимопомощи сегодня и завтра: от низовой самоорганизации до M-koba и Bank of Tanzania».
6. 16 мая 2018, научный семинар «Культура и Общество» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Женские группы взаимопомощи в современных городских сообществах Дар-эс-Салама, Танзания».
7. 17-20 октября 2017, XIV Международная конференция африканистов «Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Formal and informal foundations of trust in mutual help groups of Dar es Salaam (Tanzania) residents».

8. 13 сентября 2016, научный семинар «Культура и Общество» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Проблема доверия в группах взаимопомощи среди жителей Дар-эс-Салама».
9. 18 мая 2015, научный семинар «Культура и Общество» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Группы взаимопомощи среди городских жителей современного Дар-эс-Салама, результаты анкетирования».
10. 19-20 марта 2015, конференция «Власть и насилие в незападных обществах» (Москва, Высшая школа экономики), с докладом «Практики взаимопомощи городских сообществ Танзании».
11. 9 декабря 2014, научный семинар «Культура и Общество» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом, совместно с Д.А. Зеленовой и В.В. Кручинским, «Практики взаимопомощи в африканском городе. На примере городских сообществ Дар-эс-Салама (Танзания) и Йоханнесбурга (ЮАР)».
12. 4-6 декабря 2013, научно-практическая конференция молодых ученых «Антропология города» (Москва, ИЭА РАН), с докладом, совместно с Зеленовой Д.А. и Поповым П.А., «Усуахилини Дар-эс-Салама в контексте трансформаций африканского мегаполиса». 13 сентября 2016, научный семинар «Культура и Общество» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Проблема доверия в группах взаимопомощи среди жителей Дар-эс-Салама».
13. 18 мая 2015, научный семинар «Культура и Общество» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом «Группы взаимопомощи среди городских жителей современного Дар-эс-Салама, результаты анкетирования».
14. 19-20 марта 2015, конференция «Власть и насилие в незападных обществах» (Москва, Высшая школа экономики), с докладом «Практики взаимопомощи городских сообществ Танзании».
15. 9 декабря 2014, научный семинар «Культура и Общество» (Москва, Институт Африки РАН), с докладом, совместно с Д.А. Зеленовой и В.В. Кручинским, «Практики взаимопомощи в африканском городе. На примере городских сообществ Дар-эс-Салама (Танзания) и Йоханнесбурга (ЮАР)».

16.4-6 декабря 2013, научно-практическая конференция молодых ученых «Антропология города» (Москва, ИЭА РАН), с докладом, совместно с Зеленовой Д.А. и Поповым П.А., «*Усуахилини* Дар-эс-Салама в контексте трансформаций африканского мегаполиса».

Российским гуманитарным научным фондом был поддержан исследовательский проект № 13-31-01284, «Практики взаимопомощи в африканском городе». Автор данной работы являлся исполнителем проекта в 2013–2015 гг.

Структура диссертационной работы

Структура диссертационной работы соответствует целям, задачам и логике проведенного исследования. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка литературы, 18 фотографий и Приложения, включающего списки вопросов, использованных в полевых исследованиях разных лет. Список литературы включает 135 источников, из которых 109 на иностранных языках.

Глава 1. Обзор литературы

Традиционные сельские сберегательные сообщества, занимавшиеся кредитованием и накоплением средств, привлекали внимание антропологов, социологов и экономистов с 60 гг. XX в. В самом классическом виде такие группы были названы учеными *rotating savings and credit association (ROSCA)*. В российской литературе используются такие варианты перевода: Ассоциация поочередных сбережений и кредитования (АПСК), ротационная кредитно-сберегательная ассоциация, общество взаимного кредитования, касса взаимопомощи. В зарубежной литературе используется множество других названий подобных объединений, например: *mutual benefit society, mutual benefit fund, aid fund, friendly society, loan society, mutual aid fund, contribution club, mutual lending society, pooling club, thrift group*. В текущей работе автор будет использовать термин группы/сообщества/практики взаимопомощи.

Среди классических работ по данной теме выделяется обобщающее исследование К. Гирца, описавшего группы *arisen* в Индонезии, а также похожие сообщества в странах Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Geertz 1962). В работе им был использован термин «*The Rotating Credit Association*» (Ротационная ассоциация кредитования), который он описал так: основной принцип – единовременный фиксированный взнос каждого члена ассоциации, распределяемый через установленные промежутки времени и выдается каждому члену ассоциации по очереди. К. Гирц был уверен, что такие практики характерны именно для сельских общин и являются своеобразным переходом от аграрной к капиталистической модели экономики, поскольку сельские жители не обладают финансовой грамотностью и не готовы полноценно включиться в рыночную экономику, а имеющиеся «капиталистические» учреждения, такие как банки и кооперативы, не вызывают у них доверия, кажутся безличными и сложными. По утверждению К. Гирца, со временем подобные объединения должны были либо исчезнуть, либо превратиться в банки. Однако этого не произошло: ассоциации

взаимопомощи по-прежнему широко распространены и встречаются по всему миру. Более того, вместе с миграцией сельского населения они были перенесены в города, где оказались еще более востребованными из-за отсутствия поддержки деревенской семейной общины.

Впоследствии в своей работе Ш. Арденер предложила доработать определение К. Гирца и называть такие ассоциации термином ROSCA, Rotating Savings and Credit Association (РОСКА, Ротационная ассоциация кредитования и сбережений): группа людей, согласившихся делать регулярные взносы в фонд, который предоставляется, полностью или частично, каждому вкладчику поочередно (Ardener 1963: 201).

Определенно он существовал в 1843 году, поскольку словарь йоруба С. Кроутера того времени содержал подробности о небольших вращающихся кредитных ассоциациях среди эгба (народа йоруба) и отмечал, что термин эсу использовался для обозначения пожертвований (Ardener 1963: 204).

В своей работе Ш. Арденер, цитируя нескольких авторов, собравших сведения о РОСКА в Африке, говорит о том, что первые упоминания групп РОСКА у народности йоруба (Нигерия, Гана) появились примерно в середине XIX века, более того, пожертвования собирались ракушками каури до того, как британцы ввели в обращение деньги (Bouman 1995: 121). Известны также случаи, когда в подобных группах взносы делались пищевыми продуктами (рис) и железными браслетами; скорее всего, такие объединения существовали и раньше, Х. Сейбл и Б. Шрестха датируют появление первых РОСКА в Южной Нигерии 1600 г. (Seibel, Shrestha 1988: 183).

Опираясь на данные из личной беседы с П. Хиллом, Ш. Арденер описывает РОСКА, встреченные П. Ригби в Восточной Африке в 60-х гг., когда впервые появляются сведения о подобных ассоциациях в Танзании, на территории Угого (историческая территория народности гого, современная область Додома), такие группы были очень распространены в городе Додома, а в мелких городах вдоль

железной дороги они часто создавались железнодорожными служащими (Ardener 1963: 207).

Ш. Арденер также критиковала тезис К. Гирца о том, что РОСКА являются переходным звеном от аграрной экономики к коммерческой торговле. Поскольку, во-первых, во множестве обществ, успешно завершивших такой переход, подобные объединения по-прежнему процветают, а во-вторых, часто такие группы основываются наемными рабочими, далекими от торговли (Ardener 1963: 221).

Начиная с 1970-х гг. особое внимание научного сообщества стало уделяться обострившейся проблеме безработицы в развивающихся странах. Примерно в это же время появился термин “неформальный сектор экономики” (Hart 1973), который впоследствии стал использоваться Международной организацией труда, после чего он закрепился в науке и появилось множество работ, посвященных данному явлению (Francis 2000; Becker 2004; Gugerty 2007; Yusuf et al. 2009; Adofu et al. 2010; Hillenkamp et al. 2013; Cling et al. 2015).

В 1977 обобщающее исследование о механизмах работы РОСКА и групп взаимопомощи написал экономист Ф. Боуман. В своей работе он подчеркивал, что такие объединения строятся на низовом уровне и функционируют на неформальном рынке (Bouman 1983: 5). Популярность подобных сообществ была обусловлена тем, что у бедных не всегда был доступ к официальным институтам (банкам, кредитным союзам, почтовым отделениям) ввиду ряда причин: географическая недоступность учреждений; психологический барьер, связанный с отсутствием опыта общения с подобными организациями, заполнением документов и т.д.; незаинтересованность самих официальных учреждений в работе с мелкими вкладчиками и заемщиками (Bouman 1983: 3-4). Малочисленность членов РОСКА позволяет им знать друг друга лично, что является защитой от мошенничества и неуплат за счет использования социальных санкций: в Бенине члены, просрочившие уплату взноса, наказывались похищением коровы или угрозой поджога зернохранилища, сообщалось даже о крайних случаях самоубийств и вовлечения в проституцию (Bouman 1983: 5).

Позже Ф. Боуман назвал РОСКА «банком бедняков, где деньги не просто хранятся, а быстро переходят из рук в руки, удовлетворяя нужды потребления и производства» (Bouman 1983: 36). Такие группы выполняют роль неофициального финансового учреждения, основанную на взаимодействии физических лиц, что является альтернативой банку. Такие объединения наиболее распространены в развивающихся странах или среди групп иммигрантов в развитых странах, т. е. там, где могут возникать проблемы с доступом к официальным учреждениям.

Также Ф. Боуман приводит примеры существования РОСКА, занимающихся церемониальной помощью своим членам в случае свадеб, похорон и других важных обрядов жизненного цикла (Там же, 125). При этом он подчеркивает, что наступление колониализма, введение налогов и образования, возросшая коммерциализация и монетизация, прогрессирующая доступность привлекательных потребительских товаров и рост контактов между городом и деревней принесли с собой постепенную переоценку ценностей и систем безопасности. Некоторые РОСКА приобрели все больше экономических функций, при этом экономическая функция сопоставлялась, а иногда даже накладывалась на ее первоначальную защитную функцию безопасности и социализации.

Широкое распространение РОСКА в мире и схожесть механизмов их функционирования Ф. Боуман объяснял универсальностью человеческой природы и логики коллективных действий перед лицом неопределенности и рисков, что способствовало формированию коллективных сетей взаимопомощи, основанных на реципрокности. Так он предполагал, что в разных уголках мира люди пришли к одинаковым выводам независимо друг от друга. Интересно, что высказанные предположения полностью коррелируют с данными эволюционной теории, подчеркивающей универсальность альтруизма и кооперации в развитии человеческих обществ (Бутовская, Ростовцева 2021), на которую мы также опираемся в данной работе.

После выхода статьи Ф. Боумана появилось множество исследований по данной теме, при этом больше всего внимание научного сообщества было приковано к

подобным объединениям в развивающихся странах Азии и Африки. Тем не менее в Восточной Африке и, тем более, в Танзании подобных исследований проводилось не так много, к тому же чаще всего это статистические количественные исследования. Приведем наиболее интересные работы.

В 1990 г. М. Нданшау было проведено исследование, в котором подробно изучались принципы функционирования и демографический состав групп упату/мчезо (РОСКА) в Дар-эс-Саламе, в нем приняли участие 90 человек, состоявшие в 49 группах упату. Автор писал о том, что группы упату широко распространены как в городе, так и в сельской местности, а причины, по которым люди принимают участие в подобных практиках, – это экономические трудности, рост стоимости жизни, а также отсутствие возможности обратиться в официальные финансовые институты. При этом женщины составили 76 % участников, группы в основном насчитывали 5–10 человек (хотя были и исключения). Чаще всего упату создавались коллегами (33 %); людьми, живущими в непосредственной близости друг от друга (20 %) или даже снимающими комнаты в общем доме (20 %); друзьями (13 %) и всего одна из анализируемых групп была основана на этническом принципе. Средства, полученные от упату, в основном расходовались на приобретение дорогостоящих предметов быта, таких как мебель, часть сбережений тратилась на покупку товаров, не подверженных инфляции, например золотые украшения. В исследовании подчеркивалось важность подобных объединений в качестве источника финансовой поддержки, в особенности для женщин и начинающих предпринимателей (Ndanshau 1990).

Примерно в то же время М. Малкамаки было проведено сравнительное исследование об особенностях финансирования микропредприятий в Бангладеш, Кении и Танзании. При этом среди 300 опрошенных танзанийцев только 15 были членами упату, но 17 % опрошенных знали о подобных группах, однако почти все они положительно их оценивали и считали полезными. Среди членов упату 12 человек использовали деньги, полученные в группе, для поддержания собственного дела, а 3 – для покупки товаров потребления, помимо этого, половина

всех опрошенных использовала какую-то часть денег упату для создания накоплений (Malkamaki 1990). Было отмечено, что неформальные экономические практики приобрели популярность в начале 1980-х годов, ввиду серьезного падения доходов среди официально работающих людей, потому они стали искать доходы в неформальном секторе (Malkamaki 1990; Tripp 1988; Bagachwa 1995).

В 1993 г. М. Нданшау, М. Хьюха и Дж. Копокола с группой ученых при поддержке со стороны исследовательской компании African Economic Research Consortium, AERC (англ. «Африканский консорциум экономических исследований»³), было проведено углубленное исследование формального и неформального финансового сектора. Исследование охватывало 7 регионов Танзании (Дар-эс-Салам, Прибрежный регион, Морогоро, Аруша, Додома, Мбея, Мара), в основном рассматривались сельскохозяйственные сообщества, хотя в число опрошенных попали и городские жители, всего приняли участие 262 домохозяйства, а данные обрабатывались с использованием финансовых и статистических методов анализа. Главным вопросом было, какие источники сбережений и инвестирования используются фермерами. В числе неформальных источников рассматривались частные заемщики, неофициальные микрофинансовые компании, займы у родственников и соседей, а также РОСКА.

Выяснилось, что более 40% домохозяйств в Дар-эс-Саламе и Морогоро, 36% в Мбее и 67,3% в Прибрежном регионе использовали неформальные займы. В большинстве случаев займы использовались для приобретения потребительских товаров, покупки скота, земли, финансирования сбора урожая, в более редких случаях горожане (Дар, Мусома) тратили занятые средства на финансирование образования детей.

При этом, авторы отметили, что фермеры чаще всего не включали в понятие кредитов/займов взаимопомощь по неформальной договоренности с соседями, то есть возможность поделиться едой, помочь с обработкой поля и выгулом скота,

---

³ AERC, официальный сайт: <https://aercafrica.org/> Accessed 26.06.2025

одолжить сельскохозяйственные орудия и т.д. По той же причине группы РОСКА в полученной статистике заняли минимальную долю по использованию. Главный же вывод авторов состоит в том, что несмотря на бытующее мнение о высоких процентных ставках и ненадежности неформальных финансовых источников, они служат удачным дополнением формального финансового сектора, а вмешательство официальных институтов в неформальный сектор нежелательно и может только ухудшить положение бедняков (Nyuha et al. 1993).

В 1995 вышло исследование М. Багачвы, посвященное анализу взаимодействия таких неформальных кредиторов, как торговцы, землевладельцы, сберегательные и кредитные общества, группы РОСКА и их клиентов, т.е. фермеров, торговцев (Bagachwa 1995). Поскольку автор предполагал, что в наиболее крупных городских и сельских сообществах сильнее всего будут развиты неформальные финансовые институты, исследование основывалось на интервью и статистической информации о жителях 6 крупных округов выбранных регионов: Аруша, Дар-эс-Салам, Иринга, Килиманджаро, Морогоро, Танга.

Выяснилось, что в большинстве случаев неформальными кредиторами являются мужчины, за исключением групп РОСКА, где 57 % участников составили женщины. При этом было обнаружено явное неравенство в уровне образования между дающими займы и работниками реального неформального сектора: если первые чаще всего имели среднее, среднеспециальное образование, за редким исключением, то вторые в основном ограничивались начальным, часто неоконченным, или же его отсутствием. Такая ситуация приводила к тому, что заемщики были финансово безграмотны, а потому даже не пытались вести записи своих финансовых операций. Отчасти ввиду существующего разрыва в экономическом образовании, неформальные кредиторы вели дела, основываясь исключительно на личных отношениях, территориальной близости и «сарафанном радио». Решение о кредитоспособности того или иного человека принималось не на основе каких-то формальных критериев вроде владения имуществом, наличия постоянной работы и т.д., а гарантом возврата средств служили моральные

обязательства. Таким образом, главной причиной популярности неформальных кредиторов была именно их гибкость и адаптивность в противовес официальным институтам: отсутствие формального регулирования, ограничений по процентным ставкам, срокам выплат и бюрократических сложностей неизменно привлекала клиентов.

В 1999 г. П. Кимуйю опубликовал работу, в которой проводился сравнительный анализ участия представителей двух сельских районов с похожими условиями в Кении и Танзании в группах РОСКА с целью понять, почему домохозяйства в них участвуют, каковы возможности и ограничения по сравнению с формальными финансовыми институтами (Kimuyu 1999). В исследовании рассматривались также и другие источники финансирования, такие как кооперативные кредиты, семейные займы и даже брачные обязательства. Данные были собраны в ходе 5 повторных визитов в сообщества на протяжении года, при этом 25% домохозяйств в каждой из локаций были отобраны случайным образом при помощи использования данных переписи и списков домохозяйств, ведущихся председателями деревень. Выяснилось, что в Танзании РОСКА менее популярны, чем в Кении: в них принимали участие всего 4,3% домохозяйств из 115, против 45% из 110 в Кении, что объясняется большей развитостью рынка в Кении. В исследовании группы РОСКА были названы альтернативой официальным финансовым учреждениям, доступ к которым может быть ограничен ввиду различных причин, что особенно актуально для небольших домохозяйств и женщин, поскольку наследование и право собственности часто отведено мужчинам. Группы РОСКА способствуют улучшению благосостояния за счет снижения стоимости сбережений на единовременные расходы, при этом автор приходит к выводу, что они не способны хеджировать риски, а их использование вероятно в случаях сбоев финансового рынка, по-разному отражающихся на домохозяйствах.

Таким образом, исследователи сходились в том, что неформальные группы взаимопомощи способны дополнить и создать альтернативу формальному рынку,

а вмешательство официальных инстанций скорее нежелательно. Тем не менее в Танзании рынок до сих пор нестабилен, а существующие неформальные практики только укрепились.

Среди более поздних работ стоит отметить исследования Д. Родима-Тэйлор, которая собирала полевые данные в регионе Мара среди женщин народности курия. Работа проводилась в 6 деревнях 32 месяца в период с 1999 по 2002 год (Rodima-Taylor 2013; 2014). Выборка включала членов экономических групп взаимопомощи, местных фермеров, неформальные советы, представителей государственных судов, местных и центральных органов власти, неправительственные организации, а также автором были изучены программы развития на местном и национальном уровнях. Исследования включали анализ социальных практик, таких как трудовые обмены, кредитные схемы, ритуалы и обряды, с целью выявить способы формирования идентичности и социальных связей в сообществах. В результате было показано, что для женщин-куриа в Танзании группы взаимопомощи являются не просто экономическими объединениями, но важным механизмом адаптации к изменяющимся социальным и экономическим условиям, включая рост денежной экономики и коммерциализацию. Главный вывод состоит в том, что «свободы» женщин-куриа в сфере предпринимательства возникают не как результат индивидуальной автономии, а как следствие сложных взаимосвязей и обязательств внутри групп взаимопомощи. Женщины используют эти группы для укрепления своей независимости и расширения возможностей, но при этом остаются связанными с другими членами группы различными обязательствами. Таким образом, исследование демонстрирует, что культурные традиции и исторический контекст играют важную роль в формировании групп взаимопомощи и в определении способов, которыми женщины используют их для достижения своих целей. Автор подчеркивает необходимость дальнейших исследований, чтобы полноценно понять местные модели отношений и их влияние на жизнь женщин в данном контексте.

На том же материале Д. Родима-Тэйлор написала работу, посвященную взаимопомощи в постсоциалистической Танзании (Rodima-Taylor 2014), которая демонстрирует, что различные объединения кооперативного труда и взаимной безопасности играют все большую роль в глобализирующихся африканских сообществах. Местные институты взаимопомощи становятся все более важными в регулировании доступа к ресурсам и переформировании социальных связей в условиях сохраняющейся нестабильности. Они поощряют обмен через расширение общественных связей, что способствует возникновению новых экономических ниш и социальных идентичностей. Исследование указывает на то, что экономические изменения имеют значение для перераспределения политического влияния, поскольку работа институтов взаимопомощи направлена на стимулирование сотрудничества и расширение возможностей местных сообществ. При этом хотя кооперация и совместная работа рассматриваются как базовые ценности, такие организации также могут быть использованы в корыстных целях отдельными лицами или группами, приводя к усилению неравенства. В целом, автор подчеркивает важность понимания принципов работы институтов взаимопомощи и их влияния на экономическую, социальную и политическую жизнь сообществ в постсоциалистической Танзании.

Хотелось бы отметить исследование, проведенное группой ученых в регионе Шиньянга, округах Самуйе и Кизумби (Aikaruwa et al. 2014). Авторами были выявлены преимущества, которые участники получают через группы взаимопомощи, как социальные, так и экономические. Данные анализировались качественно и количественно с использованием SPSS. Было показано, что подобные группы имеют значительное влияние на членов, предоставляя возможности взятия кредита, накопления сбережений и социальной поддержки. Большинство изученных групп были неформальными и не имели официальной регистрации, но базировались на внутренних правилах, основанных на доверии. Чаще всего участники присоединяются к подобным объединениям для получения кредитов (32,4%), социальной поддержки (27,9%) и технической помощи (22,1%).

Группы помогали своим участникам улучшать условия жизни, обеспечивать образование детям и предоставляли моральную поддержку в трудные времена. Также они способствовали обмену опытом между членами в различных сферах и помогали установить доверительные отношения, что в итоге приводило к повышению уверенности в себе и укреплению социальных связей. По мнению авторов, следовало бы формализовать группы, чтобы они стали более эффективными инструментами борьбы с бедностью и улучшения жизненных условий. Кроме того, необходимо уделять внимание обучению участников для повышения их кредитоспособности и обеспечения доступа к дополнительным ресурсам.

Отталкиваясь от выводов работ Д. Родима-Тэйлор (Rodima-Taylor 2013; 2014), в представляемой диссертационной работе будут проанализированы произошедшие в течение последних лет изменения, затронувшие такие группы и их текущее положение, а также общая роль институтов взаимопомощи в современной жизни постсоциалистической Танзании.

Глава 2. Место проведения исследований, методы и объекты исследования

Место исследований: Танзания, общие сведения

Объединенная республика Танзания – самое большое государство в Восточной Африке, представляющее собой союз материковой части страны (Танганьика) и островной (архипелаг Занзибар), имеющей статус автономии. Административной столицей страны является Додома, при этом бывшая столица, Дар-эс-Салам, остается крупнейшим городом, главным портом и ведущим финансовым центром.

Политическое и административное устройство

Танзания – унитарная парламентско-президентская республика, президент избирается сроком на 5 лет, одновременно являясь главой государства, правительства и многопартийной системы. Согласно Конституции, каждая ветвь государственной власти представлена двумя органами: исполнительная власть – правительством Объединенной Республики и Революционным правительством Занзибара; законодательная власть – парламентом Объединенной Республики и Палатой представителей Занзибара; судебная власть – судами Объединенной Республики и судами Революционного правительства Занзибара (Большая российская энциклопедия. Танзания).

Танзания разделена на 31 регион, пять из них находятся на островной части, остальные – на материковой. Каждый регион управляется комиссаром, который назначается центральным правительством. На уровне региона, отделения (суах. «tarafa») и административного района (суах. «kata») существуют всенародно избираемые советы с назначаемыми исполнительными должностными лицами. Административные районы, в свою очередь, делятся на улицы в городах (суах.

«mtaa») и деревни (суах. «kijiji») в сельской местности для простоты управления (Encyclopedia Britannica. Tanzania).

Экономика

Экономика Танзании является аграрно-сырьевой, важнейшие отрасли промышленности – пищевая, легкая, химическая и горнорудная. В 2022 году 65,51 % населения Танзании были заняты в сельскохозяйственном секторе, 8,47 % — в промышленности и 26,02 % — в сфере услуг (Statista, Tanzania: Distribution of employment by economic sector from 2012 to 2022). Страна находится на ранней стадии перехода от аграрной экономики к развитию и наращиванию производства, а потому рабочие места в городах появляются в секторах с низкой добавленной стоимостью (The World Bank 2021: 6). Горожане заняты преимущественно в неформальном секторе экономики: в Дар-эс-Саламе 47 % глав домохозяйств работают в сфере услуг с низкой добавленной стоимостью (The World Bank 2019).

Население

Танзания – страна, отличающаяся редким даже для Африки этническим многообразием, на ее территории проживает более 120 народностей (Batibo 2000: 5–7), включая представителей этнорасовых меньшинств (арабы, индийцы, европейцы, китайцы), которые играют заметную роль в общественно-политической жизни, несмотря на свою малочисленность (около 1% населения страны) (Joshua project, Country: Tanzania).

Официальная статистика численности последователей основных религий в Танзании не ведется: это принципиальная позиция подчеркнута светского государства (Бондаренко 2005: 44; Халтурина, Коротаев 2005: 24). Последняя перепись населения 1967 г., учитывавшая религиозный состав, выявила 32%

христиан и 30% мусульман (Heilman, Kaiser 2002: 698). По данным World Religion Database, по состоянию на 2004 г. в Танзании было 57,15% христиан и 30,12% мусульман (остальные – последователи традиционных верований, агностики, атеисты и т.д.). Association of Religion Data Archives представляет следующие данные: 55,3% христиан и 31,6% мусульман по состоянию на 2020 г. Миссионерская некоммерческая организация Joshua Project оперирует еще более умеренными цифрами: 50,9% христиан и 29,6 % мусульман на 2024 г. (Банщикова, Брындина, Иванченко 2024).

2.1. История Дар-эс-Салама, появление *усуахилини*

Как уже было упомянуто, Дар-эс-Салам (Рис. 1) является крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром страны с момента получения Танганьикой независимости в 1961 г., а также это один из самых быстрорастущих мегаполисов в Африке (Brennan et al. 2007: 1).

Рис. 1. Дар-эс-Салам, вид с самолета.

Изначально на месте Дар-эс-Салама располагалась рыбацкая деревня Мзизима, находившаяся на периферии наиболее важных торговых путей XIX в. (Там же, 14).

Начиная с 1830-е гг. султан Сейид Саид бин Султан аль-Бусаид, правитель Маската, Омана и Занзибара начал активно укреплять свои позиции во владениях на континенте. По мере роста важности торговли продуктами с континента, росло и влияние занзибарских арабов в прибрежных городах-государствах, главных пунктах снабжения Занзибара (Банщикова, Брындина, Иванченко 2024: 19). После смерти Сейида Саида в 1856 г. между его потомками развернулась борьба за престол Оманской империи, в итоге она была разделена на два отдельных султаната, Сейид Маджид бин Саид аль-Бусаид стал правителем Занзибарского султаната, а его брат, Тувейни бин Саид аль-Бусаид, – Оманского (Arriah, Gates 2005: 188). В 1862 г. Сейид Маджид принял решение построить город вблизи Мзизимы, поскольку хотел избежать политического давления европейских агентов на Занзибаре, а также снизить влияние городской элиты Багамойо, где на тот момент был ведущий порт караванной торговли. Вблизи Мзизимы имелась удобная природная бухта и данная локация располагалась на одном уровне с занзибарским проливом (Calas 2010: 11; Brennan et al. 2007: 16). В 1865-66 г. началось строительство, город был назван Дар-эс-Салам (араб. Dār as-Salām, «гавань мира»). Экономика Дар-эс-Салама изначально строилась на плантационном хозяйстве и караванной торговле на дальние расстояния, а султан Маджид поощрял купцов из числа хадрамаутских арабов (современный Йемен) и индийцев переезжать туда с Занзибара (Sutton et al. 1970: 5).

После смерти султана Маджида в 1870 г. и вплоть до 1887 город постепенно приходил в упадок. Тем не менее, даже тогда его экономическая значимость росла, население увеличивалось, в итоге к 1880-м гг. город стал вторым устоявшимся центром после Багамойо (Brennan et al. 2007: 19).

Германская Восточноафриканская компания (Deutsch-Ostafrikanische Gesellschaft, сокр. DOAG) с середины 1880-х гг. начала проявлять интерес к материковой территории современной Танзании, проводить экспедиции вглубь континента и заключать «договоры о дружбе», согласно которым местные правители по незнанию передавали права на землю DOAG (Банщикова 2022: 97). В 1885 году

немецкие канонерские лодки добились от султана Баргаша разрешения на ведение торговли в Дар-эс-Саламе, а в 1887 году султан Баргаш согласился передать таможни Дар-эс-Салама и Пангани под управление DOAG (Glassman 1995: 182-183; Unangst 2022: 67). В 1887 г. Дар-эс-Салам и его окрестности представляли собой 3 концентрических зоны: в центральной части (район современных улиц Samoga avenue, Sokoine drive) располагались каменные здания, в которых находились административные и коммерческие учреждения; поля с кокосовыми плантациями, ранее принадлежавшие султану и арабской элите, обрабатываемые африканскими рабами; деревни автохтонных народностей зарамо и шомви⁴ (Brennan et al. 2007: 21; Calas 2010: 28; Smiley 2009: 180).

После восстания Бушири в 1888 г., таможенный офис Компании в Дар-эс-Саламе был преобразован в военную станцию (Brennan et al. 2007: 21), а в 1891 году немецкое колониальное правительство перенесло свою штаб-квартиру в Дар-эс-Салам из соседнего порта Багамойо. Когда Дар-эс-Салам стал столицей Германской Восточной Африки, туда сразу же потянулись потоки мигрантов, в том числе с отдаленных территорий: освобожденные рабы маньема (совр. ДР Конго; регион Танзании Кигома); ньямвези (совр. регион Танзании Тabora), работавшие караванными носильщиками; нгони и яо с юга (совр. регионы Танзании Мтвара, Рувума) (Tsuruta 2003: 59-60). Население города росло рывками, хотя достоверность цифр вызывает сомнения, но по имеющимся данным оно увеличилось с 3000 человек в 1887 г. до 10 000 в 1894 г. и до 13 000 к 1899 г., а к 1900 г. население достигло 20 000, но после рост замедлился до 22 500 к 1913 г. и до более 25 000 после I мировой войны из-за притока африканцев из сельской местности (ради работы по найму или продажи сельскохозяйственной продукции) (Sutton et al. 1970: 19).

---

⁴ Шомви – народность, проживавшая в XVII–XIX вв. в районе Дар-эс-Салама и Багамойо. *Шомви* возводили свое происхождение к переселенцам с Ближнего Востока (совр. Иран, Йемен), из числа элиты *шомви* назначались наместники султана на побережье в доколониальный период. (см. подр. Owens 2006: 717).

В 1891 г. немецкая администрация выпустила первый устав о нормах строительного проектирования (нем. Bauordnung, англ. building ordinance) в городе, определившие его облик в дальнейшем. Городская земельная политика германских колониальных властей характеризовалась двумя целями: подчеркнуть доминирование европейцев и обосновать расовую сегрегацию (Kironde 1994: 124-125). Согласно уставу, Дар-эс-Салам был разделен на три зоны в соответствии со стандартами строительства домов, разрешенными в каждой из них. В этих нормах ничего не говорилось о расах обитателей домов, но именно тогда город был сегрегирован по расовому принципу (Brennan et al. 2007: 24; Smiley 2009: 179).

В зоне 1 разрешалось строить здания европейского типа, зона 2 предназначалась для жилых или коммерческих зданий, чаще всего принадлежавших арабам и индийцам, а зона 3 – для зданий в «суахилийском», т.е. африканском, местном стиле (Smiley 2009: 180; Brennan et al. 2007: 24; Calas 2010: 34). В отличие от каменных зданий зоны 1 и 2, дома в суахилийском стиле были построены из ненадежных материалов: глины, древесных опор, соломы, пальмовых листьев. Принятые требования делали дома в 1 и 2 зонах абсолютно недоступными по стоимости для африканского населения города. В последующих законодательных актах Германии, а позже – Великобритании, строительные нормы, а также порядок приобретения и передачи земли, закреплялись и уточнялись, что в итоге только усилило расовую дискриминацию.

В других африканских колониальных городах также регулировались правила застройки пространства и владения землей, что в первую очередь было связано с вопросами здравоохранения и санитарии. Пространственные, правовые и психологические границы между различными социальными, этническими или расовыми категориями жителей были введены для обеспечения поддержания новых политических систем (Odile 2013: 2). Наиболее часто колониальные власти устанавливали так называемый «санитарный кордон» (фр. cordon sanitaire), т.е. пустое пространство между европейскими и африканскими поселениями в городе, чтобы ограничить круг переносчиков болезней. В Дар-эс-Саламе немецкая

колониальная администрация боялась не только болезней, но и криминала, по их мнению, процветавшего в третьей зоне (Kironde 1994). Так, в 1913 в Дар-эс-Саламе началось строительство квартала для африканцев, Кариако (суах. «Kariako»), и санитарного коридора, Мнази моджа (суах. «Mnazi mtoja»), который отделял его от остальных зон города (Brennan et al. 2007: 29). Кариако был застроен преимущественно суахилийскими домами, которые выглядят следующим образом: длинный дом, с шестью комнатами, по 3 с каждой стороны от общего коридора, проходящего насквозь, с небольшим внутренним двориком позади. Как правило, в каждой комнате проживает отдельная семья, коридор и двор используются всеми жильцами для бытовых нужд: стирки, приготовления пищи.

Таким образом, зона 1 охватывала самые лучшие части города, вдоль побережья Индийского океана, и была максимально отдалена от зоны 3, а зона 2 служила своеобразным «буфером» между этими территориями.

Позже эти зоны получили названия на суахили, первая стала называться узунгуни (суах. «место белых»), вторая – ухиндини (суах. «место индийцев»), третья – *усуахилини* (суах. «место африканцев») (см. напр. Brennan et al. 2007; Calas 2010; Kironde 1994; Smiley 2009, Mercer 2024; Chachage 2018). Кварталы для африканцев традиционно располагались на территориях ниже уровня моря и были подвержены риску наводнений, и, как следствие, считались малопригодными для жизни, а потому стали местом проживания бедняков и рабочего класса (Moyer 2003: 207).

Эпоха немецкого колониального правления была прервана Первой мировой войной, впоследствии согласно условиям Версальского договора, Германия лишилась своих колоний. Бывшая Германская Восточная Африка, а позже – Танганьика, перешла под управление Британской империи и стала ее протекторатом. В 1919 г. британская администрация также перебралась в Дар-эс-Салам. В то время политика сегрегации официально подвергалась осуждению, формально Британия как протектор должна была защищать права африканцев и учитывать местные обычаи, однако, фактически проводимая земельная и трудовая

политика только усилили сегрегацию. В 1920 г. был издан Указ о тауншипе⁵ (англ. Township ordinance), в котором было закреплено начатое германскими властями разделение города на 3 зоны, но впоследствии британские власти постарались полностью избавиться от африканцев в зонах 1 и 2. В 1923 были введены Правила тауншипа (англ. Township Rules), согласно которым для строительства или ремонта здания требовалось получить разрешение у городской администрации, которая чаще всего в таком отказывала и принимала решение о сносе здания, признанного непригодным для проживания людей. Таким образом, в частности, к 1930 г. «буферная зона», современная Мнази Моджа, была полностью очищена от суахилийских зданий, а африканцы были вытеснены в неблагополучную третью зону (Kironde 2007: 104). К 1930 г. Зона 1, Узунгуни, охватывала центр города и также в нее был включен пригород Ойстер Бэй (англ. Oyster Bay) на севере. В центре города вдоль широких мощеных, освещенных улиц, располагались европейские одно- и двухэтажные здания из камня, жилые и административные (Mercer 2024: 9). В зоне присутствовало небольшое количество африканцев, работавших домашним обслуживающим персоналом. Из Зоны 2, предназначенной для коммерческих зданий, африканцы постепенно также были вытеснены, а индийцы были вынуждены проводить дорогостоящий ремонт зданий, чтобы они соответствовали принятым нормам, и заключать соглашения об использовании земли. Несмотря на недовольство индийцев таким положением вещей, со временем все предписания колониальных властей были исполнены, облик зоны изменился, а индийское население стало в ней доминирующим (Kironde 2007: 105).

Зона 3 продолжала постоянно расти, при этом нехватка жилья ощущалась остро. Сначала британское правительство стало выделять торговые участки в качестве жилых, а с 1923 г. сама территория квартала Кариако стала расширяться, но из-за продолжающейся внутренней миграции в Дар-эс-Саламе, проблема так и не была полностью решена. Видя постоянно растущий спрос на жилье в третьей зоне,

---

⁵ Тауншип – городское поселение, включая пригородные зоны.

британская администрация решила изменить формулировку в Правилах тауншипа, разрешив строить там дома «в любом стиле» (Kironde 2007: 105), что привело к увеличению притока индийцев ввиду дешевизны жилья, а в дальнейшем способствовало вытеснению африканцев на менее пригодные для жизни территории. Вскоре к зоне 3 был присоединен новый пригород к западу от Кариако, названный Илала в честь области в Северной Родезии, в которой умер Дэвид Ливингстон (Kironde 1994: 193).

В связи с проводимой политикой зонирования города, на его периферии на незанятой земле начали появляться спонтанные поселения. В период с 1938 по 1940 гг. африканское население Дар-эс-Салама увеличилось на 50 %, с 26 000 до 40 000 человек, при этом жизненные условия для них ухудшались, но темпы урбанизации только увеличивались. Проблема безработицы стала особенно очевидна к 1939 г., более того, зарплаты официально трудоустроенных рабочих были мизерными, в особенности на фоне растущей инфляции. Тем не менее даже в таких неблагоприятных обстоятельствах, количество мигрантов из деревень в город продолжало расти, их привлекала возможность найти работу в формальном или неформальном экономическом секторе, а также престижность жизни в столице (Brennan et al. 2007: 38).

В 1940 г. вступил в силу закон «О колониальном развитии и благосостоянии» (англ. The colonial development and welfare act), предполагавший улучшение условий для африканских жителей города, после чего вступил в силу «Десятилетний план развития Танганьики» (англ. Ten year development plan for Tanganyika), способствовавший притоку инвестиций и развитию городской инфраструктуры: дорог, жилищного фонда, электричества, канализационной системы, школ и больниц (Kironde 2007: 106). При этом хотя улучшение жизненных условий коснулось и африканских кварталов, все изменения в городе по-прежнему происходили в рамках расовой иерархии (Smiley 2009: 190). После Второй мировой войны 4 000 000 фунтов было потрачено на застройку европейских кварталов (Ойстер Бэй и Курасини), а на африканские кварталы был

потрачен 1 600 000 фунтов (Kironde1994: 247), нужды индийских кварталов в основном игнорировались. В африканских кварталах началось строительство экспериментального жилья, оно было дешевым, экономичным, но из прочных материалов. Такими домами были застроены районы Илала, Темеке и Магомени. Затраты на строительство одного дома составляли 1650 фунтов для европейского квартала, 500 фунтов для азиатского квартала и 75 фунтов для африканского квартала. При этом на рынке недвижимости африканские дома стоили около 260 фунтов, азиатские – около 1000, а европейские – от 1500 до 3000 фунтов (Kironde 2007: 107). Впоследствии колониальное правительство стало поощрять африканцев самостоятельно строить дома на территории новых кварталов, с использованием любых материалов (Kironde 1994: 54).

Обеспечение новых домов базовыми удобствами и доступом к инфраструктуре также значительно различалось. В середине 40-х годов в Зоне 3 не было водных стоков; питьевая вода была доступна только в шестнадцати общественных киосках, четырнадцать из которых были расположены в Кариако; в Зоне 3 было всего 24 уличных фонаря, все они также были в Кариако. При этом к 1957 г. в Кариако проживало менее 25% африканского населения, которое в то же время вносило значительный вклад в бюджет города: налоги на жилье, акцизы на спиртные напитки, лицензии на торговлю, сборы с продажи воды и т.д. (Smiley 2009: 185). В Магомени к 1953 г. в большинстве домов не было ванной комнаты или туалета, на более 10 000 жителей в районе имелся только один общественный пункт водоснабжения (Там же, 191).

Жилищный кризис продлился и в течение 1950-х гг., стихийное строительство на периферии города продолжалось, примерно в это время возникли первые неформальные поселения, трущобы⁶, в частности, старейшая из них –

---

⁶ В англоязычной литературе чаще всего употребляются термины *informal settlements*, *slums*, *shantytowns*, *shanties*, *squatter areas*.

Бугуруни (Brennan et al. 2007: 42), которые в дальнейшем только продолжали разрастаться.

В последние годы колониального управления (1950-1961 гг.) в Танзании происходил постоянный рост урбанизации, что было в особенности заметно в Дар-эс-Саламе, увеличилось население всех 3 зон города. К 1957 г. количество европейцев, бывших и действующих представителей администрации и коммерции, приблизилось к 5000; азиатское население, преимущественно индийцы, составило около 30 тысяч; количество африканцев достигло 93 363 (Там же, 43-44). К тому моменту среди африканцев выделился пласт образованных людей, сформировавших средний класс, чье положение в обществе значительно отличалось от большинства.

Сегрегация в городском пространстве с течением времени становилась все менее и менее заметна, поскольку по всему Дар-эс-Саламу в непосредственной близости друг от друга можно было встретить кварталы различных типов: официальная застройка колониальных властей; кварталы, построенные африканцами, характеризовавшиеся разнообразием стилей и строительных материалов; а также неформальные поселения, без какой-либо планировки. Трущобы возникали стихийно, причем в любой зоне города, например, неформальное поселение Микорошони появилось между двумя самыми процветающими европейскими кварталами, Ойстер Бэй и Регент Эстейт (Там же, 46).

К концу 1950-х гг. условия в «запланированных» африканских кварталах улучшились: шло строительство образовательных и здравоохранительных учреждений, появлялись досуговые центры, использовавшиеся в том числе для встреч политических объединений (Там же, 47-48). На фоне все большего участия африканцев в городской экономической жизни продолжался и рост неформальной экономической активности, сопровождавшийся увеличением количества преступлений, совершаемых безработными и бездомными мигрантами,

известными как «вахуни» (суах. «mhuni/wahuni» – бездельник, преступник, хулиган) (см. Burton 2005).

9 декабря 1961 г. Танганьика обрела независимость, Дар-эс-Салам стал столицей нового государства, официально сегрегация и ограничение на мобильность африканского населения были отменены, однако зоны узунгуни, ухиндини и *усуахилини* остались, хотя с того момента они отражали скорее классовые, а не расовые различия. При этом к 1979 г. большая часть городского населения, 478 489 из 769 445 жителей, проживала в неформальных кварталах, причем это были не только места сосредоточения беднейших слоев населения, такие как Манзесе и Микорошони, но и места проживания среднего класса, такие как Кимара и Млалакуа (Lugalla 1995: 63). Для растущего населения Дар-эс-Салама важным фактором была возможность быстро добраться до места работы, однако дороги и общественный транспорт были развиты слабо, а потому появление неформальных поселений вдоль магистральных дорог происходило быстрее, чем в местах с развитой дорожной сетью.

В 1980-90-х гг. международные организации, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ), все чаще стали определять направление экономических реформ африканских стран (Harris, Fabricius 1996; Cornia et al. 1992; Cornia, Helleiner 1994). В Танзании в 1982-86 гг. реализовывалась программа структурной перестройки, разработанная правительством Джулиуса Ньерере с целью предотвращения внешнего вмешательства в дела страны. Хотя данная программа частично была одобрена МВФ, результатом стал период долгих препирательств с МВФ, в итоге в 1986 г. была запущена программа экономического восстановления (Briggs, Mwamfure 2000: 800-801). После ухода Дж. Ньерере с поста президента в 1985 г. и с избранием Али Хассана Мвиньи было принято решение об отказе от социалистического режима в пользу капитализма и открытости рынка, в связи с чем начались масштабные макроэкономические реформы, внедрение и углубление которых продолжилось при президентстве Бенджамина Мкапы и Джакайи Киквете.

На момент 2023 г. Танзания входила в число стран с низким и средним уровнем дохода по ВВП на душу населения, по данным Всемирного банка (The World Bank: Data for Low & middle income, Tanzania). Согласно последней переписи, население Дар-эс-Салама увеличилось с 4 364 541 в 2012 году до 5 383 728 в 2022 году (National Bureau of Statistics Tanzania 2022: 7), Всемирный банк оценивает население города в 6 миллионов и прогнозирует, что к 2030 году Дар-эс-Салам достигнет статуса мегаполиса с населением более 10 миллионов человек (The World Bank 2021: 11). При этом по оценкам ООН Хабитат, более 70 % населения проживало в неформальных поселениях на момент 2010 г., характеризующихся нелегальной застройкой пространства домами из некачественных материалов, проблемами с водоснабжением, канализацией, электричеством и доступом к социальным службам (UN Habitat 2010: 3, 6). В научных работах можно встретить оценки количества населения подобных районов в 50-80 % (см. Kombe 2005; Kyessi, S., Kyessi, A. 2007), а в 2020 г. приводилась цифра в 75 % (Magina et al. 2020: 2). Правительство Танзании, в свою очередь, закрывало глаза на процесс разрастания неформальных поселений с момента получения независимости, однако впоследствии неоднократно проводились сносы подобных кварталов для расширения дорог, но в то же время проводились и программы легализации прав на подобное жилье и улучшения жизненных условий (Andreasen et al. 2000: 93; Briggs, Mwamfupe 2000:802).

Сегодня Дар-эс-Салам получил нарицательное имя «Бонголенд» (суах. «bongo» – мозг), то есть место, в котором для выживания необходимы интеллект, хитрость и изворотливость (Calas 2010). Кроме того, среди жителей города название *усуахилини* также стало нарицательным для неформальных поселений, описываемых как «бедные районы с хаотичной планировкой и отсутствием социальных служб» (Rudić 2016: 72). Районы *усуахилини* по-прежнему являются самыми доступными для проживания. При этом там встречаются не только представители беднейших слоев населения, не имеющие финансовых возможностей жить в более обустроенных кварталах, но и более обеспеченные

люди, ввиду дешевизны земли. Рядом с построенными из некачественных материалов хижинами можно встретить коттеджи со спутниковыми антеннами, за высокими заборами с колючей проволокой.

2.2. Объекты исследования

Изначально при выборе респондентов мы ориентировались на их принадлежность (или принадлежность в недавнем прошлом) к одному из сообществ взаимопомощи. Позже мы также стали обращаться к тем танзанийцам, которые не являются членами подобных групп, но знают об их существовании, поскольку чаще всего у них имелись друзья или родственники, в таких группах состоявших.

Хотя главным фокусом работы являлись жители *усуахилини*, в нашей выборке присутствуют также и люди с более высоким достатком, живущие в благоустроенных районах, имеющие официальную работу и образование (Таблица 1). При этом материальное положение населения районов *усуахилини* достаточно трудно описать в каких-либо абсолютных цифрах, поскольку для таких людей чаще всего характерны нестабильные и невысокие доходы. Важно отметить, что в *усуахилини* могут селиться и обеспеченные люди, ввиду невысоких цен на землю, однако они селятся обособленно в особняках, обнесенных забором с колючей проволокой, и не поддерживают коммуникацию со своими «бедными» соседями.

Среди наших респондентов также наблюдается отчетливый гендерный перекос в пользу женщин. Такое положение дел не является случайным: как показали наши наблюдения, участие женщин в группах взаимопомощи более характерно (Таблица 1). Как следствие, из 135 интервьюируемых 80 – женщины, 55 – мужчины, в возрасте от 18 до 70 лет, средний возраст – 38,4 г (Таблица 1). Этническая принадлежность респондентов была условно случайной, что, во-первых, отражает смешанный этнический состав населения Дар-эс-Салама, а во-

вторых, данный параметр при вступлении в группы взаимопомощи никакой роли не играет, исключение составляют лишь случаи, когда сообщество изначально формируется среди выходцев из определенной народности или региона. Дело в том, что в Танзании практически все жители знают о том, из какого региона происходит та или иная народность. Так, если человек говорит, что он родился в Таборе, то он, скорее всего, ньямвези. И наоборот: если человек говорит, что он – чагга, то, скорее всего, он происходит из региона Килиманджаро. Поэтому при формировании «этнических» групп взаимопомощи может учитываться как народность, так и регион происхождения (Таблица 2).

Таблица 1. Информация о выборке респондентов

№	Пол	Народность	Возраст	Группа	Район/Город
1	м	Квере	26	куфа-на-кузикана	Манзесе
2	м	Погоро	40	этническое	Аруша
3	ж	Сукума	47	куфа-на-кузикана	Тандале
4	ж	Макуа	45	мчезо	Кинондони
5	ж	Зарамо	42	куфа-на-кузикана	Мвананьямала
6	ж	Хехе	42	мчезо	Манзесе
7	ж	Яо	39	куфа-на-кузикана	Мвананьямала
8	ж	Лугуру	39	куфа-на-кузикана	Кинондони
9	ж	Ньямвези	50	куфа-на-кузикана	Тандале
10	ж	Сукума	51	куфа-на-кузикана	Тандале
11	ж	Сукума	25	викоба	Гонго-ла-Мбото
12	ж	Хайя	50	викоба	Гонго-ла-Мбото
13	ж	Ньятуру	48	викоба	Гонго-ла-Мбото
14	м	Ньямвези	27	мчезо	Гонго-ла-Мбото
15	ж	Самбаа	24	мчезо	Гонго-ла-Мбото
16	ж	Сукума	н/д	куфа-на-кузикана	Гонго-ла-Мбото
17	м	Кинга	52	куфа-на-кузикана	Гонго-ла-Мбото

18	м	Квере	28	мчезо	Манзесе
19	м	Хайя	31	викоба	Мбагала
20	ж	Хайя	55	викоба, куфа-на-кузикана, этническое	Мбагала
21	ж	Сукума	53	викоба	Мбагала
22	ж	Сукума	47	куфа-на-кузикана	Гонго-ла-Мбото
23	ж	Ньякьюса	65	куфа-на-кузикана	Гонго-ла-Мбото
24	ж	Лугуру	34	упату	Гонго-ла-Мбото
25	ж	Чагга	36	викоба	Кигамбони
26	м	Чагга	35	этническое	Дар-эс-Салам
27	ж	Зарамо	52	куфа-на-кузикана	Гонго-ла-Мбото
28	м	Фипа	н/д	мчезо	Гонго-ла-Мбото
29	ж	Чагга	30	упату	Гонго-ла-Мбото
30	ж	Хайя	48	этническое	Мбагала
31	м	Чагга	37	упату	Гонго-ла-Мбото
32	ж	Чагга	29	гендер	Гонго-ла-Мбото
33	м	Зигуа	40	не состоит	Дар-эс-Салам
34	ж	Бена	43	упату	Мбагала
35	ж	Джита	38	упату	Тандале
36	ж	Ндегерекко	н/д	упату	Мвананьямала
37	ж	Ньямвези	49	упату	Кинондони
38	ж	Ндамба	40	не состоит	Кинондони
39	ж	Чагга	52	не состоит	Манзесе
40	м	Ньиха	41	куфа-на-кузикана	Гонго-ла-Мбото
41	ж	Чагга	32	не состоит	Гонго-ла-Мбото
42	м	Луо	н/д	не состоит	Дар-эс-Салам
43	м	Чагга	46	куфа-на-кузикана	Мвананьямала
44	м	Чагга	51	куфа-на-кузикана	Мвананьямала
45	м	Сукума	42	упату	Мвананьямала

46	м	Ньятуру	48	мчезо	Мвананьямала
47	м	Ньякьюса	36	этническое	Гонго-ла-Мбото
48	ж	Камба	н/д	викоба, куфа-на-кузикана	Гонго-ла-Мбото
49	ж	Зарамо	21	викоба	Гонго-ла-Мбото
50	ж	Ньякьюса	58	викоба	Гонго-ла-Мбото
51	ж	Ньякьюса	31	не состоит	Гонго-ла-Мбото
52	ж	Ньямвези	52	викоба, этническое	Гонго-ла-Мбото
53	м	Ньямвези	32	мчезо	Гонго-ла-Мбото
54	м	Гого	н/д	упату	Гонго-ла-Мбото
55	м	Чагга	39	викоба	Гонго-ла-Мбото
56	ж	Самбаа	25	мчезо	Гонго-ла-Мбото
57	ж	Ньямвези	48	викоба	Гонго-ла-Мбото
58	м	Джита	37	мчезо	Гонго-ла-Мбото
59	м	Сукума	38	куфа-на-кузикана	Дар-эс-Салам
60	м	Квере	30	куфа-на-кузикана	Манзесе
61	м	Хайя	33	викоба	Мбагала
62	м	Фипа	42	викоба	Мбагала
63	м	Ньямвези	н/д	не состоит	Кинондони
64	ж	Чагга	38	викоба	Кигамбони
65	м	Ньякьюса	29	мчезо	Гонго-ла-Мбото
66	м	Диго	44	мчезо	Гонго-ла-Мбото
67	ж	н/д	36	викоба	Гонго-ла-Мбото
68	м	Хайя	20	мчезо	Кинондони
69	м	Чагга	н/д	не состоит	Дар-эс-Салам
70	м	Маконде	41	не состоит	Мвананьямала
71	ж	Зарамо	н/д	викоба	Мвананьямала
72	ж	н/д	39	викоба	Мвананьямала
73	ж	Самбаа	38	викоба	Тандале

74	м	Масай	42	викоба	Аруша
75	м	Квере	33	не состоит	Манзесе
76	м	Хайя	36	не состоит	Мбагала
77	ж	Чагга	41	не состоит	Кигамбони
78	ж	н/д	25	викоба	Кигамбони
79	ж	н/д	45	викоба	Кигамбони
80	ж	н/д	36	викоба	Кигамбони
81	ж	н/д	40	викоба	Кигамбони
82	ж	н/д	33	викоба	Кигамбони
83	ж	н/д	47	викоба	Кигамбони
84	ж	н/д	38	викоба	Кигамбони
85	ж	н/д	н/д	викоба	Кигамбони
86	ж	н/д	39	викоба	Кигамбони
87	ж	н/д	46	викоба	Кигамбони
88	ж	н/д	34	викоба	Кигамбони
89	ж	н/д	41	викоба	Кигамбони
90	ж	н/д	27	викоба	Кигамбони
91	ж	н/д	39	викоба	Кигамбони
92	ж	н/д	34	викоба	Кигамбони
93	ж	н/д	45	викоба	Кигамбони
94	ж	н/д	29	викоба	Кигамбони
95	ж	н/д	34	викоба	Кигамбони
96	ж	н/д	33	викоба	Кигамбони
97	ж	н/д	44	викоба	Кигамбони
98	м	Чагга	46	викоба	Гонго-ла-Мбото
99	м	Ньякьюса	33	мчезо	Гонго-ла-Мбото
100	м	Лугуру	30	викоба	Гонго-ла-Мбото
101	м	Мши	70	викоба	Гонго-ла-Мбото
102	м	Чагга	44	мчезо	кинондони

103	ж	Чагга	н/д	викоба	Гонго-ла-Мбото
104	м	Ха	36	викоба	Гонго-ла-Мбото
105	м	Бондеи	35	викоба	Гонго-ла-Мбото
106	м	Хайя	24	мчезо	Кинондони
107	ж	Чагга	36	викоба	Гонго-ла-Мбото
108	ж	Ндегерекко	36	викоба	Гонго-ла-Мбото
109	ж	Ньякьюса	н/д	викоба	Гонго-ла-Мбото
110	ж	Нгони	43	викоба	Кигамбони
111	м	Сукума	45	викоба	Гонго-ла-Мбото
112	м	Мвера	н/д	не состоит	кинондони
113	м	Ньямвези	35	не состоит	Гонго-ла-Мбото
114	м	Чагга	37	не состоит	Кинондони
115	м	Бена	29	не состоит	Багамойо
116	м	Паре	56	не состоит	Багамойо
117	ж	Чагга	29	мчезо	Кинондони
118	м	Ширази	33	куфа-на-кузикана	Багамойо
119	ж	Мвера	33	викоба	Килва
120	м	Луо	35	мчезо	Кинондони
121	м	Квере	36	мчезо	Манзесе
122	ж	Хехе	42	викоба	Манзесе
123	ж	Квере	34	викоба	Манзесе
124	ж	Лугуру	36	викоба	Манзесе
125	ж	Зарамо	36	викоба	Манзесе
126	ж	Квере	33	викоба	Манзесе
127	ж	Ранги	н/д	викоба	Манзесе
128	м	Хайя	39	викоба	Мбагала
129	ж	Чагга	44	викоба	Кигамбони
130	ж	Чагга	46	викоба	Кигамбони
131	м	Хехе	38	не состоит	Дар-эс-Салам

132	ж	Джита	26	викоба	н/д
133	м	Джита	18	викоба	н/д
134	ж	Ньямвези	20	викоба	н/д
135	м	Чагга	20	викоба	н/д

В таблице 1 отражены следующие данные: пол, возраст, народность, тип группы взаимопомощи, в котором состоит респондент, район города, где респондент проживает. Следует пояснить, что в некоторых ячейках стоит «н/д» в случае, если по тем или иным причинам по вопросу нет данных, например, респондент мог не захотеть отвечать или не успеть ответить в случае ограниченности времени интервью. В графе «группа» есть ответ «не состоит», который объединяет в себе следующие варианты: респондент ранее состоял в группах взаимопомощи, но ушел по различным причинам; респондент не состоит в группах взаимопомощи, однако имеет друзей/родственников, в таковых состоящих; респондент не состоит в группах взаимопомощи по личным причинам, которые мог пояснить в интервью. В графе район/город указаны места функционирования групп, однако, в нескольких случаях указаны города: Аруша, Багамойо, Килва и Дар-эс-Салам. Мы проводили интервью с представителями групп взаимопомощи вне Дар-эс-Салама для подтверждения общности выявленных тенденций. В случае же ответа «Дар-эс-Салам» сообщества являлись крупными и не имели привязки к какому-либо району города, включая людей из разных.

Для упрощения восприятия всего массива данных, мы решили условно поделить респондентов на 3 группы: до 29 лет включительно; 30–40 лет; 40+ лет. Такое деление связано с наблюдениями автора: ввиду финансовых сложностей, возникающих при получении образования, а также необходимых временных затрат, чаще всего сколько-нибудь стабильный заработок танзанийцы имеют к 30 годам, что, по их собственным словам, является важным условием для состояния в группах взаимопомощи за редким исключением. В возрасте от 30 до 40 люди

наиболее активны и готовы думать о развитии бизнеса и благосостоянии семьи, которая в таком возрасте уже, как правило, есть. Следующая категория представляет уже зрелых и пожилых людей, сознательно решивших обеспечить себе подушку безопасности на случай различных неприятностей, расширить круг общения, обосновавшись на постоянном месте жительства, а в случае с женщинами – заняться собственным бизнесом, т.к. дети уже подросли. Вероятно, возможно предложить и другое деление, но такое показалось автору разумным и соответствующим танзанийским реалиям. Таким образом, в нашей выборке 20 человек в возрасте 18–29 лет, 55 – в возрасте от 30 до 40 и 46 в возрасте от 41 до 70 лет.

В случаях, когда группы взаимопомощи были собраны по этническому/региональному принципу, данные были организованы в отдельные таблицы с указанием количества членов, их этнической/региональной принадлежности, а также локации сообщества (Таблица 2, 3).

Таблица 2. Группы взаимопомощи по этническому/региональному признаку

Народность/регион	Н членов	Локация
Морогоро	150	Аруша
Сукума	115	Дар-эс-Салам
Чагга, регион Менгве	52	Дар-эс-Салам
Хайя	23	Мбагала
Хайя	20	Мбагала
Ньямвези	20	Гонго-ла-Мбото
Хайя	18	Мбагала
Хайя	17	Мбагала

Таблица 3. Район/Город проживания респондента.

Район/город	N
Аруша	2
Багамойо	3
Гонго-ла-мбото	44
Дар-эс-Салам	7
Кигамбони	26
Килва	1
Киондони	12
Манзесе	14
Мбагала	9
Мвананьямала	11
Тандале	6

С некоторыми респондентами мы были знакомы заранее, по собственным прошлым исследованиям и исследованиям коллег. В большинстве случаев мы обращались к уже известным нам респондентам, чтобы они, в свою очередь, помогли найти людей, состоящих в группах взаимопомощи в своем районе. Таким образом, автор не был «человеком с улицы», а представлялся интервьюируемым как друг, что позволяло проводить интервью в более доверительной обстановке. Кроме того частично выборка была сформирована методом «снежного кома»: опрошенные ранее танзанийцы рекомендовали автору обратиться к их друзьям и знакомым для интервью. Некоторые записи представляют собой незапланированные беседы со спонтанно встреченными танзанийцами, которые были осведомлены о группах взаимопомощи и готовы были дать комментарии по ряду вопросов. Помимо этого, с рядом респондентов мы проводили повторные интервью, с течением лет, наблюдая динамику конкретных сообществ.

Интервью проводились преимущественно в *усуахилини* Дар-эс-Салама: Гонго-ла-Мбото, Мбагала, Манзесе, Тандале, Мвананьямала, Кинондони; часть более обеспеченных респондентов проживает в благоустроенном районе Кигамбони. Кроме того, в нашей выборке имеется ряд экспертных интервью с преподавателями университетов и основателями крупных этнических групп взаимопомощи, давно перешедших на официальный уровень, строящихся именно по принципу региона происхождения члена сообщества, а не района его проживания в городе.

В первые годы исследований (2011-2012 гг.) нами было обнаружено, что танзанийцы, в особенности жители *усуахилини*, заняты в таких традиционных схемах взаимной поддержки как кассы взаимопомощи, землячества и похоронные сообщества; конкретные практики имеют устоявшиеся названия, *kufa na kuzikana* (суах. «смерть и похороны»), *mchezo* (суах. «игра») / *uratu* (суах. «круг»), *visoba* (суах. «карман»). Это простые повседневные механизмы взаимовыручки на случай непредвиденных обстоятельств: внезапной болезни или смерти, свадьбы и т.д. К тому же подобные группы оказывают финансовую поддержку, помогая своим членам накопить деньги на различные нужды, а также могут предоставить стартовый капитал для начала собственного малого бизнеса. С течением времени группы взаимопомощи перенимали друг у друга функции и изменялись, о чем свидетельствуют результаты дальнейшей полевой работы.

Глава 3. Результаты исследования

Прежде чем перейти непосредственно к группам взаимопомощи, рассмотрим более подробно, что из себя представляют современные районы *усуахилини*. Во время проведения полевых исследований мы заметили, что жители Дар-эс-Салама часто при знакомстве спрашивают друг друга, кто из какого района, а туристов расспрашивают, в каких местах Дар-эс-Салама они побывали. Жители города часто предупреждают туристов о том, что не стоит посещать определенные районы (как правило, Манзесе, Тандале, Бугуруни), в таких местах чужаками считают всех, кто не оттуда, и находиться там чужакам крайне небезопасно – в лучшем случае ограбят, что, конечно же, не совсем соответствует действительности.

В отношении многих частей города существуют стереотипы: районы Манзесе и Тандале считаются наиболее криминальными; считается, что в районе Мвананьямала сильнее всего развита проституция; Буза-ква-Мапаланге (Рис. 2) – «наиболее *усуахилини*» (англ. «the most uswahilini»), самый «традиционный неблагоустроенный» район; квартал Синза, хоть и не является *усуахилини*, известен барами и музыкальными клубами.

Рис. 2. Буза-ква-Мпаланге 2023.

«Манзесе (Рис. 3а, 3б) – настолько опасный район, что даже танзанийцы из других районов стараются туда не заходить. Там очень много грабителей, которые постоянно пристально за тобой наблюдают. Эти люди любят смотреть и все обсуждать. Там плохая планировка пространства и нет социальных служб. Если будет пожар – пожарные туда не проедут, а люди будут стоять и смотреть, и ничего не делать,» – рассказал житель Магомени в 2011.

Рис. 3а. Манзесе 2013.

Рис. 3б. Манзесе 2023.

Представления о районах, что не удивительно, напрямую связаны с местом проживания конкретного человека. *Усуахилини* обычно описывали как перенаселенные районы с неблагоприятными условиями, хаотичной планировкой, высокой криминальной активностью и распространенностью нелегального бизнеса: торговля наркотиками и домашним алкоголем, проституция и т.д. При

этом очень часто опрашиваемые не сходились во мнении о том, какие именно районы города считать *усуахилини*. Респондент из Гонго-ла-Мбото говорил о том, что крайне неблагополучный район – Магомени, в то время как респондент из Магомени говорил, что их район вполне безопасен, в отличие от Манзесе, а уже жители Манзесе уточняли, что только некоторые части их района являются «по-настоящему *усуахилини*» и небезопасны. Надо сказать, это очень распространенный ответ для тех людей, которые признают, что их район – *усуахилини*, причем он наиболее близок к истине: все *усуахилини* неоднородны как по жизненным условиям, так и по населению. Более того, обычно опасными являются только отдельные места района, причем опасны они для чужаков без сопровождения местных (поскольку «грабить своих нельзя», плохо для репутации) и в основном ночью, днем на улицах слишкомлюдно. В то же время жители благополучных районов города таких как Кигамбони или Упанга, периодически говорили, что районы *усуахилини* – это сплошной криминал, нищета и разруха, без каких-либо исключений.

Часто респонденты подчеркивали, что *усуахилини* – это не место, а люди. Жизнь происходит на улице у всех на глазах, все события подлежат обсуждению, циркулирует множество сплетен. Жительница благополучного квартала Кигамбони рассказала об этом так: «Люди бедные, без образования, распространяют сплетни, не работают, сидят и смотрят как солнце встает и садится. Завтра для них не имеет значения. ... они не строят планы воспитания детей и не думают об улучшении своего экономического положения». Житель Упанги был еще более радикален в своей оценке: «*Усуахилини* – запрещенные для житья места. Нелегальное строительство, люди без будущего. Большинство – воры!». Другой житель Кигамбони обрисовал ситуацию следующим образом: «Мы называем [эти районы] *усуахилини* из-за людей, а не из-за самого места. Многие из них живут там всю свою жизнь, арендная плата очень низкая. Им плевать на цивилизацию, они не понимают последствия разбрасывания мусора кругом. Они не заботятся об образовании, они безответственные. [*Усуахилини* – это] скорее люди, чем место».

Конечно же, при разговоре об *усуахилини* постоянно поднималась тема проблем с жизненными условиями: как уже было сказано, такие районы изначально возникали в плохо пригодных для поселения местах, тем не менее люди продолжают туда приезжать и нелегально строить дома, в частности, именно на постройку люди часто берут займы в группах взаимопомощи. Танзанийское правительство мало заботится о программах доступного жилья, более того, предыдущий президент, Джон Магуфули, получил прозвище «бульдозер» за активное строительство дорог, часто сопровождавшееся сношением кварталов *усуахилини* без компенсации их жителям (Nairobi news 05.10.2017), что, в принципе, практиковалось и при колониальных властях (Briggs, Mwamfure 2000: 802). Безусловно, начиная с 1990-х гг. проводились программы по модернизации трущоб, спонсируемые ООН Хабитат и Всемирным банком, при формальном участии правительства (см. напр. Unhabitat.org, The Sustainable Cities Programme in Tanzania 1992-2003; Wordpress.com, Community Infrastructure Upgrading Program), однако *усуахилини* продолжали разрастаться. Более того, в июне 2018 г. появилась государственная программа признания прав собственности на неформальное жилье (Reuters 06.02.2019). Сегодня можно сказать, что неформальные поселения постепенно преобразуются, там идет строительство качественных домов, которые часто местное население все равно не может себе позволить, что приводит к джентрификации. Т.е. при перестройке сектора квартала наиболее бедное население переезжает подальше и там снова строит дома из некачественных материалов. Проблемы с доступом к питьевой воде, социальным службам и даже электричеству, существуют до сих пор. Отключение электроэнергии периодически происходит даже в самых богатых районах города, разница лишь в том, что в дорогих отелях и ресторанах есть генераторы, в то время как в более скромных заведениях и тем более домах, владельцы не могут себе этого позволить. Кроме того, в *усуахилини* нет улиц, названия могут быть только придуманы местным населением, но не закреплены на карте, номеров домов также нет. Интересно, что сегодня танзанийцы, говоря об *усуахилини*, подчеркивают факт «неправильного» планирования пространства и некачественных материалов постройки домов,

противопоставляя их районам, где дома построены должным образом. Таким образом, концепция, изначально заложенная колониальными властями, согласно которой зонирование города зависело от стиля застройки и используемых строительных материалов, сохранилась. Девушка из Гонго-ла-Мбото описала это так: «Для них абсолютно ничего не имеет значения, они просто сидят там и ничего не делают. И с этим ничего сделать нельзя! Правительство объявляет, что это плохое место, будет наводнение — они ничего не делают, пока не пойдет дождь и оно не случится. Строить там запрещено, дорог нет, туда невозможно приехать, вот что я могу сказать об *усуахилини*» (Рис. 4).

Рис. 4. Гонго-ла-Мбото 2011.

По поводу процесса джентрификации и впечатлений о жизни в *усуахилини* рассказал житель Мбагалы: «Если их [жителей *усуахилини*] переместить оттуда, то через пару лет место, куда их переселили будет в таком же состоянии, даже если это было хорошее место. <....> На самом деле тут неплохо, что хорошо в *усуахилини*, так это то, что если ты адаптируешься к такому образу жизни, то чувствуешь себя комфортно. Но теперь начались сложности, социальные преобразования, все меняется, местные продают свои участки и уезжают далеко,

так что теперь приходят такие люди, как мы [выше по социальному положению и благосостоянию]. И поэтому нам со временем становится комфортно, потому что местные видят нас и говорят: “Ах, не шутите с этими людьми!”, так что это своего рода западное видение». На наш вопрос о том, почему люди уезжают, последовал следующий ответ: «Потому что, если человек приходит и строит хороший дом, приходит другой и строит хороший дом, вы находитесь в окружении хороших домов. Тогда вы думаете: “Кажется здесь не место для меня”. Так что это вопрос рациональности, вы можете продать собственность по выгодной цене, потому что вы говорите, что это хорошая цена, а затем вы идете и покупаете в другом районе получше и подешевле. <...> В *усуахилини* люди, которые сосредоточены на том, что вы делаете, наблюдают за вами, а не тратят большую часть времени на продуктивную работу, в этом разница с другими районами. Тут у людей больше времени на обсуждение: “Вы видели учителя сегодня? К нему приезжали вазунгу⁷!” Это может быть темой для обсуждения в течение двух-трех дней! <...> Но что хорошо в *усуахилини* – это вопросы социального обеспечения. Вы заводите много друзей, поэтому мы верим, что социальное взаимодействие очень важно!». Житель Тандале также рассказал о взаимоотношениях жителей *усуахилини*: «Даже небольшое событие – всеобщее достояние. Если кто-то дерется, очень быстро соберется весь район, чтобы решить проблему. Люди, живущие в *усуахилини*, привыкли помогать друг другу, когда что-то происходит. Они зависят друг от друга. Если у меня нет соли или ко мне приехали гости, а некуда их положить... По любому поводу! Но только если ты свой, если ты человек из ниоткуда, никто тебе помогать не станет».

Несмотря на все обозначенные проблемы, по словам самих жителей *усуахилини* (что подтверждается наблюдениями автора), там наиболее жива традиционная культура, периодически возрождаются ритуалы и праздники разных народностей, важнейшее значение имеют репутация, взаимопомощь и солидарность,

---

⁷ Суах. ед.ч. «*mzungu*», мн. ч. *Wazungu*» – чужак, в т.ч. белый, европеец. Не является оценочным суждением и не несет негативной коннотации.

проявляющиеся во всех аспектах повседневной жизни. Более того, именно *усвахилини* стали основной площадкой и темой для танзанийских андеграундных хип-хоп музыкантов (Kerr 2021; Perullo 2007), позже выделившихся в отдельный жанр *bongo flava*⁸, в котором смешаны американский хип-хоп и танзанийские музыкальные стили таараб и данси (см. напр. Njogu, Maureu 2007). Житель Кинондони выразил свое отношение следующим образом: «Усвази⁹ – это просто нормальная жизнь. Мы все так живем... Я бы даже не сказал, что это бедные кварталы, там и бедные живут и не очень. Зависит от места... Люди все время помогают друг другу. Не потому, что это – усвази, это часть нашей культуры!».

3.1. Группы взаимопомощи в городах Танзании по материалам полевых исследований

Политика финансовой либерализации и децентрализации привела к дальнейшему расширению неформального сектора экономики и, в частности, к значительному увеличению числа неформальных поселений и объединений (см. напр. Burbidge 2013; Lema 2013; Kinyanjui 2014). Изучение социальных процессов, происходящих в таких поселениях и объединениях, оказалось важным для понимания механизмов внесударственного регулирования, что особенно актуально для стран третьего мира ввиду слабой государственной поддержки беднейших слоев населения.

О разных аспектах неформальной жизни африканского города написано немало работ. Причем, рассуждая на эту тему, социальные антропологи и урбанисты описывают не столько неформальные экономические отношения, сколько все чаще возникающие неформальные поселения, которые дополняют облик современного города (см. напр. Augustijn-Beckers et al. 2011; Fox 2012, 2014; Desai and Loftus 2013;

---

⁸ Суах. «bongo» – мозг, интеллект, «flava» – вкус; «Bongoland» – народное название Дар-эс-Салама

⁹ «Uswazi» – сокращенное название *uswahilini*.

Chiodelli and Moroni 2014; Mahabir et al. 2016), а также незарегистрированные ассоциации и объединения горожан, нацеленные на взаимную поддержку в самых непредвиденных обстоятельствах (Gugerty 2007; Lindell 2010; Yusuf, Ijaiya G., and Ijaiya M. 2009; Adofu et al. 2010; Hillenkamp, Lapeyre, and Lemaître 2013; Cling et al. 2015). Традиционные, отработанные веками способы коллективного действия, основанные на доверии, принципе общинности и низовой самоорганизации, воспроизводятся в условиях, когда государство устраняется от исполнения многих социальных функций и перепоручает заботу о населении частным структурам. Это касается и практики городского планирования, и формирования общественных отношений.

В нашей работе обобщены данные, собранные среди жителей Дар-эс-Салаама по 8 полевым выездам с 2011 по 2023 г. В рамках исследования интервью проводились преимущественно в следующих *усуахилини*: Гонго-ла-Мбото, Мбагала, Манзесе, Тандале, Мвананьямала, Кинондони. Часть респондентов проживает в благоустроенном районе Кигамбони, также в исследовании приняли участие несколько экспертов из числа преподавателей университетов и представителей крупных этнических групп взаимопомощи, строящихся именно на регионе происхождения члена сообщества, а не на районе проживания в городе. Кроме того, несколько интервью были взяты у жителей других городов, также состоящих в группах взаимопомощи.

Как уже было сказано, стратегии выживания в танзанийском мегаполисе включают такие практики коллективного взаимодействия как кассы взаимопомощи *мчезо/упату* (суах. «игра», суах. «круг»), похоронные сообщества *куфа на кузикана kuzikana* (суах. «смерть и похороны»), «общественные банки» *викоба* (суах. «карман/сумка») и землячества. Ниже мы рассмотрим каждый из видов названных групп подробно.

3.2. Куфа на кузикана

Впервые о сообществах куфа на кузикана мы узнали при проведении исследования по другой теме в 2011 г., при этом в интервью присутствовал вопрос о землячествах, т.е. этнических сообществах. При ответе на него респондент рассказал о такой группе, которую он посещал вместе с отцом, сказав, что подобные объединения называют куфа на кузикана, переводя название фразой «если кто-то умрет». Он пояснил, что если человек умирает, то нужно собрать деньги на похороны, причем группа выдает средства в том числе на похороны родственников, не задавая лишних вопросов. В то же время у группы есть правила, которым обязательно нужно следовать. Молодой человек со средним образованием, сангу-квере рассказал об этом следующим образом: «Люди, живущие в Даре, иногда встречаются, где-то раз в месяц. Встречаются, общаются, помогают друг другу, особенно тем, кто только что приехал. Если у кого-то проблема, то они встречаются и обсуждают [что можно сделать]. В особенности если кто-то умрет, на этот случай у них есть уже отложенные деньги, может в районе 10 000 шиллингов в месяц¹⁰ [обязательный взнос для участников]».

На тот момент эти группы были очень популярны среди жителей Дара, если многие опрошенные ничего не могли сказать об этнических сообществах, то о куфа на кузикана большинство хотя бы слышали. Это наиболее старый тип групп взаимопомощи в городской среде, появившийся еще до обретения страной независимости. Дж. Илиффе писал о том, что вплоть до 1940-х гг. в Дар-эс-Саламе племенные¹¹ старейшины официально занимали административные должности на местах, управляя сообществами подконтрольных им народностей. Т.е. этнические ассоциации имели широкие неформальные связи, помогая вновь прибывшим соплеменникам устроиться на работу, найти жилье, а также организовать похороны

---

¹⁰ Учитывая колебания курсов валют 10 000 TZS примерно соответствует 5 USD.

¹¹ Термин «племенной» является не совсем корректным с точки зрения отечественной науки, однако, в данном случае это буквальный перевод слова “tribal”, используемого в англоязычной литературе, а также иногда респондентами. В таких случаях мы решили придерживаться оригинала текста/речи.

в случае наступления смерти в городе. Первые племенные союзы появились после того, как немецкое колониальное правительство обязало жителей города взять на себя организацию похорон соплеменников, умерших в больницах. Известно, что в связи с этим требованием в 1912 г. возникла ассоциация погоро, появление ассоциации чагга датируется 1919 г. Один из наиболее известных примеров подобных организаций – «Новая ассоциация ньямвези Дар-эс-Салама», появившаяся в 1936 г., старавшаяся помочь мигрантам ньямвези закрепиться в городе в качестве постоянных жителей, а также оказывавшая им поддержку в любых жизненных ситуациях. Каждый из членов ежемесячно вносил 50 центов в общий фонд, в случае болезни одного из членов добавляя 10 центов, а в случае смерти – 30. Представители старшего поколения занимались организацией похорон, а молодые образованные люди – написанием официальных писем. Помимо «собственно ньямвези» в ассоциацию принимали представителей родственных народностей сумбва и сукума, как представителей того же региона. Народности, слабо представленные в городе на тот момент, формировали еще более широкие союзы, так, например, союз «Уками» объединял представителей лугуру, ками, дое, зигуа, квере, хуту, видунда, сагара (Piffe 1979: 389-390).

В тот же временной период многие этнические ассоциации в Дар-эс-Саламе поддерживали антиколониальную борьбу в ответ на недостаточную представленность африканцев в городском управлении. Одним из наиболее влиятельных был Союз зарамо, сформированный в 1938 г. с целью объединения всех зарамо города и района Узарамо. После Второй мировой войны, на фоне недовольства населения схемами нормирования, принятыми текущим правительством, Союз быстро обрел популярность, обещая улучшение социального обеспечения и положения сельскохозяйственных кооперативов. К 1948 г. число сторонников Союза превысило 30 000. Союз зарамо продавал членские билеты партии ТАНУ (Танганьикский Африканский Национальный Союз) на публичных собраниях, проводимых в деревнях и пригородных районах, куда колоннада автомобилей привозила спикеров и музыкальные группы, чтобы

привлечь сторонников. В дальнейшем Союз безуспешно требовал, чтобы правительство предоставило верховному вождю зарамо серьезные полномочия в городском управлении. После крупного скандала организация утратила свое значение к началу 1950-х годов, но проложила способствовать продвижению ТАНУ (Brennan et al. 2007: 49). Уже после обретения независимости, в конституции Танзании создание политических партий по этническому либо религиозному признаку было запрещено, в связи с чем этнические объединения не перестали существовать, но утратили свое значение и больше не влияли на политику страны.

Тем не менее, как уже было сказано, изначально основной целью этнических ассоциаций была организация похорон. Для мигрантов в Дар-эс-Салам это было особенно важно, поскольку в Танзании по сей день есть традиция, согласно которой человек должен быть похоронен у себя на родине, в земле предков, независимо от того, где он умер. Это ведет за собой огромные расходы на транспортировку тела, в связи с чем похоронные сообщества играли и до сих пор играют очень важную роль. В то же время компании-работодатели в таком случае предоставляют совсем небольшую сумму, которой не хватает, кроме того, среди жителей *усуахилини* мало у кого есть официальная работа или страховка. Один из респондентов, мужчина хайя с высшим образованием, подробнее рассказал о данной традиции: «Это такая традиция, мы верим, что дух... духи умерших отцов, дедов и всех остальных... В общем, когда нас хоронят там [на родине], мы считаем, что мы присоединимся к ним, мы можем встретить их, мы можем общаться с ними ... так, что, это как бы такая культурная ценность <...> Потому что в случае каких-то семейных проблем вы идете к ним [умершим предкам], поклоняетесь им, совершаете жертвоприношения, разливаете на могиле вино для того, чтобы гарантировать, что духи мертвых помогут». Житель Кинондони описал куфа на кузикана следующим образом: «Таким образом, основная цель этой организации, и тех, кто в ней состоит, в том, чтобы обеспечить социальное страхование ... [членам организации] И это даже лучше, чем поддержка от работодателя или специальных учреждений для государственных служащих ... это даже лучше, чем

система социального страхования! Потому что, когда моя мать умерла в 2013 году, именно в моей группе мне дали 300 тысяч шиллингов, помогли перевезти ее тело домой для захоронения. А вот мой работодатель абсолютно ничего мне не дал, страховая компания тоже ничего не дала».

Группы куфа на кузикана достаточно давно отошли от формирования по этническому принципу, гораздо чаще в подобные объединения входят соседи или коллеги.

Преподаватель колледжа Университета Дар-эс-Салама в экспертном интервью рассказал нам об истории куфа на кузикана следующее: «Куфа на кузикана основали люди из глубинки. Они приезжали в Дар и работали так долго, что иногда кто-то умирал, и обычно выходцы из Килиманджаро или Иринги желали быть похороненными на родине, что создавало много проблем. “Мы должны отвезти тело домой, а денег на это нет!” Сейчас у нас лучше дороги, машины, но в 70-х гг. это действительно было проблемой. И тогда рабочие решили создать такую группу для помощи с организацией похорон. Некоторые приехавшие сюда простые рабочие не скопили денег на такой важный случай. Тогда их хоронили здесь». На наш уточняющий вопрос о том, занимаются ли перевозкой умерших на родину только люди из регионов или же это характерно даже тех, кто родился в Даре, но их родители приехали из другой области, респондент ответил так: «Это характерно для тех, кто работает в государственных компаниях – они нанимают людей из разных частей страны. Когда рабочий умирает – такая проблема появляется. Если вы работаете на кого-то – это его право помогать с транспортировкой тела или нет. Но в большинстве случаев работодатели этого не делают».

По сути группы куфа на кузикана представляют собой похоронные сообщества, которые распространены во многих странах субсахарской Африки (см. напр. Aliber, Ido 2003; Chimedza 1984; Dercon et al. 2006; Dercon et al. 2008; Ngwenya 2003; Roth 2000). Их основной целью является сбор средств, необходимых для организации похорон кого-то из членов группы или их семей, за счет добровольных

пожертвований участников, но в различных странах и группах могут иметься и другие функции. Так, в Танзании подобные объединения со временем стали помогать своим членам не только с организацией похорон, но и свадеб, а также оказывать поддержку при болезни.

Сообщества куфа на кузикана имеют не только экономическое, но и глубокое социальное значение. Например, в случае похорон члены сообщества, помимо предоставления денег, должны морально поддержать того, в чьей семье случилось несчастье, помочь накрыть на стол, убрать дом для приема гостей и т.п. В случае болезни или аварии они могут принести пострадавшему лекарства, продукты питания, навестить его в больнице, присмотреть за детьми. На свадьбу члены группы приносят пищу из дома и помогают с прочими приготовлениями. Все это, а также возможность лучше узнать своих соседей, сами респонденты называли «социальным страхованием».

Участники сообщества собираются один раз в месяц: либо в начале, либо в конце – в преддверии зарплаты (при наличии стабильной работы); встречи проходят по очереди в домах членов, иногда – в кафе (в зависимости от количества участников). На собраниях они жертвуют фиксированную сумму: величина взноса может варьироваться от 1 000 до 20 000 танзанийских шиллингов с человека. Сумма, дотируемая на организацию похорон, часто зависит от того, кто умер, – член сообщества или его родственник.

При создании каждой конкретной группы куфа на кузикана коллективно пишется и утверждается конституция (Рис. 5) – свод правил, регламентирующий функции сообщества, сумму взносов и выплат, правила поведения, возможные штрафы (например, за пропуск собрания) и т.д.; избираются председатель, секретарь и бухгалтер (хранитель кассы, фонда). Председатель осуществляет формальное управление, секретарь ведет записи, бухгалтер ведет учет поступлений и расходов. Сроки пребывания на той или иной должности оговариваются.

Рис. 6. Лидер группы Umaki.

При вступлении в Umaki необходимо заплатить 10 000 шиллингов¹² в качестве первоначального взноса, а также купить конституцию ассоциации. В группе Umaki – 30 членов, 15 семейных пар, причем ежемесячный взнос, составляющий 5000 шиллингов, платит именно пара. Помимо председателя, секретаря и бухгалтера, избираются пять человек, в функции которых входит проведывать членов сообщества, сказавшихся больными. Их задача – выяснить, действительно ли человек болен, и доложить об этом группе. После этого больной может получить до 150 000 шиллингов на лечение. В случае выдачи средств из общего фонда на лечение, свадьбу или похороны на следующей встрече члены сообщества сдают дополнительно к ежемесячному взносу 5 000 шиллингов, чтобы покрыть расходы. Члены Umaki носят униформу (Рис. 7), а также подчиняются определенным правилам и санкциям. Он пояснил этот момент так:

---

¹² 10 000 TZS — чуть меньше 5 USD.

Рис. 7. Униформа группы Umaki.

«Например, если ты платишь взносы, но не приходишь на встречи, ты должен встречаться с другими членами, разговаривать с ними, вкладывать не только деньги, но и идеи. Если ты платишь взносы, но не приходишь на встречу, тебе напишут письмо, в котором спросят, почему ты не приходишь? И если ты снова не приходишь, тебя выгоняют... Нельзя приходить на собрание пьяным – за это платят штраф».

Практически все члены Umaki не так давно переехали в Гонго-ла-Мбото, многие состояли в подобных сообществах там, где проживали раньше, поэтому на встречах они делятся опытом, стараясь перенять все лучшее.

Как видно из приведенных цитат, подобные сообщества вскоре стали заниматься не только «социальным страхованием», но предоставлять своим членам займы под небольшой процент, при этом как правило деньги необходимо вернуть в течение трех месяцев. Обычно вопрос о предоставлении займа решается сообща всеми членами. Некоторые сообщества коллективно открывают коммерческие предприятия.

3.3. Мчезо/Упату

Мчезо или упату представляет объединение людей, регулярно делающих взносы в общий фонд, из которого каждому из членов сообщества по очереди безвозмездно выдается собранная сумма на любые нужды. Это классические кассы взаимопомощи, РОСКА, которые организуются коллегами по работе, соседями и даже детьми в школе (Nissanke, Aryeetey 2005: 64; Zoetelief 2004: 62; Ndanshau 1990). По сути, они совершенно одинаковые, разница лишь в том, что мчезо считается более старым названием, и создавались они преимущественно бедняками, а в современные упату вступают представители среднего класса. Так, один из респондентов пояснил: «Нет отдельно мчезо и упату, вся суть в том, как вам больше нравится это называть. “Шишки” называют это упату, простые парни – мчезо». При этом он уточнил, что в упату чаще участвуют женщины, а само название стало известным после того, как жена бывшего члена Совета Восточной Африки присвоила деньги упату, ее заставили выплатить долг по суду. Нам не удалось найти подтверждений данной истории в медийном пространстве, однако, респондент сказал о том, что дело широко освещалось в СМИ и так общественность узнала термин «упату». Он также подчеркнул, что саму практику начали трудовые мигранты, у которых были мизерные зарплаты.

Главная цель таких групп взаимопомощи – финансовая поддержка своих членов. Как правило, в них состоят 20 и более человек, которые один раз в месяц, в неделю или чаще сдают определенную сумму, варьирующуюся в зависимости от частоты встреч от 1 до 20 тысяч шиллингов. Сумма взносов и частота встреч определяются на первом собрании. Структура мчезо сходна с куфа на кузикана; председатель, казначей и секретарь. Хранитель кассы называется киджумбе (суах. «посланник»), при этом экономическое образование для получения подобной должности не требуется, «кассиром» может быть любой член группы, которому остальные доверяют. Продавец кассавы из Гонго-ла-Мбото рассказал о распространенности мчезо: «Они на каждом углу! Начальная школа, средняя,

старшая, колледж, работа, улица - везде!». На наш вопрос о том, откуда берут деньги школьники он ответил следующее: «От родителей! В мчезо 10 человек, сотня [шиллингов], сотня, сотня ... и уже тысяча!»).

Периодически встречаются группы с упрощенной структурой, где есть только хранитель кассы. Молодой человек из Гонго-ла-мбото рассказал нам о мчезо: в его группе состоит 70 человек, они встречаются каждый день и сдают по 1 тысяче шиллингов. Собранные на каждой встрече средства (70 тысяч шиллингов) отдаются кому-либо из членов на личные нужды без необходимости объяснения, на что он/она будет их тратить. На следующей встрече – другому, и так по кругу. Полученные деньги чаще всего расходуются на продукты питания, оплату коммунальных услуг, школьные взносы, приобретение мелкой бытовой техники и вещей, которые человек самостоятельно купить не может. Интересно, что это было единственное встреченное нами сообщество, которое не имело ни собственного названия, ни конституции.

3.4. Викоба

К 2013 г. в Танзании стремительно распространился еще один тип групп взаимопомощи, викоба. Это слово представляет собой аббревиатуру Village Community Bank (англ. «Банк для сельских жителей») - ViCoBa, и на суахили часто пишется как Vikoba. Викоба предоставляет микрокредиты своим членам, а специальные консультанты от правительства бесплатно обучают участников тому, как начать собственный малый бизнес, вроде продажи еды. Викоба отличается от других групп взаимопомощи тем, что инициатива по ее созданию исходила от танзанийской правящей Революционной партии (суах. Chama cha Mapinduzi, ССМ), заимствовавшей программу противодействия ростовщичеству, разработанную профессором М. Юнусом в Бангладеш 1970-х гг. с целью повышения благосостояния сельского населения. В 1983 г. М. Юнус основал в Бангладеш т.н. Grameen Bank («Сельский банк»), нацеленный на финансирование

мелких проектов. На эту инициативу стали ориентироваться танзанийские власти: во второй половине 2000-х гг. танзанийцы начали направляться на учебу в Grameen. Координатором программы финансирования малого бизнеса в Танзании стала член парламента, ныне президент Банка Викобы, Девота Ликокола. В 2008 г. по инициативе правящей Революционной партии жители 20 районов континентальной Танзании были охвачены программой обучения основам предпринимательства с опорой на имеющиеся ресурсы (Зеленова, Иванченко, Попов 2015: 39).

У официальной викобы есть единый центр и подразделения на уровне города, административного округа, района или улицы; у местных объединений нет реальной самостоятельности. Танзанийцы даже начали называть локальные группы кикоба, а термин викоба использовать для обозначения всей сети групп, поскольку, исходя из логики языка суахили, в соответствии с правилами именных классов, слова с префиксом *vi-* во множественном числе в единственном приобретают префикс *ki-*. По другой версии, т.к. появление викобы в первую очередь связано с деревней, «*ki*» в названии появилось от *kijiji*, что на языке суахили означает «деревня». Ячейки викобы используются правящей партией для того, чтобы легко мобилизовать женщин во время политических кампаний.

Однако наряду с официальной викобой существуют неофициальные, т.е. не имеющие регистрации и связей с другими объединениями и правящей партией, но копирующие саму модель. В таком случае группа также является самостоятельной и саморегулирующейся, как *куфа на кузикана* или *мчезо/упату*, а основам ведения бизнеса участников обучает кто-то из образованных членов, либо же они за небольшую плату приглашают кого-то из действующих предпринимателей поделиться опытом ведения бизнеса, например, нам рассказывали об обучении кулинарии и мыловарению.

Чаще всего члены викобы (Рис. 8) занимаются выращиванием, продажей и перепродажей овощей, фруктов и напитков; создают предприятия сферы услуг.

Подавляющее большинство участников викобы – женщины (см. подр. Иванченко 2017 А).

Рис. 8. Встреча викобы в Гонго-ла-Мбото.

На еженедельных собраниях члены сообщества покупают акции, называемые на суахили хиса (Рис. 9), которые в бухгалтерской книге группы обозначаются печатью с рыбой, так они вносят деньги в общий фонд. Общего для всех викоб фиксированного размера взносов не существует. К примеру, у одной группы в Гонго-ла-Мбото еженедельная сумма взноса равнялась 16,2 тысяч шиллингов и складывалась из фиксированных и дополнительных сборов; в одном из сообществ Кигамбони члены викобы вносили от 3 до 5 тысяч шиллингов. Собранные за одну встречу средства идут на один или несколько займов на 3 месяца под 5-10 %, размер «гранта» напрямую зависит от количества купленных акций. Цель кредита при этом должна быть обоснована: вопрос выводится на коллективное обсуждение с последующим голосованием. На каждой встрече распределяются все собранные средства за исключением выплаченных процентов и штрафов, которые составляют казну викобы. За 3 месяца до окончания годового цикла выдача займов прекращается, чтобы к последней встрече заемщики вернули все полученные

средства. Во время последней встречи накопленные деньги распределяются между участниками в зависимости от размера их вклада. После этого распределяются средства, полученные викобой в виде процентов и штрафов.

Рис. 9. Ящик для хранения документации и денег викобы, книги учета внесения взносов, печать рыба – обозначение покупки акции.

Многие участники покидают общество в течение первого года, т.к. не в состоянии посещать еженедельные собрания и платить штрафы за пропуски. По окончании года группа принимает решение, стоит ли начинать второй годичный цикл или прекратить существование. Второй годичный цикл считается более успешным: члены сообщества уже знают и друг друга, и как вести бизнес. Группы имеют счета в банках; запрещено состоять в двух и более ячейках викобы. Однако все эти правила имеют место только в официальных викобах, в неофициальных собрания могут проводиться раз в месяц по договоренности, опоздания и задержки платежей обычно по-дружески прощаются, а состоять можно в любом количестве сообществ при наличии такого количества средств.

Структура викобы одинакова для всех ячеек: избираются председатель, бухгалтер, секретарь, три хранителя ключей от сейфа, возможно также два счетовода. Если у группы есть банковский счет, то снимать с него деньги возможно только при наличии подписей всех троих членов руководства, так группы обеспечивают безопасность средств. Членство ограничивается 30 участниками; в случае превышения этого числа создается новая группа. Многие респонденты сошлись во мнении, что 30 – максимальное число участников, такое количество людей легко контролировать. За нового члена необходимо поручительство того, кто его привел. В случае невозврата займа ответственное лицо платит за нарушителя. К каждой викобе прикрепляется чиновник, занимающийся ревизией и оценкой деятельности организации, производимой ежегодно.

На платформе Telerivet¹³ говорится о том, что викоба предоставляет доступ к микрофинансовым займам и обучает финансовой грамотности, стремясь охватить более 300 000 женщин в Танзании. Штаб-квартира викобы использует облачный сервис для связи с региональными координаторами, уже обучающими 8 000 групп женщин по всей стране. Тем не менее, платформа охватывает не все группы, многие из которых находятся в отдаленных деревнях с плохим доступом к услугам связи, а также не учтены неофициальные группы викоба.

Однако нельзя сказать, что эта форма объединений вытесняет мчезо/упату: запрет состоять в двух и более ячейках викобы не распространяется на другие виды сообществ. Многие танзанийцы участвуют одновременно и в викобе, и в мчезо, и в куфа на кузикана, если могут себе это позволить финансово.

3.5. Группы по этническому/региональному принципу

Рассмотрим отдельно группы, созданные по этническому/региональному принципу. Как уже было сказано ранее, сегодня они не перестали существовать,

---

¹³ Telerivet <https://www.telerivet.com/>

но утратили политизированность. Важно отметить, что подавляющее большинство жителей Танзании имеет представление о том, какой регион населяют какие народности, даже в Дар-эс-Саламе абсолютно любой человек может ответить на вопрос о регионе происхождения своей семьи несмотря на то, бывал ли он когда-либо на исторической родине. Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, существует тесная взаимосвязь между этническим и региональным аспектами самоидентификации, но с другой стороны, между ними нет полного совпадения.

Ассоциации, сформированные по этническому/региональному принципу, могут выполнять любые функции описанных выше групп (куфа на кузикана, мчезо/упату, викоба), однако, помимо этого, их цель - сохранить традиционную культуру той или иной народности в условиях полиэтничности мегаполиса. Такие группы достаточно сильно различаются между собой, есть официальные объединения выходцев из определенных регионов, в которых состоит 50-150 человек, при этом сообщество формируется по принципу общности места происхождения, а не места проживания в городе, а доверие основывается не столько на длительности и близости знакомства, сколько на общности крови/культуры, как говорили сами респонденты. В то же время, существуют небольшие, локальные сообщества, сформированные между соседями, но обязательное условие для вступления – определенная этническая принадлежность.

Мы встречались с руководителями 2 официальных крупных сообществ: это MEWA («Men Welfare Association», англ. «ассоциация по обеспечению благосостояния мужчин») народности чагга из района Менгве в области Килиманжаро, а также UAMO («United Association of Morogoro», англ. «Объединенная ассоциация Морогоро») выходцев из различных народностей региона Морогоро в городе Аруша. Обе организации официально зарегистрированы, имеют банковский счет и собственного юриста, в первой более 50 членов, во второй – более 150, у каждой из этих групп есть официальный логотип; MEWA встречаются в собственном центре, а UAMO – арендуют

помещения, предварительно получив от правительства разрешение на проведение встречи с таким количеством участников, иначе их могут разогнать как несанкционированный митинг. Опять же, обе группы имеют фонд для помощи в случае похорон и других жизненных ситуаций, а также выдают займы для начала бизнеса под небольшой процент.

Представитель ассоциации MEWA говорил о том, что они не дают объявлений, новые члены их находят самостоятельно, достаточно часто на похоронах кого-то из действующих членов появляются его родственники из района Менгве, которые узнают о группе и в итоге решают присоединиться. Кроме того, часто действующих членов просят привести 1 человека для рассмотрения его кандидатуры на прием в группу на следующей ежемесячной встрече. Структура самой группы несколько сложнее, чем обычно, помимо исполнительного комитета из 3 лидеров (председатель, казначей, секретарь) есть 5 помощников комитета и отдельный дисциплинарный комитет из 5 человек, все должности выборные с оговоренным сроком полномочий.

Представитель группы UAMO рассказал о том, как обычно находят соплеменников люди, приехавшие в крупные города: «Очень легко узнать друг друга по фамилии – клановому имени... Если кто-то приехал в Арушу впервые, то встречает разных людей, и он или она должен представиться: “Я Кеннеди Мапима, я приехал из Морогоро”. [В ответ говорят:] “О! Там есть другой погоро! Его зовут Липили”. Хммм... Липили, дома [в Морогоро], да, я слышал о них [людях с таким клановым именем]. И, вот, если ты узнаешь чье-то клановое имя, ты можешь прийти в офис и сказать: “Я ищу человека по фамилии Мапима”. “Мапима, Мапима... А, Кеннеди!” Это запросто. Но если ты спросишь по имени: “Кеннеди”, люди могут не понять: “Кеннеди Мпото? Муши?” Нет-нет, но если ты знаешь “Мапима” – это гораздо лучше. И вот так ты можешь с кем-то познакомиться через кого-то...».

Мы встретили еще одно крупное объединение народа сукума в Дар-эс-Саламе, однако общались не с руководством, а с рядовым членом группы. Молодой человек рассказал нам, что в группу его привели родители, в группе их уже 120,

они живут в разных районах города, помогают безвозмездно в случае свадеб и похорон, дают займы на бизнес под 2 %, также достаточно часто – на строительство дома или организацию сельскохозяйственных посадок.

Остальные группы, с которыми мы встречались, были куда менее многочисленными и формализованными, как правило, в них не более 20 членов. Так, в Гонго-ла-Мбото мы встречали группу ньямвези из Таборы, в Мбагале были четыре группы женщин хайя, причем одна из респонденток состояла сразу в трех объединениях хайя.

Интересен тот факт, что при приеме нового члена все подобные сообщества проверяют его принадлежность к своей народности: спрашивают, из какой он деревни, на какой улице живут или жили его родственники, после чего проверяют эту информацию через знакомых, проживающих в упомянутой деревне. Они расспрашивают потенциальных членов об этническом языке (даже люди, рожденные в Дар-эс-Саламе, обычно знают приветствия на своем языке), обращают внимание на внешний вид, произношение, а также на клановое имя, в котором отражается этническая принадлежность. Респонденты подчеркивали, что доверие основывается на общей культуре, на общей крови, иногда даже на родстве кланов, т.е. все члены группы происходят из одной народности и региона, понимают друг друга как никто другой и это имеет гораздо большую ценность, нежели формализация правил группы.

Многие говорили нам о том, что этническая принадлежность указывается в свидетельстве о рождении, что, однако, крайне странно с точки зрения танзанийского законодательства, согласно которому с момента получения страной независимости, запрещено указывать этническую и религиозную принадлежность во время переписи, а также каким-либо другим образом привлекать внимание к данным характеристикам, дабы избежать конфликтов.

Согласно нашему анализу, на данный момент в свидетельствах о рождении жителей некоторых регионов присутствует вопрос о месте рождения, но он, как правило, не заполняется, в остальном же, в соответствии с государственной

политикой, вопрос о месте рождения и этической принадлежности не присутствует. Видимо, этот вопрос освещался в документах ранее, однако, мы не имели возможности проверить. Тем не менее, респондент сукума сообщил нам следующее: «Я состою в группе куфа на кузикана, это группа для людей, которые разделяют кровь. <...> У нас есть некоторые вопросы, с помощью которых мы можем проверить, сукума ты или нет. Так, мы просим показать свидетельство о рождении. Приходи со свидетельством о рождении, и мы узнаем [где ты родился]. И мы спросим твое имя, твое местное имя. У нас есть местные имена сукума. Так как тебя зовут? Твое местное имя? И мы можем сказать, ты – сукума или не сукума. Если ты хочешь присоединиться к нашей группе, мы должны убедиться, что среди членов нашей группы есть десять людей, которые могут за тебя поручиться». В то же время престарелая женщина ньямвези рассказала следующее: «Главное условие группы – быть ньямвези, но мы захотим подтвердить, что ты действительно ньямвези. Мы спросим об истории нашей родины, у нас есть люди из разных районов Таборы [регион ньямвези]. Кроме того, мы попросим говорить на языке ньямвези, мы будем задавать вопросы о нашей культуре, обычаях и ритуалах, которые практикуются у народа ньямвези. Мы можем попросить назвать три или четыре традиционных танца».

3.6. Государственная регистрация групп взаимопомощи и обращение в официальные инстанции

Важной чертой многих групп взаимопомощи является их неформальность. Согласно законодательству, подобные объединения изначально должны были получать государственную регистрацию, придававшую юридическую силу документам группы, однако фактически многие этого не делали (за исключением групп викоба, изначально зарегистрированных). Кроме того, процесс был крайне затруднителен: в 2013 г. респонденты часто говорили о том, что их группы существуют уже 3-5 лет, но все еще находится в процессе регистрации.

Рассмотрим основные причины такого положения вещей. Многие информанты объясняли, что регистрация их группе не нужна, так как она не приносит никакой выгоды (группа все равно строится на доверии, о чем мы подробнее скажем ниже), зато зарегистрированная группа вынуждена будет платить налоги, да еще и сам процесс регистрации непонятен, занимает много времени, осложняется многочисленными бюрократическими преградами, а также процветающей коррупцией, выражающейся в значительных затратах на взятки чиновникам различных уровней. Некоторые говорили о том, что их группа не вовлечена в какие-то серьезные активности, не делает ничего значительного, а потому в регистрации попросту нет необходимости. Приведем несколько высказываний. Преподаватель Академии им. Мвалиму Ньерере пояснил ситуацию следующим образом: «Регистрация – сложный процесс, большинство людей думают: почему мы должны терять свое время, почему мы должны терять свои деньги? Система регистрация чрезвычайно громоздка для многих людей. Когда группа зарегистрирована, она начинает платить налоги. Люди бегут от правительства, потому что правительство оказывается врагом людей – из-за налогов. <...> У людей сукума есть знаменитая поговорка, что лучше взять деньги и подкупить женщину, чем заплатить налоги правительству». Молодой человек, бывший член группы взаимопомощи, ньякьюса, был даже более радикален в своих высказываниях: «Ты приходишь за подписью, а тебе говорят – о, босс далеко от Танзании, он уехал в Кению на два года. Ты можешь прождать одну подпись два года! Наше правительство – ненормальное!». Мужчина, член куфа на кузикана, согласился: «Чтобы зарегистрироваться, нужно много денег – плюс [процветает] коррупция. Когда мы начали процесс регистрации – это требовало очень много денег и причиняло очень много беспокойства. Это было больше двух лет назад. Очень, очень плохое правительство!». В то же время преподавательница Академии им. Мвалиму Ньерере, которая является казначеем в ее группе викуба, высказалась по этому поводу следующим образом: «Мы уверены, что нам это не нужно. ... Мы хотим быть сами по себе. По поводу регистрации – многие не знают, с чего начать, и, конечно, нужно будет платить взносы... Люди не хотят терять деньги». Мужчина

из района Мвананьямала утверждал, что налоги бессмысленны с его точки зрения: «Кстати, зарегистрированное сообщество обязано платить налоги. А люди не готовы платить налоги! Почему мы должны платить налоги, если их все равно украдет ССМ?! [правящая партия]».

Кроме того, на момент 2015 г. большинство респондентов отмечали, что регистрация группы бесполезна также для конфликтной ситуации, поскольку полиция крайне коррумпирована и обращение к ней приведет к лишней трате денег, но не результату, при этом ни полиция, ни суд не станут решать проблемы незарегистрированных объединений (Иванченко, Банщикова 2017). Молодой человек из Гонго-ла-Мбото пояснил ситуацию с взятками полиции так: «Конечно, они должны получить что-то... у нас в Танзании всегда так делается». Женщина из неформальной викобы в Кигамбони подтвердила: «Они [недобросовестные члены группы] могут подкупить полицию, и она не придет. Полиция может не отнестись к делу серьезно из-за взятки. Даже факт регистрации группы не означает, что полицию нельзя будет подкупить. <...> Взятки и коррупция везде». Преподаватель университета из мужской группы взаимопомощи в Мбагале объяснил такую ситуацию более подробно: «Когда ты обращаешься в полицию, они потребуют деньги за усилия по возвращению твоих денег. То есть ты просто продолжишь терять деньги. Можно так сказать, что наличие и отсутствие [легальной] системы означает одно и то же. Допустим, вор украл 50 тысяч танзанийских шиллингов. Полиция говорит: “Хорошо, дай нам 10 тысяч на бензин, и мы поедem за ним”. Через два дня они объявляются и снова: “Знаешь, нам бы еще 10 тысяч, чтобы отдать этого человека под суд”. И так они будут беспокоить тебя, пока ты не обнаружишь, что в поисках 50 тысяч уже отдал все 100!». Уличный торговец вторил ему: «Ты не можешь доверять ни полиции, ни судье ... Пока у тебя есть деньги – все просто, ты можешь купить их всех!».

В то же время один из наших респондентов сказал о том, что в случае кражи денег из общей кассы группы коррумпированностью полиции можно воспользоваться: «Ты можешь дать полицейскому немного денег, и он пойдет к тому парню, который

украли ваши деньги, и скажет, что посадит его в тюрьму за кражу. Люди так боятся тюрьмы! Потому что в Танзании тюрьмы просто ужасные. <...> В Танзании многие люди не знают своих прав. Если ты пойдешь в суд, ты победишь! Даже если ты преступник. Многие люди не знают закона». На наш вопрос о том, не поможет ли наличие у группы регистрации в данной ситуации, респондент ответил следующее: «Но коррупция в полиции – это очень дешево! Это точно поможет!». Также он добавил, что взятки в полиции обходятся дешевле, чем процедура регистрации группы в официальных учреждениях.

При этом предположения о размере взятки разнились от пары бутылок пива или оплаты обеда, до достаточно крупных сумм денег. Более того, люди, состоящие в незарегистрированных сообществах, как раз объясняли нежелание обращаться к полиции тем, что в таком случае они потратят больше денег, чем потенциально можно украсть у их группы, или же сопоставимое количество.

То есть для большинства членов групп взаимопомощи обращение в полицию бессмысленно или даже прямо запрещено конституцией, по словам молодого человека, члена куфа на кузикана: «Согласно нашей конституции, нельзя обращаться в полицию из-за каких-либо внутренних расчетов. Каждая проблема должна обсуждаться [членами группы]. Десять человек [поручившиеся за члена, которые не вернул ссуду] возместят потери группы, согласно конституции». Альтернативой в конфликтной ситуации является обращение к лидеру группы, коллективное обсуждение ситуации и согласованные действия участников. Член викобы из Мбагалы дополнил: «Полиция обычно – последняя опция, а на первом месте – то, как ты можешь использовать дипломатические и социальные средства, чтобы вернуть деньги».

Большинство респондентов упоминают лидеров групп как весьма уважаемую силу, на которую стоит полагаться в противовес институтам государства и продажной полиции. Преподаватель университета подтвердил данное утверждение: «Это [система групп взаимопомощи] основывается на общественном авторитете. Это позволяет нам самим выбирать лидеров, которые очень сильны.

Глава викобы – директор средней школы. Глава другой викобы – солдат. Видите, это люди, у которых есть определенный социальный статус, очень высокий социальный авторитет».

При всех перечисленных выше аспектах, более состоятельные и образованные члены групп взаимопомощи видели смысл в регистрации: она обеспечивает официальное признание группы, позволяет легко открыть счет в банке и дает возможность займов для группы на льготных условиях. Важно отметить, что данное преимущество не востребовано членами групп из бедных районов, поскольку обращение в банк осложняется рядом препятствий: отсутствие опыта взаимодействия с официальными структурами и общая финансовая безграмотность, отсутствие личных документов (national ID¹⁴ / паспорт) и официально зарегистрированной собственности (дом, машина, земля), которая могла бы использоваться как гарантия платежеспособности, высокая процентная ставка по кредиту в банке. Молодой человек из Тандале рассказал следующее: «Потому что у него скромные доходы. Совсем непросто взять займ в банке, потому что у него очень мало денег... Нет выхода, потому что низкие доходы. Даже если риски есть – выхода нет!». Женщина из Кинондони согласилась с ним: «Банк хочет гарантий, что-то существенное, большие вещи. Собственность... Поэтому многие этого себе не могут позволить, у меня, например, нет собственного дома. Надо чтобы было что-то такое, вроде машины или дома... те, у кого есть – они не идут в группы [взаимопомощи], они идут в банк!».

3.7. Неформальные основы доверия в группах взаимопомощи

Поскольку, как уже было сказано, в большинстве случаев группы взаимопомощи основываются именно на доверии, что неоднократно

---

¹⁴ National ID (англ. «национальная идентификация») – основной документ в Танзании, удостоверяющий личность и гражданство, паспорта в Танзании используются только для выезда за рубеж.

подчеркивалось другими исследователями (см напр. Adofu et al. 2010: 8; Rodima-Taylor 2014: 570; Von-Pischke 1992; Kashuliza 1993; Bagachwa 1995), хотелось бы подробнее остановиться на них. Во время наших исследований практически все респонденты говорили, что слышали о том, что в какой-то группе кто-то украл общую кассу (Рис. 10а, 10 б) и сбежал. В связи с чем и возник вопрос о том, что же делают члены подобных групп, чтобы обезопасить себя от кражи общих денег или не возвращения займов.

Рис. 10а, 10б. Пример общей кассы неформальной викобы в Гонго-ла-Мбото.

Одним из самых главных аспектов является механизм выбора членов сообщества: если группа собирается принять нового человека, кто-то из действующих членов должен за него поручиться. Чаще всего несколько человек решают создать группу, ориентируясь на свой предыдущий опыт, т.е. на группы, в которых они состояли, проживая в другом районе или городе. После чего каждый из них приводит своих друзей, а те – своих, т.е. очень часто группа изначально формируется между друзьями. При принятии нового члена сообществом устраивается групповое обсуждение предложенной кандидатуры, если кто-то из членов говорит, что обсуждаемому кандидату не стоит доверять по каким-либо причинам, шансы попасть в группу для этого человека стремительно снижаются. Итоговое решение принимается путем общего голосования. Более того, силами группы проводится неофициальное расследование: за потенциальным членом следят, расспрашивают его соседей, родственников и коллег о нем и его поведении,

стараятся узнать об источниках доходов и об их стабильности. Некоторые ассоциации принимают кого-то на временной основе («trial period», англ. «испытательный срок»), от месяца до 3, в течение которых группа также будет наблюдать за человеком, чтобы принять окончательное решение. Вот как это прокомментировал житель Гонго-ла-Мбото, бывший член мчезо: «Ты не можешь прийти не по знакомству. Они не согласятся тебя принять, они не будут доверять тебе, потому что никто за тебя не будет ручаться. В мчезо все люди – друзья, потому что они считают, что собака гуляет с собакой. Невозможно, чтобы лев гулял с козой». Девушка, состоящая в викобе в Гонго-ла-Мбото, по данному поводу ответила так: «Когда они приглашают тебя, они наблюдают за тобой три месяца, за твоими привычками, поведением, они спросят других членов: “Как вам такой-то человек?” Так что не все [вступают в группу], потому что некоторые люди очень грубые, агрессивные! Если ты скажешь им, что уже пора платить викобе, они начинают: “Эй, ты знаешь, какие у меня проблемы?” <...> Они смотрят, как ты живешь, как ты говоришь, как ты общаешься с людьми. Они приглашают тебя присоединиться, но они будут тайно наблюдать за тобой три месяца. Они смотрят, как ты ведешь себя, как ты ходишь на обед и завтрак, как ты ешь. Не тратишь ли слишком много денег на обед? Они будут совершенно нормально к тебе относиться, но все время будут наблюдать».

Тем не менее даже в случае единогласного решения за принятие нового члена в сообщество человек, который его изначально привел, все равно остается ответственным за него, иногда в том числе и материально (он может подписать соответствующие документы). В уже упомянутой куфа на кузикана народа сукума за каждого нового члена должны поручиться 10 действующих членов, которые в том числе будут ответственны за погашение его долгов, причем такие ситуации уже случались дважды на момент разговора: двое членов сообщества убежали с деньгами, а ответственные за них выплачивали долги без возражений.

Часто в незарегистрированных группах взаимопомощи существует следующая практика: при взятии взноса кем-то из членов составляется перечень

его имущества (холодильник, телевизор и т.д.), которое человек обязуется отдать сообществу в случае отсутствия возможности вовремя вернуть одолженные деньги. Как правило, при этом человеком, берущим займ, и руководством группы подписываются соответствующие документы, которые впоследствии могут также быть заверены у местной администрации или юриста. Иногда документы также подписывает свидетель, выбранный из членов группы, или даже несколько. Таким образом, в случае отказа платить или отдавать имущество, у сообщества будет возможность обратиться в полицию, предъявив данный документ. Женщина из этнической группы ньямвези подробно рассказала о данной практике: «Если кто-то из группы не возвращает деньги или не платит взнос, мы возьмем ее домашнюю утварь, используемую в качестве залога, чтобы компенсировать убытки [группы], и не имеет значения, принадлежат ли предметы ей или ее мужу... Мы их возьмем, даже если они принадлежат ее мужу, потому что мы же не знаем, может быть, она потратила деньги группы вместе с мужем! Потому что прежде, чем присоединиться к группе, обязательно нужно об этом сказать мужу. А если она не сказала и наврала, что сказала, мы можем легко узнать об этом в кратчайшие сроки, потому что другие участники могут рассказать ее мужу о группе беседуя, между делом. Муж должен быть в курсе на случай если ты заболеешь, чтобы он временно принял на себя твои обязанности в группе». Мужчина средних лет из Тандале подтвердил: «Когда берешь в долг деньги, нужно подписать бумагу, в которой указано твое имя, количество денег, которое ты берешь в займы, что ты собираешься с ними сделать, что предоставляешь в качестве залога на случай, если не сможешь заплатить. Так, некоторые люди в качестве залога предлагают телевизор ... потому что они берут не так уж много денег».

Интересен также случай с организациями, созданными коллегами по работе. По словам наших респондентов, в случае, когда группа взаимопомощи основывается сослуживцами, зачастую среди членов группы присутствует и руководство компании, либо руководство осведомлено о деятельности данного сообщества. При неуплате взноса кем-то из группы, принято обращаться к руководству учреждения (или к его бухгалтерии), а руководство, в свою очередь,

может вычесть нужную сумму из зарплаты сотрудника и передать ее сообществу. Вот как об этом нам рассказала девушка-бухгалтер в колледже:

«Если я не верну деньги в колледже, мне урежут зарплату. Они пойдут к бухгалтеру: “Мы договорились о том, о сем, дай нам тысячу!” Они возьмут деньги непосредственно из моей зарплаты через бухгалтера... Так что, если вы пожалуетесь боссу и скажете: “Вот наше соглашение!”, он ответит “Я ничего об этом не знаю, но, если ты подписался - плати!”. Он не будет вмешиваться, но заставит руководство группы разбираться...»

Кроме того, информанты говорили, что проблема с возвратом денег или, тем более, их кража в группе среди коллег, наверняка приведет к увольнению, а найти официальную, регулярно оплачиваемую работу в Дар-эс-Саламе достаточно затруднительно. На наш вопрос о том, что будет, если кто-то в группе на работе украдет деньги, респондент ответил следующим образом: «Невозможно! Как потом работать?». На наше уточнение о том, что будет, если человек убежит, ответ был однозначен: «И где он тогда будет работать?». Информант подытожил, что в группе не столько денег, чтоб рисковать стабильной работой: «Может сто тысяч... Если человек такое сделает, то он, должно быть, сумасшедший! Если он украдет деньги на работе и сбежит – значит с ним определенно что-то не так...»

Во многих группах при выборе кого-то из лидеров (председателя, секретаря, бухгалтера, т.е. лиц, имеющих доступ к общей кассе) необходимым условием является наличие у них собственного дома в данном районе. Это объясняется тем, что «невозможно сбежать вместе со своим домом, а бросить собственный дом – невозможно», т.к. ни в одном сообществе нет такого количества денег, чтобы подобный шаг был оправдан. Мужчина из неофициальной мужской викобы в районе Мбагала прокомментировал ситуацию следующим образом: «Сбежать куда? Потому что члены нашей группы построили здесь дома, у них есть собственность, о которой мы знаем. Они даже не смогут продать недвижимость так, чтобы слухи о том, что дом продается, не распространились по всему району. Так что сбежать непросто. Если же сбежать из-за невыплаченного долга – это тоже

непросто, потому что мы – состоявшиеся люди, с семьями, ты же не сможешь сбежать от своей семьи за 1 миллион!». На наш вопрос о том, что будет, если сбежать с семьей, ответ был следующий: «Не получится, у тебя же дети здесь в школу ходят. Тот парень, который нам помогал во время встречи, у него здесь гараж, свой пруд... Как думаешь, он может сбежать отсюда? Не просто».

Если говорить о неформальной основе доверия между соседями и коллегами, то в первую очередь учитывается длительность знакомства. Информанты говорили, что необходимо знать человека хотя бы год, чтобы делать какие-то выводы насчет его надежности. Важным условием также является репутация и общественное мнение. По нашим наблюдениям, «сарафанное радио» в Дар-эс-Саламе до сих пор является основным каналом передачи информации, причем не только в бедных, но и в более благополучных районах. Поэтому если человек замешан в каких-то сомнительных делах, очень скоро об этом будет известно всем. Именно благодаря хорошей репутации среди соседей и дружеским отношениям появляется возможность присоединиться к различным группам взаимопомощи. Приведем фрагмент интервью с мужчиной из неофициальной мужской викобы в районе Мбагала (Рис. 11): «Вот почему мы сказали, что обращаем внимание на социальный статус... Вот, например, я взял кредит на 1 миллион и собираюсь сбежать. Они скажут: “Нет, отдай нам пожалуйста свою машину [если не можешь заплатить], что-нибудь еще”. Все равно до такой ситуации довести сложно, потому что нужно поддерживать свой социальный статус. В сообществе ты кто-то, и нужно, чтобы тебя продолжали уважать». На это был задан следующий вопрос: «то есть если что-то не в порядке, даже внутри группы, на следующий день будет знать весь район?», на что был получен утвердительный ответ. «Репутация упадет ниже некуда! И все будут говорить: “О, этот тот парень, который украл деньги у группы”», - резюмировал респондент.

Рис. 11. Встреча мужской неофициальной викобы Мкокози в Мбагале.

По словам респондентов для того, чтобы доверять человеку, необходимо знать, где он живет, а в идеале – быть знакомым с его семьей. Одна из опрошенных уточнила: «Может быть она и сотрудник [учреждения], но вы ее знаете? Вы знаете, где она живет? Я знаю, Дон живет в Мзизини, я знаю его семью, он мой друг, я могу за него поручиться. Это не берется из ниоткуда». Девушка из Гонго-ла-Мбото рассказала о том, что заставляет ее доверять деньги людям из группы: «Я их знаю, я знаю, где они живут. Мы друзья. Их поведение, разумное поведение, я знаю большинство из них. Их поведение может измениться, но по крайней мере вы знаете, где они находятся, вы знаете их детей. Так и строятся наши взаимоотношения, это и заставляет нас доверять друг другу».

На вопрос о том, что делать, если деньги украдут, даже зная, где человек живет, респонденты отвечали, что они всей группой придут к человеку домой и потребуют срочно вернуть деньги, попытаются пристыдить виновного, в том числе, обращаясь к его семье, в особенности, если человек живет с родителями. Семья, как правило, берет на себя ответственность за долги одного из ее членов, т.е. в случае, если кто-то из семьи украдет деньги у группы взаимопомощи, это

будет считаться позором для всего рода. Не исключено, что в таком случае семья выгонит провинившегося члена из дома, разорвав отношения с ним. Молодой человек, бывший член мчезо среди коллег прокомментировал данный вопрос следующим образом: «Это все связано с вопросами чести и бесчестия в семье. Твоя семья может решить больше не иметь с тобой дел, отречься от тебя. Потому что [своими действиями] ты разрушил уважение к семье среди соседей. Одну вещь я могу тебе сказать о танзанийцах: они обожают сплетничать и следить за жизнью друг друга».

3.8. Участие женщин в группах взаимопомощи

Переходя к рассмотрению гендерного аспекта и женских групп взаимопомощи, повторим, что ключевым моментом в их становлении стала смена образа жизни с деревенского на городской при сохранении традиционных семейных ценностей и культурных установок. В Танзании, как правило, женщины не работали и при этом полностью отвечали за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Большую часть времени они проводили дома. Африканки практически не были вовлечены в трудовые отношения, они не имели возможности получать образование и зарабатывать деньги. В 70-е годы в стране началась кампания за права женщин, стали происходить изменения в экономике.

Помимо доступа к образованию и работе, женщины хотели быть более самостоятельными, не зависеть от мужчин и иметь возможность повысить свой социальный статус не за счет замужества, а собственными усилиями, что в традиционной культуре не предполагалось. Хотя к настоящему времени ситуация с доступом женщин к образованию существенно изменилась, многие семьи все еще придерживаются патриархальных установок, стараясь дать образование старшему сыну (сыновьям при наличии средств) и рассчитывая на то, что дочери должны выйти замуж и заниматься хозяйством. Именно поэтому основной возможностью

получить работу, в особенности для замужних женщин с детьми, является начало собственного малого бизнеса, небольшого дела, приносящего доход. В данном случае под малым бизнесом понимается, к примеру, выращивание и продажа овощей и фруктов, домашней птицы, продажа напитков или приготовленной еды, работа в сфере услуг, чаще всего в парикмахерских (Рис. 12а, 12б).

Рис. 12а. Малый бизнес, продажа фруктов в Манзесе.

Рис. 12а. Малый бизнес, парикмахерская в Мвананьямале.

Очевидно, что для начала собственного дела, помимо некоторых знаний, необходим начальный капитал. Но большинство женщин из небогатых кварталов Дар-эс-Салама не имеют возможности обратиться в банк, по причинам, которые уже были обозначены выше. Именно поэтому группы взаимопомощи, предоставляющие займы без бумажной волокиты и наличия дорогостоящей собственности, очень высоко ценятся женщинами, решившими начать собственное дело (см. подр. Mbilinyi 1999; Tripp 1997; 2000; Иванченко 2017 А).

Молодой человек, живущий в *усуахилини*, не имеющий постоянной работы, рассказал нам о причинах популярности групп взаимопомощи среди женщин: «Что касается викобы, то речь идет о бизнесе, мелких предприятиях и небольших доходах. ... Многие женщины заняты в малом бизнесе, а викоба, позволяет им получить капитал, поскольку там проценты очень маленькие! Викоба или куфа на кузикана очень помогали [женщинам], особенно в больших городах». Преподавательница Академии Мвалиму Ньерере из гораздо более благополучного

района города подтвердила: «Викоба помогает многим людям на личные расходы, мелкий ремонт дома можно легко получить кредит – а ведь не каждый может позволить себе получить кредит от банка, где ставка очень высокая и могут потребовать залог, возможно, дом, участок земли, а большинство людей этого не имеют». Она подчеркнула, что даже если у человека есть дом, но нет оформленных документов на него – банк также не даст кредит. Кроме того, одна из информанток, занимающаяся продажей фруктов в Гонго-ла-Мбото, призналась, что ей страшно иметь дело с банком: в случае неуплаты процентов могут прийти коллекторы и отобрать дом, и ничего нельзя будет с этим сделать. В группах взаимопомощи, основанных друзьями и соседями, такие вопросы решаются «между своими».

Помимо возможности получения займа на льготных условиях, участие в группах взаимопомощи рассматривается женщинами как возможность повышения самосознания и своей социальной значимости. По словам многих опрошенных, в традиционном обществе женщины чувствовали себя «оставленными позади». Поэтому, помимо возможности повышения благосостояния, женщины рассматривают участие в подобных группах как дополнительную возможность выбраться из дома и пообщаться с друзьями. Одна женщина, член викобы, рассказала об этом так: «Женщины чувствуют себя неполноценными в общественном плане, им необходимо собраться и поддержать друг друга. Мужчины часто собираются, чтобы немного выпить, а женщины в это время сидят дома. Так что, если мы [викоба] организуем у кого-нибудь вечеринку – они счастливы, они наряжаются, танцуют, по крайней мере, есть повод лишний раз выйти в свет».

Интересно, что сами женщины объясняли, почему практики взаимопомощи популярнее среди них, нежели среди мужчин, психологическими причинами и особенностями: естественной склонностью женщин к кооперации, большей ответственностью, неагрессивностью. Женщины привыкли помогать друг другу и полагаться друг на друга в ведении хозяйства и без каких-либо групп: принести продуктов из магазина, присмотреть за детьми и т.д. «Если женщина одолжила

деньги, чтобы заплатить школьные взносы для своих детей, мы уверены, что она так и сделает. Когда мужчина берет деньги на школьные взносы – он может их потратить на пиво», – пояснила преподавательница Академии Мвалиму Ньерере. «Женщины доверяют друг другу, не то что мужчины, у женщин это традиционная норма, в наше время люди хотят улучшить свое экономическое положение, женщины хотят его улучшить, они больше не хотят зависеть от мужчин. И как им это сделать? Я думаю, только так (вступив в группы взаимопомощи), я думаю, вот почему», – пояснил различия между мужчинами и женщинами уличный торговец. Продолжая тему женской сплоченности, девушка, работающая в колледже в Гонгола-Мбото и состоящая в викобе для женщин, работающих в учреждении, поведала: «У мужчин в институте нет такой организации из-за конфликта интересов. Мы сдаем деньги для всех, для других, кто-то другой может использовать твои деньги себе во благо, а мужчины не могут договориться. Мужчины не могут понять, почему кто-то получает пользу от их денег». Вопрос о гендерных различиях по вовлеченности в викобу, а также ответственности в качестве члена викобы прояснить преподаватель из академии Мвалиму Ньерере. Он предложил, каким образом женские группы взаимопомощи эволюционировали: «Когда-то такие неформальные организации были просто женскими “говорильнями”, чтобы обсуждать мужчин. “Мама Фулани не знает какую блузку подобрать к юбке”. Но сейчас все изменилось. Люди больше интересуются тем, где взять заем, чтобы улучшить свою повседневную жизнь, где можно подработать, чтоб помочь своей семье – такие вещи их интересуют. Обычно у женщин нет серьезной работы дома. Но теперь, благодаря изменениям в экономике, эти неформальные сообщества занимают серьезное место». Эту тему продолжил мужчина хайя, живущий в Мбагале: «Из-за экономических проблем и отсутствия образования женщины в Кагере начали движение... Большинство женщин убежали от своих мужей из-за патриархальной культуры, им было запрещено есть курицу, козлятину,

кузнечиков¹⁵ и все такое... И примерно в 1970-х гг. женщины начали что-то вроде революции, они хотели получить преимущества, такие как возможность работать. Поэтому женщины из Кагеры убежали в Дар-эс-Салам, без образования и перспектив, стали искать работу, многие стали проститутками».

Современная мобильность значительных групп населения, прежде всего из сельской местности, выступают важным фактором возникновения групп поддержки. Многие из опрошенных нами женщин недавно переехали в город и тяжело переживают отрыв от семьи и родного города/деревни, где всегда могли рассчитывать на помощь родственников. Это также одна из причин, по которой появляется необходимость создания группы поддержки, чтобы компенсировать отсутствие связей с земляками. Интересен тот факт, что многие, даже имея возможность обратиться за финансовой поддержкой к родственникам, все равно предпочитают обращаться к группам, поскольку их члены, в отличие от родственников, изначально берут на себя обязательства помогать друг другу. Участие настоящих родственников в подобных группах считается нежелательным, поскольку такие образования крайне нестабильны: кто-то может присвоить деньги, поскольку лидер группы – его родственник, либо же ссылаясь на семейные обязательства, которые, в отличии от отношений с соседями, не так сильно зависят от общественного мнения, а потому почти не регулируются социальными санкциями.

3.9. Факторы, способствующие присоединению к группе взаимопомощи

В ходе полевых исследований мы неоднократно спрашивали наших респондентов о том, в чем причины такой распространенности и популярности групп взаимопомощи, что заставляет людей к ним присоединяться. Помимо

---

¹⁵ У народа хайя из Букобы есть традиция употреблять в пищу кузнечиков (суах. «senene»), традиционно женщинам их есть запрещалось. Наши информанты, мужчины хайя утверждали, что кузнечики гораздо вкуснее любого мяса.

позитивных моментов, отмеченных членами подобных ассоциаций, таких как социализация, появление единомышленников, оказывающих поддержку на новом месте жительства/работы в случае непредвиденных обстоятельств, а также улучшение материального положения, респонденты часто говорили о проблемах, в связи с которыми люди обращаются в группы взаимопомощи, а не куда-либо еще. Прежде всего, речь шла о проблеме бедности, которая усугубляется недостаточной поддержкой со стороны государства, что отражается на различных сторонах жизни.

Информанты часто говорили о безработице на фоне отсутствия или крайне незначительного количества программ поддержки безработных и помощи в трудоустройстве со стороны государства. Как уже было сказано, Дар-эс-Салам является главным центром притяжения для внутренних мигрантов, при этом переезжая, многие люди, на самом деле, не имеют какого-то востребованного образования, либо же перспектив получения работы, а, зачастую, и не располагают большим количеством денег. Следствием данной ситуации является постоянное разрастание сектора неформальной экономики, в котором многие вынуждены искать источники заработка, которые не отличаются стабильностью, более того, в неформальном секторе речи о защите прав трудящихся и страховании само собой не идет. Поскольку до 2015 г. попытки легализации неформального рынка были крайне скромными, по словам наших респондентов опыт общения с официальными инстанциями сводился к необходимости быстро собрать товар и убежать от патрулей полиции, дабы избежать штрафа за нелегальную торговлю. Автор был свидетелем данного процесса в 2015 г. возле центрального отделения почты Дар-эс-Салама, где на улице несколько молодых растаманов, наших респондентов, продавали украшения. Естественно, что в таких условиях мысль о том, что государство может защитить права граждан, многим не приходила в голову (Рис. 13)

Рис. 13 Прилавок уличного торговца украшениями у центрального офиса почты.

Кассир викобы в Кигамбони говорила о проблемах безработицы следующим образом: «В *усуахилини* много безработных, потому что безработные ребята как раз живут в *усуахилини*. Если ты не работаешь, у тебя нет денег и трудно хоть что-то получить – ты разочаровываешься и начинаешь принимать наркотики. Ты попробуешь их один или два раза и становишься зависимым. Мы называем их *mtege*¹⁶. Вы идете на автобусную остановку и видите их – зазывают пассажиров на автобус до Магомени, Кинондони, а автобус-то уже давно ушел...». Продолжая тему безработицы молодежи в неблагополучных районах, уличный торговец из Кинондони поясняет: «... потому что у него [у молодого безработного парня] скромные доходы. Совсем непросто взять займ в банке, потому что у него очень мало денег... Нет выхода, потому что низкие доходы. Даже если риски есть – выхода нет!». «Если ты пьешь пиво каждый день, они [люди вокруг] будут это

---

¹⁶ Суах., ед. ч. *Mtege/mteja* – этн. человек, обращающийся к знахарю для изгнания злых духов; клиент; потребитель (Громова, Мячина, Петренко 2012: 404).

обсуждать: откуда ты берешь деньги без работы?! [В *усуахилини*] они всегда обсуждают твою жизнь, следят за тобой. <...> Там нет нормальной работы, потому что работа не только в офисе, а там нет ничего! Продаешь фрукты, продаешь воду, после этого – спать и утром сплетни, такая там жизнь», - говорила жительница Гонго-ла-Мбото. Жительница Кигамбони так рассказала о том, откуда неработающие мужчины в *усуахилини* берут деньги на жизнь: «У них небольшие потребности, они могут поесть всего 2 раза в день, поскольку они не работают много, им не нужно много энергии. Они не думают об образовании и не видят необходимости сильно напрягаться. <...> Некоторые из них воры, женщины продают лепешки, некоторые из них едут в отдаленные районы, а потом перепродают овощи по более высокой цене. Они могут заработать 2000 шиллингов в день и на это жить, этого только на еду и хватает».

С описанной ситуацией также тесно связана проблема образования. Дело в том, что в Танзании наиболее доступным является именно начальное образование (англ. *primary school*), поскольку государственные начальные школы являются бесплатными, однако родители должны купить детям базовые учебные материалы: тетради, карандаши, учебники, при этом даже такие траты могут себе позволить далеко не все семьи. Если же говорить о семьях, живущих в деревнях и занимающихся сельским хозяйством, то часто родители не хотят отпускать детей в школу, поскольку так они теряют дополнительные рабочие руки, а ценность образования при таком образе жизни им представляется сомнительной. В то же время, согласно законодательству, каждый ребенок, достигший семилетнего возраста, должен пойти в школу, что, по озвученным выше причинам, происходит не всегда. Впрочем, в городах ситуация с образованием гораздо лучше, нежели в сельской местности, как минимум в виду наличия школ в «шаговой доступности». Некоторые респонденты, переехавшие в Дар-эс-Салам из деревень, вспоминали, как в детстве им приходилось идти по 10 км пешком, чтобы попасть в школу.

В Танзании обучение в начальной школе занимает 7 лет; как правило, ученики заканчивают ее в возрасте 13 лет, однако, если ребенок из-за каких-либо семейных

трудностей пошел в школу позже или его обучение прерывалось, то и закончить школу он может много позже. Средняя школа (англ. secondary school), является платной и разделяется на два уровня: «Ordinary level», «O-level» – 4 года, «Advanced level», «A-level» – еще 2 года. Только после завершения «A-level» учащимся выдают сертификат, позволяющий получать высшее образование. Однако, получение «продвинутого» уровня среднего образования стоит дороже, чем базовый уровень, а потому многие на нем и останавливаются. Если оплату среднего образования для ребенка многие горожане вполне могут себе позволить, то обучение в колледже или университете уже требует очень значительных финансовых затрат. Само собой, при отсутствии образования перспективы официального трудоустройства значительно снижаются. Сотрудница колледжа из Гонго-ла-Мбото прокомментировала ситуацию с образованием в стране следующим образом: «[В Танзании] Уровень образования очень низкий. Доходит до крайней ситуации, когда даже для образованных людей нет работы, но количество необразованных очень большое. Это во всей стране, потому что проблема – деньги. <...> Мне кажется сейчас примерно поровну образованных и необразованных, но, когда необразованные смотрят на образованных они не видят никакой разницы, не видят изменений, вот в чем проблема».

Помимо формального образования проблемой также является отсутствие общих представлений о гражданских правах, что усугубляет страх перед официальными учреждениями и их представителями. Более того, остро стоит вопрос финансовой грамотности, поскольку по сути люди слабо представляют себе, как обращаться с деньгами, как можно делать накопления, вкладывать средства во что-либо, как грамотно выстраивать собственный бизнес и т.д. Поэтому так популярна идея мчезо, где деньги собираются коллективно, поскольку самостоятельно собрать такую сумму при нестабильности заработка не представляется возможным. Более того, сама практика проходит в игровой форме, на языке суахили слово «мчезо» переводится как игра, а на английском языке респонденты всегда говорили «to play mchezо», т.е. играть в мчезо. В сообществах,

дающих своим членам займы под низкий процент, деньги выдаются исходя из той суммы, которую человек уже сдал. По сути с тем же успехом можно было бы собрать такие суммы самостоятельно, просто откладывая деньги, но большинство танзанийцев такой вариант не рассматривают, поскольку привыкли делать что-либо коллективно. Руководитель официальной группы народа чагга в 2013 году рассказал об отсутствии финансовой грамотности так: «Я бы сказал, что группы взаимопомощи являются признаком бедности. Когда вы думаете, что не можете сделать что-то самостоятельно. И вы знаете, что нет никого, кто мог бы сделать это за вас. Тогда вы находите способ сделать это. Так что для нас, мы обнаружили, что привносим это как команда, чем ... облегчаем ситуацию. Так что, это правда. Государство делает свою часть, но не так, как мы ожидали». Он утвердительно ответил на наш вопрос о том, действительно ли участие государства недостаточно. «Недостаточно. Еще одна большая проблема - гражданское образование. Люди не знают своих прав. Допустим я достаточно просвещен, но большинство людей – они в деревне! Если нет дождя, то они скажут: “наш президент не может вызвать дождь!”¹⁷. Если кто-то заболит и умрет, они скажут, что это божий промысел. Они не видят прямого влияния правительства на их жизни. Это проблема! У нас до сих пор есть эта проблема, надо сделать людей ... [Образованными] Да. Но правительство ответственно за это и должно быть более ответственным! Когда мы идем на выборы мы должны иметь возможность знать кого мы выбираем. Нам нужно чтоб наши лидеры были более подотчетны, надо продолжать на них давить, у них не должно быть такой свободы. Но идут реформы, и я думаю скоро все изменится!». Житель Кинондони подтвердил его слова: «Да, многие танзанийцы, они не понимают своих прав. Для многих из них образование – проблема! Многие из них необразованные, им все равно, просто пусть все идет как идет». Уличный торговец украшениями, без образования, придерживался такой же точки зрения: «Я думаю, это [группы взаимопомощи] обман, потому что деньги, которые ты

---

¹⁷ Отсылка к двум основным функциям традиционных вождей – вызывать дождь и охлаждать землю (см. напр. Håkansson 1998).

получаешь в итоге - это твои собственные деньги. Это как копить деньги, всегда так. Если ты даешь им 5 тысяч это означает, что в конце концов ты получишь ровно столько же, сколько отдал... может быть, вы платите 5 тысяч в неделю, можно получить деньги через 2 месяца, может быть вас 10 человек или 50 человек, это как соревнование, потому что вы не получаете деньги одновременно. Сначала – первый, потом – второй человек, третий, и так 50 человек! Так что ты получаешь столько же денег, сколько уже отдал [за все время]. Если ты сложишь 5 тысяч и 5 тысяч... ты получаешь свои же деньги, ровно столько же! Можно поступить по-другому: найти коробку и положить в нее те 5 тысяч - получится ровно столько же в день...». Молодой музыкант из Тандале также отрицательно высказался о группах взаимопомощи как способе накопления средств: «Я не говорю, что викоба – это плохо. Тем, у кого мало денег, для этого уровня – викоба помогает. Люди не умеют контролировать собственные деньги, так что это полезно, люди же даже не знают, как копить деньги! Это хорошо, точно. Но мне это не нужно, я знаю, как обращаться с деньгами. Я сам храню свои сбережения, сам коплю деньги, сам ввязываюсь в авантюры, потому что я бизнесмен и я люблю рисковать. Если я возьму займ в викобе, выпущу диск, а потом не пойдет... Со своими деньгами я могу делать что хочу».

Некоторые респонденты также говорили о ненадежности объединений, основанных на доверии. Согласно общему мнению, в группах мчезо чаще всего случаются кражи общей кассы, т.к. в них гораздо больше возможностей для осуществления этого из-за особенностей функционирования подобных групп. Жительница Мвананьямала высказала следующее мнение о группах мчезо: «Мчезо – это как лотерея. Иногда группа собирает деньги и отдает их по очереди без проблем по кругу, но иногда вы можете пригласить новых людей в группу, и собрать деньги у этих людей становится проблемой, некоторые даже могут сбежать с деньгами группы, это очень часто случается в мчезо. Так что мчезо – это как лотерея, нельзя на них слишком полагаться». Уличный торговец, бывший член мчезо, высказался по данному поводу следующим образом: «Когда ты приносишь деньги, ты не получаешь каких-либо документов, доказывающих, что ты держишь

деньги там. Это все основано на доверии, и для меня именно в этом сложность, потому что в мчезо можно однажды обнаружить, что те люди, которые хранили деньги, просто исчезли. Никакой возможности выследить этих людей нет, так что твои деньги просто пропали». На вопрос о том, что заставляет людей доверять подобным группам, последовал такой ответ: «Люди в отчаянии, особенно женщины. Ну, большинство из нас, мы не знаем, как сэкономить деньги, а также верим в займы, мы верим в займы больше, чем в то, что можно откладывать собственные деньги, скопить. Вот именно поэтому люди и доверяют».

3.10. Кооперация вне групп взаимопомощи: свадьбы и «народная полиция»

В Танзании существует традиция перед свадьбой распространять пригласительные открытки с предложением сдать определенную сумму для финансирования застолья. Так любой гость свадьбы вкладывается в организацию угощения, причем часто в таких открытках пишут разницу в размере взноса для одного гостя или же гостя с парой. Суммы различаются в зависимости от финансового положения вступающих в брак и их окружения, однако нам встречались примеры достаточно небольших «пожертвований» в 10-20 000 шиллингов¹⁸ в Макумбушо. Обычно стараются не завышать эту сумму, чтоб принять участие в торжестве смогли как можно больше желающих (Рис. 14).

---

¹⁸ Примерно 300-600 российских рублей.

Пригласительная открытка на свадьбу, район Макумбушо.

Девушка из Гонго-ла-Мбото так рассказала об этом: «Когда у вас свадьба, то у нас тоже есть такие группы [для помощи в организации], к тому же вы можете раздать открытки соседям и другим окружающим людям, чтобы они вложили деньги в вашу свадьбу, конечно они вложат, без проблем, все вместе!». Часто женщины собираются для помощи в организации свадеб: они помогают готовить, оформлять помещение для банкета, распространяют пригласительные открытки и т.д.» Мужчина из Мбагалы подтвердил ее слова: «В *усуахилини* есть женщины, которые сотрудничают по случаям... Например, в одной семье есть дочь, и она выходит замуж, поэтому ее родители пригласят соседей, попросят женщин: “пожалуйста, поддержите нас, мы собираемся сделать то и это, у нас будет девичник!”. Даже если у них нет группы, они начинают помогать в этом случае, когда свадьба закончилась – закончилось и сотрудничество».

Данная практика очень широко распространена, в том числе аналогичные пригласительные открытки часто раздаются для празднования дней рождений.

Еще один интересный момент с проявлением кооперации среди жителей *усуахилини* вне привычных групп взаимопомощи – организация народных патрулей, называемых *улинзи ширикиши*, (суах. «ulinzi shirikishi», «коллективная оборона»). Несколько соседей, мужчин, договариваются и по ночам патрулируют окрестности в отдельно взятой области или даже на отдельной улице района, расследуют мелкие преступления и помогают в разрешении конфликтов в сообществе. По словам наших респондентов, такая практика важна, поскольку полиция в беднейшие районы часто не приезжает ввиду крайне отрицательного мнения о местных жителях и криминогенной обстановке, а также из-за отсутствия дорог, по которым может проехать машина, а человек без машины, не будучи местным жителем, в *усуахилини* непременно заблудится без сопровождения. Кроме того, чаще всего на улицах подобных районов нет фонарей, потому с наступлением ночи там становится действительно темно, особенно в периоды блэкаутов (отключения электричества), что способствует возрастанию криминальной активности. Кроме того, часто сами жители не хотят обращаться к полиции, считая ее крайне коррумпированной и не достойной доверия, в отличие от соседей.

С 2006 г. правительством Танзании была введена новая стратегия охраны общественного порядка, в соответствии с которой граждан поощряли участвовать в *улинзи ширикиши*, однако обязали подобные формирования сотрудничать с официальной полицией и следовать букве закона. Подобный подход не был в новинку, поскольку широко известно о поддержке правительством формирований *sungusungu* (суах. «служба организованной охраны»¹⁹), занимавшихся самосудом с 1989 по 1992 (Cross 2016: 1102-1103, 1107). В своей работе Ш. Кросс указывает, что организация «гибридной» полиции считается эффективной в неформальных кварталах многих стран Африки, население которых привыкло к «теневым» социальным институтам. В то же время она пишет о том, что полевые исследования в городе Мванза в Танзании показали, что содержание *улинзи ширикиши* требует от

---

¹⁹ Громова, Мячина, Петренко 2012: 564

жителей финансовых затрат, что многие не могут себе позволить, а представители «народной полиции» могут воспользоваться властью для достижения личных целей и не всегда соблюдать закон (Там же).

В 2017 международным африканским центром по правам человека и политическим исследованиям (англ. Centre for Human Rights and Policy Studies, CHRIPS) была издана аналитическая справка о возможностях усилении *улинзи ширикиши* в Дар-эс-Саламе. В ней говорится о том, что подобные формирования начали активно действовать в ряде районов города с 2006 г. ввиду роста преступности, а также растущей неудовлетворенности работой полиции (Walwa 2017: 1). На момент 2000 г. в Дар-эс-Саламе кража со взломом являлась самым распространенным преступлением, около 43% жертв заявили, что их дома были ограблены за минувшие пять лет (Louw, Robertshaw, Mtani, 2000:13), также были распространены кражи, нападения и случаи угона транспортных средств. Жители бедных районов часто жаловались на то, что полицейских мало, они никогда не появляются вовремя, участок находится далеко и у полиции может даже не быть машины (Walwa 2017: 2).

В исследовании CHRIPS делается вывод о том, что присутствие *улинзи ширикиши* позволяет снизить угрозу безопасности и восполнить недоработки полиции. При этом данные формирования контролируются местной администрацией, у руководства *улинзи ширикиши* есть номера мобильных телефонов офицерских командных пунктов, относящихся к конкретному району и наоборот. Кроме того, было отмечено, что народная полиция помогает решить вопрос трудоустройства молодежи, поскольку за несение ночных патрулей сообщество платит им ежемесячные гонорары, собранные из добровольных взносов, что является достойной альтернативой прочим неформальным активностям, не всегда законным (Там же).

Приведем фрагмент интервью с респондентом из Мбагалы о криминогенной обстановке в районе: «Да, полиция есть, но грабежи... больше не считаются достойными внимания, потому что правительство не справилось и заключило с

гражданами договор, чтобы они взяли на себя ответственность [за контроль грабежей]. Потому что, если вы за это не заплатите, то они не смогут вас защитить, а так мы платим за общее благо. Так зачем я плачу налоги? Я плачу налог, так что теперь правительство – главный грабитель в моем районе. Что касается безопасности прямо у меня дома... Перед домом магазин, там три рамки (металлодетектора), есть сторож». На наш вопрос о том, является ли данный сторож государственным полномочным лицом последовал отрицательный ответ, охрана исключительно частная. Далее мы обсудили наиболее опасные районы города, в которые наш респондент включил Магомени, Бугуруни, Манзесе. Также мы обсудили *улинзи ширикиши*, на что наш информант ответил следующее: «Мы хотели начать, но... Я думаю тем, кто занимается воровством это не понравилось, а у наших сыновей и дочерей недостаточно денег, чтоб содержать дружину, но и уровень преступности у нас [в районе] низкий». В экспертном интервью преподаватель университета сообщил нам следующее: «У нас есть то, что вы называете социальной армией [англ. «Social military»]. Но она не так глубоко укоренилась – некоторые относятся со скептицизмом, некоторые пытаются помочь. Но люди не всегда заинтересованы [в организации улинзи ширикиши], 50/50». На уточняющий вопрос о том, характерно ли это только для бедных районов последовал следующий ответ: «Да — там есть насилие, воровство, поэтому они больше всего в ней нуждаются. Социальная армия!».

3.11. Трансформация практик взаимопомощи

В данном разделе мы рассмотрим трансформацию практик взаимопомощи, произошедшую в течении 12 лет, во время которых автором были проведены исследования. Мы покажем произошедшие в группах взаимопомощи трансформации на основе последовательно собранных полевых материалов, наблюдений, а также анализа сообщений СМИ. Мы остановимся на периодах с 2011 г. по 2015 г., с 2015 г. по 2018 г. и с 2018 г. по 2024 г. Здесь мы рассмотрим,

как поменялись функции групп взаимопомощи, отношение их членов к регистрации и связи с официальными учреждениями в целом, а также изменения, коснувшиеся самого процесса регистрации, попытки правительства интегрировать группы в формальную экономику и их результаты.

2011-2015: унификация функций

Характерной чертой городских практик взаимопомощи является их стремительная трансформация, что вполне объяснимо, т.к. они отражают перемены, происходящие в самом городе. Во-первых, если в 2011 г. респонденты рассказывали о различных типах групп с непересекающимися функциями, то к 2015 г. все чаще упоминалось, что функции разных видов групп становятся сходными: и куфа на кузикана, и мчезо, и упату дают своим членам займы под небольшой процент из общей кассы, как это делается в сообществах викоба; в любой из групп может существовать практика безвозмездных выплат своим членам страховки в случае чрезвычайных и финансово затратных ситуаций (смерть, болезнь, свадьба) из отдельного фонда, как в куфа на кузикана. Другими словами, с тех пор группы практически не отличаются выполняемыми функциями. Надо сказать, что самих танзанийцев не особенно волнует к какому виду практик взаимопомощи относится их группа, чаще всего они используют имена собственные (дружба, любовь, единство, соседи из определенного района и т.д.), более того, в языке суахили нет фиксированного термина для обозначения данного явления. Ключевое отличие групп состоит в уровне формализации и наличии связей с официальными структурами (банки, юристы, правительственные учреждения и др.). Житель района Мбагала рассказал нам следующее: «Упату имеет дело с коммерцией, с деньгами. Мы вкладываемся в фонд, а затем фонд будет генерировать доход. Для некоторых организаций это может быть первым приоритетом, главной целью, а для других это вторая цель, потому что главное – социальная защита [англ. «Social security»]. Это возможность получить поддержку, наладить отношения с соседями, чтобы получить взаимопомощь в случае любых неожиданностей, плохих, хороших, мы говорим о похоронах, свадьбах и т. д. Это

может быть мотивом, но затем, поскольку вы встретились и у вас есть некоторый капитал, вы были бы заинтересованы в развитии упату. Собирая деньги вместе, мы одалживаем их друг другу. <...> Я знаю, что среди всех этих [групп] есть те, кто фокусируется на экономических аспектах, но также есть те, кто фокусируется на социальных аспектах. Упату – это просто способ, мы скидываемся, мы собираем [деньги] вместе,»

2015-2018: усиление государственного контроля

После выборов 2015 г., в результате которых президентом стал Джон Помбе Магуфули, политическая ситуация в Танзании сильно изменилась: во многих сферах усилился государственный контроль, все больше людей стали выражать желание «играть на безопасной стороне» и регистрировать группы, в которых они состоят. Более того, судебное преследование за растрату или присвоение денег групп также ужесточилось, а потому многие танзанийцы стали выбирать уже зарегистрированные сообщества, занимающиеся микрокредитованием.

Респонденты подчеркивали следующие преимущества регистрации: официальное признание группы государством, что иногда позволяет получить грант от правительства; возможность открытия банковского счета группы, что легче, чем открытие индивидуального счета, а также надежнее, чем хранение денег «под матрасом»; получение кредита от банка на льготных условиях; в зарегистрированном сообществе документы, подписываемые его членами, имеют юридическую силу, так что в случае не выполнения кем-либо из сообщества обязательств по возврату денег, группа может обратиться в полицию или в суд; регистрация позволяет расширять масштабы собственной деятельности и обращаться в другие организации и официальные институты с предложениями о сотрудничестве, просьбами и т.д. Член группы куфа на кузикана так подтвердил данную ситуацию: «Мы можем получить заем в банке, потому что мы зарегистрированы». Преподаватель университета из Кигамбони согласилась с ним: «Быть юридически признанными лучше, чем не быть. Иногда поступают целевые средства с окружного уровня для женских и молодежных групп. Если вы

зарегистрированы, то можете легко получить транш». Женщина из Кинондони описала вопрос с регистрацией так: «Сейчас многие группы регистрируются, потому что, если они будут запрашивать займы или гранты у правительства, это будет проще сделать, потому что они признаны». «Если ты не зарегистрирован, ты рискуешь. Люди хотят играть на безопасной стороне! Если вы зарегистрированы, правительству будет легче вам помочь», – отметил другой респондент – житель Гонго-ла-Мбото.

С другой стороны, за подобной помощью от правительства многие видят давление и форму контроля; говорят, что политики делают взносы в группы как раз в период своих кампаний, потому что им гораздо проще использовать организованных в группы людей, чем если бы они были разрозненными. Некоторые подчеркивают, что для них важно, чтобы группа оставалась непризнанной, чтобы государство о ней не знало и не могло контролировать.

Так среди людей, вовлеченных в практики взаимопомощи, постепенно происходило расслоение: часть сообществ, в которых состоят люди хотя бы со средним достатком, вслед за призывами правительства проходили регистрацию и пользовались благами государственных гарантий и поддержки, но для более бедных групп ничего не менялось, происходила лишь дальнейшая консервация «традиционных» ценностей, не только ввиду бедности самих участников групп, но и коррумпированности чиновников и полицейских, о которой было сказано выше.

2018-2024: Легализация и цифровизация

16 ноября 2018 г. Национальное собрание Танзании выпустило «Акт о микрофинансировании 2018», уполномочивший Банк Танзании (Центробанк, регулятор) осуществлять лицензирование, регулирование и контроль всех микрофинансовых бизнесов континентальной части страны, включая викобу (Bank of Tanzania, 23.11.2018). В декабре 2018 г. банк выпустил официальное заявление о введении регулирования всех микрофинансовых институтов, что вызвало

серьезную обеспокоенность в обществе. 9 января 2019 г. представитель банка, Виктор Тариму, дал прессе комментарий о том, что «банк не преследует цели закрыть или приостановить деятельность микрофинансовых групп, таких как викоба, а напротив, целью принятия закона является защита всех заинтересованных сторон, вовлеченных в микрофинансовый бизнес, пользователей и поставщиков услуг, путем ведения записей, контроля операций и лидеров организаций. Поэтому все микрофинансовые группы должны регистрироваться в банке Танзании» (Daily news 09.01.2018).

Сразу же после выхода комментария представителя банка автором совместно с коллегой из Мемориальной академии Мвалиму Ньерере (Дар-эс-Салам, Танзания) Беатрис Мкунде было проведено небольшое пилотное исследование с целью выявления отношения танзанийцев к заявлению банка (Иванченко 2026). Стоит отметить, что оно проходило в благополучном районе города Кигамбони среди достаточно образованных людей. В итоге все 20 опрошенных, являющихся членами групп викоба, заявили, что поддерживают инициативу Банка Танзании и считают, что это принесет пользу гражданам страны. Они отметили, что люди могут выиграть от регистрации групп, поскольку формализация поможет улучшить финансовое управление сообществами и поддержка центробанка может быть очень существенной. Однако респонденты выразили обеспокоенность тем, что правительство стремится формализовать деятельность групп только ради контроля над денежными потоками и получения прибыли в виде налогов. В это же время, в марте 2019 г., большинство жителей *усуахилини* даже и не слышали о грядущих изменениях в законодательстве. Женщина средних лет, состоящая в викобе уже 5 лет, сообщила следующее: «Да, [это нужно сделать] с целью защиты акционеров [членов викобы], необходимо вести записи. Центральному банку нужно защитить членов от рисков, которые могут возникнуть. Например, некоторые крупные политики могут использовать викобу для отмывания денег. Но очень важно, чтобы лидеры викобы участвовали в разработке этих правил, чтобы они были максимально простыми и облегчали мобилизацию средств и займов. <...> Потому, что в группах викоба есть как образованные люди с официальным доходом, так и

те, кто неграмотен и не имеет постоянного дохода». «Да, люди получают преимущества, если правительство формализует группы не только с целью получения дохода. Формализация поможет улучшить управление финансами на благо членов сообщества. Но правила должны быть составлены таким образом, чтобы упростить процедуру получения займа», – вторит ей девушка с высшим образованием.

Летом того же года автором было проведено более глубокое исследование в основном в бедных кварталах, в ходе которого была получена несколько другая картина. Некоторые респонденты соглашались с тем, что поддержка такого серьезного органа как банк Танзании будет полезна для групп, сам регулятор они назвали надежной государственной структурой, которая всем хорошо известна, а потому заслуживает доверия. Даже те, кто состоит в незарегистрированных сообществах, сообщили, что хотели бы зарегистрироваться в центробанке. В то же время остальные опрошенные не хотели, чтобы правительство так или иначе лезло в их дела, пыталось контролировать финансы и, тем более, взимало какие-либо сборы. Многие информанты также выражали обеспокоенность бюрократической стороной вопроса: в случае, если процедура регистрации групп в Банке Танзании окажется сложной, дорогостоящей и непонятной, большое количество людей (особенно необразованных) не смогут воспользоваться этой возможностью. Тем не менее те же респонденты выразили уверенность, что группы, образованные танзанийцами с низким уровнем дохода, просто продолжают свое существование, как раньше. Регистрация в Банке Танзании хороша как идея, однако едва ли факт регистрации групп будет контролироваться и отслеживаться. «Я думаю все зависит от ситуации... Но люди могут оказаться в большей безопасности, потому что в викобах воровство. Да, эти нечестные люди либо подделывают документы, либо делают что-то, что незаконно, и им это сходит с рук, понимаешь? Они [эти люди] исчезнут! Да, поэтому я думаю, что, если правительство примет меры, это может привести к изменениям», – рассказал студент хайя, состоящий в сообществе мчезо. «Да это хорошо [регистрация в Центробанке]. Потому что иногда можно найти человека, который планирует что-то серьезное, но у него недостаточно денег. И

вот, когда он идет в банк, они могут просто дать ему эти деньги, а он потом просто вернет займ. Если банк дает кредит, значит, нужно зарегистрироваться, если у тебя нет регистрации, то они тебя не знают! Итак, я думаю, что инициатива о регистрации от нашего правительства очень хорошая», – продолжает эту мысль бывший учитель викобы, сукума.

Приведем также несколько негативных высказываний. «Это несправедливо, это же Банк Танзании, у их есть все деньги! Вы — Банк Танзании, у вас есть столько денег, сколько вы хотите! Как вы, ребята, приходите и... Потому что, если вы хотите, чтобы мы зарегистрировались, это значит, что вы хотите часть наших денег», – говорит молодой дизайнер, члены семьи которого состоят в викобе. Одна образованная респондентка нгони подчеркивает, что регистрация в Центробанке для многих непонятна: «Многие люди слабы [в финансовом плане], большинство людей в викобе недостаточно образованы. Очень мало [образованных]. <...> Мало кто может себе позволить счет в банке, потому что надо платить налоги, надо быть немного как банковский специалист! Такие люди были бы просто талантом для викобы!» «Ты знаешь, людям нужно что-то очень простое. Если процедура [регистрации] будет сложной, то, конечно, люди найдут другой путь, другой способ. Если у них есть друзья, то они просто продолжат делать, что и раньше», – делится сомнениями хозяин автомастерской, чагга.

Вскоре после объявления Банка Танзании в сфере микрофинансовых услуг произошло еще одно значимое событие. В марте 2019 г. мобильный оператор Vodacom и банк TPB представили пользователям платформу М-Коба, позволяющую викобам хранить деньги в электронном кошельке и получать официальную регистрацию с помощью мобильного сервиса (Vodacom: M-koba service). По словам представителей сервиса, М-коба, являющаяся инновационной и абсолютно прозрачной платформой, «позволит увеличить число официально зарегистрированных групп по крайней мере на треть и, что более важно, позволит охватить женщин из деревень, а это самая большая часть контингента подобных групп» (Ippmedia: Vodacom and TPB-bank introduce M-koba to savings groups). Однако, на удивление, несмотря на яркую презентацию и ажиотаж в СМИ, данная

идея не вызвала энтузиазма. «Слушай, это просто смешно! Каким образом мобильный оператор может контролировать финансовые операции в конкретной стране? Я думаю, они в курсе, что большинство женщин в викобе, они неграмотны, поэтому пытаются... Они [Vodacom] пытаются их эксплуатировать. <...> Они, конечно, облегчают жизнь, потому что наша банковская система до этого не дошла, но, если говорить честно и логически, так быть не должно! Потому что это всего лишь мобильная компания! Почему вы имеете дело с нашими деньгами? Зачем вы лезете в нашу викобу? Какое отношение женщины со своими деньгами имеют к вашей мобильной компании? Просто они [Vodacom] слишком предприимчивы и меркантильны. <...> Но логически это совершенно несправедливо! Потому что, даже просто делая то, что они делают, они разрушают природу взаимного доверия. Мы должны доверять мобильной компании, а не доверять друг другу! Потому что викоба, это не только решение финансовых и социальных проблем, там люди общаются. Теперь у нас есть мобильный оператор, который считает, что нам всем следует оставаться дома и сидеть в телефонах, какое же тут общение?» – поясняет образованный молодой человек, хехе. «Знаешь, вот эта штука, М-коба, они предлагают что-то новое. Но, чтоб люди начали этим пользоваться – очень сложно, очень сложно. Они этому не доверяют», – отмечает бывший учитель викобы Другая респондентка отметила следующее: «Я видела рекламу, но я не знаю о процедуре, как это работает. Может это что-то хорошее, но большинство людей, они не знают в подробностях, что значит М-коба, разве что кто-то придет и объяснит... Мне кажется Vodacom особо не тратили время на то, чтоб объяснить людям, какие это дает возможности. Все говорят: “О, я слышал по телевизору, читал в смс, видел билборд”, но... Бухгалтер-чагга, раньше состоявшая в викобе высказалась о популярности сервиса следующим образом: «Ой, знаешь, реклама строится на том, чтобы люди могли понять и начать использовать сервис. <...> Следует объяснить преимущества и объяснить все, связанное с использованием [платформы]. Я думаю, что о предложении Vodacom особо не знают на улицах». На вопрос о том, более ли популярен центральный банк Танзании, она ответила следующее: «Да, потому что большинство людей верят в банки».

По сути, многие жители Дара даже не слышали о сервисе М-коба, а те, кто слышал, совершенно не поняли, что же им предлагают. В отличие от Банка Танзании, мобильный оператор и банк ТРВ не воспринимались танзанийцам как что-то надежное и достойное доверия. По мнению респондентов, людям и для взаимодействия с банками не хватает образования, а мобильный сервис – это что-то совершенно новое и незнакомое. Они также говорили, что в случае организации специального обучения такая услуга в принципе могла бы стать популярной. Парадоксально то, что танзанийцы уже не один десяток лет пользуются сервисом М-pesa — системой перевода денег через мобильный телефон с помощью команд в смс, т.е. это не мобильное приложение, сервис работает с кнопочного телефона, поскольку у многих танзанийцев смартфона просто нет. Данную услугу предоставляют абсолютно все операторы мобильной связи в стране. Более того, почти на каждой улице есть киоск, где можно обналичить деньги М-pesa, процедура проходит практически моментально и никаких сложностей не вызывает. Такая система платежей используется вместо привычных нам в России банковских переводов, с которыми танзанийцы, которые в принципе редко пользуются банковскими картами, до сих пор не знакомы. Система М-pesa очень популярна и широко используется даже престарелыми женщинами в бедных кварталах. Казалось бы, М-коба должна стать следующим шагом, однако этого не произошло. Помимо того, что очень многим непонятен сам сервис, респонденты говорили о том, что далеко не у всех есть Vodacom, поскольку самый дешевый и популярный оператор – Tigo, а услуги по смене провайдера с сохранением номера телефона в Танзании также пока что нет. Кроме того, хотя М-коба строится на базе М-pesa и также работает с помощью команд в смс, платформа ощутимо удобнее в приложении на смартфоне, которые, как уже говорилось, есть далеко не у всех. В период с 2019 по 2023 автору встретились всего три женщины, викоба которых пользуется сервисом М-коба.

Образованная женщина, являющаяся председателем двух групп викоба сказала, что они стали использовать М-коба сразу же после появления сервиса, также подробно рассказав нам о механизме работы и удобстве данной платформы:

«Можно видеть каждую проделанную операцию, каждый шаг в М-коба. Таким образом, это прозрачно, и никто не крадет деньги из дома. М-коба – визуальный аккаунт, можно пойти и увидеть всю имеющуюся сумму [на групповом счете]. <...> Да, это удобно. Можно видеть каждый шаг всех участников. Есть два случая, когда некоторые люди не получают сообщений, но, по крайней мере, лидеры получают их все и всегда. Никто не скажет, что у нас была такая сумма, почему ее нет? Потому что у каждого есть доступ к своим счетам, и двое лидеров видят, кто и что вложил, все операции видны. <...> Также сервис ведет некоторые записи о том, как работает викоба, так что у вас совсем немного бумажной работы». Преподаватель из Академии им. Мвалиму Ньерере, которая является казначеем викобы уже много лет, согласилась с этим: «М-коба – мобильный сервис, в котором нет платежей за транзакции. Да, он не особо популярен, но лично я им пользуюсь в своей группе. У них нет комиссии за транзакции, это намного лучше! Но сегодня сама процедура транзакции М-коба не очень проста. Поэтому людям в сельской местности нелегко начать отправлять деньги [через сервис]. Но это очень безопасный способ хранения денег».

Впоследствии другие банки и мобильные операторы предложили аналогичные сервисы (напр., Kibaba²⁰, Timiza vicoba Airtel²¹, ewallet²², Nia moja²³), в интернете можно найти множество вариантов. Тем не менее, даже сейчас очень многие члены викоб говорят, что никогда не слышали о таких сервисах и им подобные предложения не интересны. Более того, все опрошенные согласились с тем, что имеющиеся альтернативные цифровые сервисы никогда не вытеснят классическую викобу, которая является известной и проверенной практикой. Тем не менее, по сообщениям СМИ в январе 2022 платформу Nia moja (суах. «одно намеренье») от банка CRDB использовали 10 000 групп викоба (IPP Media 24.01.2022). Возможно, речь о более молодых людях, для которых мобильные

---

²⁰ <https://eventornado.com/submission/tanzania?s=1#ideas> Accessed 22.05.2025

²¹ <https://www.thecitizen.co.tz/tanzania/news/national/airtel-timiza-vikoba-becomes-best-solution-to-groups-2609968> Accessed 22.05.2025

²² <https://www.ewallet.co.tz/saccoss-and-vikoba-management-system/> Accessed 22.05.2025

²³ <https://crdbbank.co.tz/en/for-business/al-barakah-banking/al-barakah-nia-moja-account-vicoba> Accessed 22.05.2025

приложения привычнее, хотя в целом, что неоднократно подтверждали наши респонденты, все группы взаимопомощи популярны в основном среди людей среднего и старшего возраста (для продвижения бизнеса, оплаты школьных сборов и квартплаты, обеспечения домашнего быта), у молодежи другие интересы. В статье о Nia moja приводятся слова женщины, дизайнера одежды, использующей данный сервис. Она сообщила, что хранить деньги в электронном виде в банке надежнее, чем в свинье-копилке дома, более того в банке можно получать проценты за накопительный счет. До появления приложения Nia moja все операции по движению средств в группе фиксировались вручную, что порождало множество ошибок, а теперь все это делает приложение, а сотрудники банка периодически дают ценные советы по управлению финансами.

К 2022 закон о регулировании микрофинансовых организаций наконец вступил в силу, что тоже потребовало времени, особенно ввиду пандемии, под его действие из всех групп взаимопомощи попали только викобы, регистрация для них бесплатна, процесс ее получения не сложен, требуется письмо от местной администрации на уровне района и конституция группы, а взносы – только за содержание счета в банке. В октябре 2022 автором было проведено исследование в одном из беднейших и наименее благоустроенных кварталов Дар-эс-Салама, Манзесе, где женщины, состоящие в разных викобах, сообщили, что зарегистрировались в Банке Танзании и всем довольны. Девушка квере из Манзесе прокомментировала этот момент так: «Если вы зарегистрированы, то вы признаны правительством. Может быть, что-то случилось, тебе нужно взять деньги, ты берешь деньги. Тебе нужно вернуть деньги, и правительство, они знают, где тебя найти. Потому что, когда ты зарегистрирован, у них есть вся информация. Но это обеспечивает безопасность!».

На наш взгляд, на сегодняшний день можно говорить о том, что именно викоба наиболее популярна среди всех групп взаимопомощи, по крайней мере, она наиболее на слуху после заявлений банка, разнообразных комментариев экспертов и ажиотажа в СМИ. Тем не менее, большинство респондентов по-прежнему уверены в том, что викоба не вытеснит все остальные группы (куфа на кузикана,

мчезо / упату), главным образом потому, что у них разные цели, кроме того, считается, что викоба – для женщин. Женщина из викобы в районе Кигамбони отметила следующее: «Хотя викоба очень популярна, она вряд ли заменит другие группы, поскольку викоба похожа на общественный банк, структурирована более формально, но цели во многом отличаются. Другие группы менее формальны и легко мобилизуют средства среди близких друзей, однако, там больше рисков, поскольку официальной регистрации, в отличие от викобы, там нет». Уличный торговец луо рассказал о будущем групп взаимопомощи так: «Другие группы, они все равно будут продолжать существовать. Поверь мне! Потому что викоба, викоба... Она ориентирована только на работающих людей. Большинство из них — это люди, у которых есть постоянная работа, зарплата, есть определенный источник дохода, постоянный источник дохода. А вот по упату — это для всех! Для кого угодно. Вы можете собрать 1000 или 2000 шиллингов, определенную сумму, как люди договорились. Например, 2000 каждый день. Вот так оно и есть. Итак, я думаю, что викоба будет существовать, но и упату тоже».

В сложившейся ситуации возникает другой интересный вопрос: поскольку очень многие викобы зарегистрировались, их деятельность отныне официальна и регулируется по закону, будут ли группы по-прежнему подбирать участников из числа друзей и знакомых, изучать их биографию (сведения о достатке, семье, работе), просить кого-то из действительных членов поручиться за них. Или же при полной формализации вопрос финансов станет важнее, нежели близкое знакомство? На данный момент по результатам наших исследований можно говорить о том, что почти все бывшие и нынешние члены групп взаимопомощи сказали о том, что доверие – фундаментальный принцип формирования таких групп, невозможно иметь дело с людьми, которых ты не знаешь и никакая регистрация этого не заменит (Иванченко 2017 Б). С возможностью перехода механизма формирования групп от принципов доверия к официальным документам согласилось всего 5 человек, причем почти все они не состояли в сообществах взаимопомощи на момент интервью. «Викоба – это как семья: мама, папа. Это наше сообщество. Например, ты – мой гарант безопасности, он – мой

гарант безопасности, понимаешь?» – сообщила девушка квере из Манзесе. Женщина чагга, бывшая участница викобы, согласилась с данным утверждением: «Я думаю, что это правило «номер один», потому что ты знаешь этого человека, где он или она работает, где он живет, кто эти люди на случай, если что-то случилось, чтобы пойти что-то делать [совместное] с ней или с ним. Итак, я думаю, знать кого-то в группе – это очень продуктивно, очень продуктивно. Конечно, с незнакомцем дружить нельзя без чего-то общего».

Именно по той причине, что доверие в группах взаимопомощи ценится превыше всего, большинство членов групп не считают возможным обратиться в полицию в случае возникновения проблем несмотря на то, что с 2015 г. ситуация с полицией значительно улучшилась, теперь весь процесс расследования не строится на даче взяток (опять же, по словам наших респондентов). Считается, что в случае невозврата займа, будет устроено общее обсуждение внутри группы и, либо неплательщику дадут отсрочку, либо повлияют на него с помощью авторитета уважаемых членов сообщества (в крайнем случае – с привлечением местного правительства на уровне района).

Несмотря на то, что мы встретили множество групп, зарегистрировавшихся в банке Танзании или, в редком случае, через цифровые сервисы, большое количество сообществ так и остается неформальными, в том числе группы образованных и состоятельных людей. Преподаватель университета в экспертном интервью рассказал следующее: «Да, это деньги вне формальной системы [незарегистрированные группы взаимопомощи]. Большинство людей вокруг готовы зарегистрироваться и думают, что им это выгодно! Они думают, что могут что-то получить от Центрального банка или от банков. Потому что то, что мы [викоба респондента] делаем – саморегулируемые схемы взаимопомощи, которые постоянно поддерживают нас, у нас нет бюрократии. <...> В Mkozi [Mkozi – имя собственное викобы респондента, по народному названию улицы] мы обсудили это [регистрацию в Центробанке] и люди сказали «нет», мы не рады, что правительство забирает наши деньги, потому что мы должны хранить свои деньги там [в банке], и мы должны платить налоги и все такое, у нас между собой нет

налогов! И так, мы обсудили все и решили, что продолжим хранить свои деньги у себя и не будем связываться с госрегистрацией». «Большинство людей не пойдут на это [регистрацию в Банке Танзании] из-за прямого контроля со стороны правительства и того факта, что с них будут взиматься определенные сборы. Таким образом, некоторые люди будут поддерживать неформальное функционирование групп викоба. Группа из десяти-пятнадцати человек вполне может функционировать неформально. Они собирают деньги, дают займы друг другу, но ни банки, ни Центробанк... Люди или группы предпочитают функционировать неформально, чем формально», – сообщила в экспертном интервью преподавательница Академии им. Мвалиму Ньерере.

Интересно то, что дабы подчеркнуть нежелание танзанийцев платить лишние взносы и подчиняться властям, наши эксперты привели следующий пример. В 2021 году были повышены тарифы на использование M-pesa, мобильный перевод денег, о котором уже неоднократно говорилось. После этого многие с негодованием отказались от использования этой системы, вернувшись к старой практике передачи денег через водителей автобусов или найму мототакси, чтоб отвезти деньги самостоятельно. «В прошлом году произошло массовое увеличение комиссий за денежные транзакции. После этого большинство людей решило воздержаться от отправки или получения денег с помощью мобильных телефонов. Даже небольшие магазины M-pesa закрылись, потому что люди туда больше не ходят, ведь комиссии за транзакции стали слишком высокими. Это действительно стало дорого, хотя многие люди знают, что это несправедливо. Некоторые считают, что лучше отвезти деньги кому-нибудь на транспорте, чем отправлять через телефон», – рассказала преподавательница Академии им. Мвалиму Ньерере.

3.12. Переход в цифровое поле: группы взаимопомощи сегодня

Тому, что именно и исключительно викоба заинтересовала правительство, а позже и прочие официальные учреждения, есть ряд объяснений. Во-первых, викоба

изначально была аффилирована с правящей партией, а потому наиболее известна и заметна; только викоба, в отличие от мчезо, упату и куфа на кузикана, создавалась как образование, аккумулирующее капитал, у остальных групп далеко не всегда есть серьезные накопления; викоба попадает сразу под два важных направления программы экономического развития: поддержка малого и среднего предпринимательства, а также women empowerment, то есть «расширение прав и возможностей женщин». Как уже было отмечено, ячейки викоба иногда получали гранты от правительства, со временем ими заинтересовались и различные НПО, благотворительные организации. В интернете есть ряд сообщений о том, как та или иная организация (включая таких крупных игроков как WWF и UNESCO) оказала поддержку викобам, много историй успеха отдельных женщин (см. напр. WWF 19.07.2021; UNESCO 07.03.2022).

Важно понимать, что появление множества новых цифровых сервисов по микрокредитованию совершенно не вытесняет викобу, но наоборот в нее интегрируется. Само слово «викоба» используется в описании большинства таких услуг и приложений. Сейчас даже появились мошенники, использующие это название и предлагающие займы под грабительский процент, в том числе в социальных сетях и мессенджерах. В какой-то момент правительство выпустило официальное предупреждение о мошенниках, использующих название «викоба» или имена известных людей, якобы пользовавшихся их услугами, для привлечения клиентов (IPP Media 10.01.2022).

На данный момент в Танзании достаточно сложно найти человека, который бы никогда не слышал о викобе, кроме того, именно викоба попала и не выходит из информационного поля интернета. Викоба давно воспринимается как старая, знакомая и зарекомендовавшая себя практика даже теми, кто никогда в ней не состоял. Негативное отношение к викобе существует у людей, переживших в прошлом негативный опыт с кражей кассы, что сейчас случается редко, или проблемой с возвратом займа. Кроме того, к 2023 стало гораздо заметнее гендерное разделение в отношении: в то время как почти все женщины относятся к викобе как к очень полезной практике, появляется все больше негативных откликов от

мужчин, не одобряющих такое времяпрепровождение для своих жен. Преподаватель Университета Дар-эс-Салама в интервью рассказал о том, что многие женщины безответственно берут займы в викобе, которые тратят на красивую одежду и косметику, не заботясь о возможностях возврата. Более того, достаточно часто женщины могут потратить деньги мужа на викобу, а не на семью, лишь потом сообщив, что влезли в долги. Помимо финансовой стороны вопроса проблема состоит в том, что зачастую женщины используют викобу как оправдание для того, чтобы не выполнять свои обязанности по дому, т.е. не приготовить ужин, не постирать и не погладить мужу одежду и т.д. Кроме того, добавил наш собеседник, викоба используется как прикрытие для адюльтера. Ни одного конкретного случая он привести не смог, но сказал, что это очень правдивые истории, которые постоянно обсуждают коллеги.

Процесс перехода викобы в цифровое и правовое поле, в отличие от всех остальных групп, продолжается, хотя и не всегда идет гладко. При этом, как уже было сказано, по мнению наших информантов, викоба не вытеснит остальные практики взаимопомощи, поскольку у них разные функции. Некоторые говорили, что мчезо популярнее и старше викобы. Мчезо воспринимается как игровая практика для небольших единовременных накоплений, без лишних требований, документов и сложностей. Правительство не интересуется этими низовыми группами без серьезных капиталов, а люди без планов на запуск бизнеса или крупные займы, все также не идут в банк, как и раньше. При этом едва ли можно говорить о том, что такие практики исчезнут, поскольку многие, даже обеспеченные и образованные люди, по-прежнему не хотят иметь дела с официальными инстанциями и уплатой комиссий.

Как уже было сказано, важно то, что даже при происходящей формализации групп, вопрос взаимного доверия остается крайне значимым: по словам респондентов, наличие регистрации, официального членства и юридической ответственности, не отменяет необходимость наличия доверия между членами группы; шанс того, что подписание документов вытеснит необходимость личного знакомства, ничтожно мал. Это связано с тем, что помимо экономической

поддержки, такие группы имеют глубокое социальное значение, в том числе рассматриваются как шанс ближе узнать соседей / коллег и создать устойчивое сообщество на новом месте жительства / работы.

Таким образом, несмотря на то, что стремительная трансформация всегда была и остается отличительной чертой групп взаимопомощи, некоторые изменения в Танзании все-таки происходят постепенно. Процесс расслоения между группами продолжается, возможно со временем викоба полностью перейдет в эпоху современных технологий и легализации, в то время как группы мчезо / упату икуфа на кузикана останутся на прежних позициях.

3.13. Взаимопомощь и стремление к кооперации у танзанийцев: истоки групп взаимопомощи

Как уже было сказано, одной из ключевых характеристик групп взаимопомощи является их неформальность: способность людей к самоорганизации, доверию без легальных обязательств и улаживанию конфликтов «между собой», без участия официальных инстанций. Все эти характеристики не случайны, поскольку были перенесены из сельской среды на неблагоприятную для этого городскую почву. Для деревенских жителей характерна некоторая сельская ментальность, предполагающая привычку полагаться на большесемейную общину и решать проблемы совместными усилиями. Многие респонденты говорили нам о том, что в сельской среде такое положение вещей естественно. Преподавательница университета поведала следующее: «В деревне все по-другому. В деревне люди помогают друг другу, потому что это их обязанность. Например, если человек умер, кто-то принесет дрова, другой – связку бананов, другие принесут молоко, а кто-то ничего не принесет, но предложит помощь – например, уборку. Это как обязанность. Но в городе – никто не обязан помогать. ... Поэтому в городе, если люди хотят получить помощь, они должны объединяться в группы, потому что никто никому не обязан. В деревне ты живешь с родственниками ... дяди, тети, все,

кто вокруг, – твои родственники, и они обязаны тебе помогать». «[Когда люди приезжают в город], они стараются жить, как в деревне», – сообщил житель Гонгола-Мбото. Другой преподаватель университета высказался так: «Мы стараемся жить городской жизнью, но с сельским мышлением. Мы воссоздаем здесь деревенские установки, потому что в деревнях у нас был такой характер связей. Поэтому, когда оказываешься в городе... мы живем городской жизнью с тем же деревенским социальным мышлением. Мы изменили только место жительства – но наш разум все равно сельский». Жительница Кигамбони согласилась с предыдущими высказавшимися: «Группа – это люди из твоего района, потому что с социальной точки зрения, если у тебя проблема, соседи – это те, кто придут на помощь в первую очередь. Так что в первую очередь – группы, в которых состоят соседи, во вторую очередь – группы, состоящие из коллег, потому что коллеги знают тебя». «Идея была в том, чтобы объединить усилия. Такое происходит, когда ты переезжаешь в город из деревни, где у тебя много родственников. Когда ты приезжаешь в город, то понимаешь, что здесь у тебя недостаточно родственников, которые могут помочь с расходами в случае, если что-то плохое случится. Например, если ты хочешь перевезти труп умершего родственника в деревню. С одной стороны, у тебя [в городе] немного родственников, с другой – там много людей, приехавших из того же региона, что и ты, или из того же народа, и у них есть такие группы. Поэтому для того, чтобы все было в порядке, ты решаешь объединиться с этими людьми», – сообщил респондент из группы хайя.

Сами танзанийцы называют стремление к взаимодействию с другими людьми чертой своего менталитета. Однако, традиции общежития, «коммунализма», по выражению одного из респондентов, имеют как положительные, так и отрицательные стороны (Banschikova, Ivanchenko 2018; Иванченко, Банщикова 2018). С одной стороны, всегда можно рассчитывать на поддержку друзей и соседей, вместе можно достичь больших успехов в экономическом плане, а также создать себе комфортную среду проживания, но с другой – человек полностью зависит от репутации, все его поступки всегда отслеживаются и оцениваются сообществом. Преподаватель университета в экспертном интервью пояснил

данную ситуацию так: «Люди до сих пор думают, что они должны поддерживать некоторый общественный образ жизни, они не хотят личного образа жизни. Мы все равно хотим жить совместно ... В Африке мы все спим под общим одеялом, не получится говорить об «индивидуальном одеяле». Когда ты получаешь работу – это не твоя работа, а работа для всей семьи. Когда ты выходишь замуж – ты выходишь замуж не за мужа, а за всю семью. Каждый считает, что ты за него отвечаешь, раз ты теперь в браке с этой семьей. Это – общинный образ мышления. История [групп взаимопомощи] берет свое начало в африканской общественной жизни, в которой ... наши деды знали, что все они нужны друг другу, что никто не самодостаточен настолько, чтобы гарантировать выживание». Интересно что высказанное мнение подтвердил уличный торговец, луо, без образования: «Мы больше социальные люди, мы живем во взаимных социальных связях, мы в большой степени склонны всем делиться, ... вот почему так просто найти друга в Танзании! Не в Кении или где-то еще. Никто не считает это проблемой, ты можешь прийти в любой дом и попросить стакан воды – и без всякой необходимости в приглашениях ты его получишь. Ты можешь быть голоден, постучаться в дверь, люди посмотрят на тебя – и ты начнешь: “Я не ел два дня!” А они: “Мама! Дай этому парню тарелку угали [национальное блюдо на основе кукурузной муки] или чего-нибудь еще”. Мы – такие!». Член мчезо из Гонго-ла-Мбото высказался о жизни в *усуахилини* следующим образом: «Одно про танзанийцев точно можно сказать: они обожают сплетни и слухи, и следить за жизнью друг друга».

Некоторые респонденты прямо отмечали, что доверие основывается на знании, где человек живет, где его искать, где он работает, а самое лучшее – знать его семью. Обратной стороной системы, построенной не на юридических основаниях, а на доверии, является применение не юридических санкций в случае подрыва доверия и практики «семейных заложников»: «В большинстве танзанийских семей – семье придется принять бремя позора за вину одного из членов, это нормально, я видел это много раз. Особенно матери, они первые несут эту ношу. ... Это связано с честью и бесчестьем семьи. Семья также может постараться не общаться с тобой больше, отделиться от тебя. Ты разрушил

уважение к семье в глазах окружающих. ... Иногда семья берет вину на себя и платит за ошибки членов, чтобы сохранить хотя бы остатки уважения», - поделился бывший член мчезо. Секретарь викобы рассказала о том, как в группах относятся ко лжи со стороны участников: «Никакого официального наказания не будет, но люди будут против тебя, и они будут осуждать тебя за ложь».

В некоторых случаях все члены семьи должны стать гарантами участия в группе одного человека. «Уважение в обществе – это очень важно. В то время как у вас уже либерализм и капитализм, у нас здесь все еще типичный коммунизм, коллективизм. Это вопрос общественной удовлетворенности, это образ жизни, к которому мы привыкли, такой коллективистский образ жизни. И нет никакой жизни за пределами социальных групп. Вот почему, когда мы переезжаем из наших деревень сюда, мы пытаемся жить городской жизнью, сохраняя сельское мышление. То, что мы здесь устраиваем, – это все деревенские установки. Так мы сменили место жительства, но сознание осталось деревенским», – обобщает танзаниец.

Некоторые респонденты также связывали стремление танзанийцев к кооперации с наследием первого президента, Джулиуса Мвалиму Ньерере, и его концепцией «уджамаа», основывавшейся на определенном понимании африканских традиций, в том числе утверждении о присущем африканцам чувстве коллективизма, стремлении к равенству, жизни в общине и взаимопомощи как основе этой жизни (Nyerere 1968: 3). Глава официальной организации чагга поведал следующее: «Прежде всего, идея [взаимопомощи] в нашей стране появилась, когда мы обрели независимость, идеями Ньерере были самодостаточность, социализм. Уджамаа – это о коллективных действиях, совместном владении вещами. Поэтому мы верим в совместную деятельность. Когда вы делаете что-то вместе, это намного лучше, чем делать что-то в одиночку. Поэтому, когда становится трудно, вы думаете: “Если мы сделаем это коллективно, то это облегчит ситуацию”. В какой-то момент мы возвращаемся к уджамаа, вот почему идея делиться и действовать сообща здесь так популярна <...> Я прочитал книгу, написанную Ньерере, где он сказал, что идея уджамаа пришла к нему потому, что это типично для африканской

культуры. Потому что мы все мыслим коллективно, а на западе люди мыслят индивидуально!».

Важно отметить, что по словам самих респондентов, традиционные для танзанийского общества установки, такие как стремление помогать друг другу, выстраивать добрососедские отношения, коллективная ответственность членов семьи перед обществом, вступают в некоторые противоречия с западными ценностями, активно транслирующимися в городской среде через СМИ, интернет и т.д. Некоторые, чаще всего – люди старшего возраста, видят в этом угрозу сохранению добрых и мирных взаимоотношений в гетерогенном сообществе жителей Дар-эс-Салама и Танзании в целом, в то время как другие уверены в том, что традиционные ценности настолько глубоко укоренились в сознании людей, что вытеснить их невозможно. «Теперь рынок пришел на африканский континент в заведомо невыгодных условиях. Пришел как колониализм, пришел, чтобы эксплуатировать людей. И теперь люди стараются убежать от рынка и вернуться к сообществу как к спасителю, к деревенской жизни. <...> Так, мы не заинтересованы больше в рынке, но мы заинтересованы в сообществе. Так, мы считаем, что рынок – наш враг, а лучший друг – это сообщество», – продолжает респондент

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что в данной работе была рассмотрена история основания и изменений Дар-эс-Салама, крупнейшего культурного, экономического и политического центра Танзании, в частности истоки формирования и дальнейшего развития неформальных поселений, *усуахилини*, до сих пор вмещающих большую часть населения города. В подробностях были рассмотрены особенности взаимоотношений, формирующихся между жителями *усуахилини*, стратегии выживания и сферы, в которых особенно важна взаимопомощь. Появление групп взаимопомощи, разница в их функциях, особенности работы, регламентация групп и отношений между участниками, возможности привлечения к ответственности в случае неуплаты взноса, просрочки уплаты или, в худшем случае, кражи общественного фонда. Рассмотрели неформальные и формальные основы доверия в группах, механизмы решения конфликтных ситуаций, а также механизм набора членов.

Результаты нашего исследования, проведенного среди беднейших групп населения Дар-эс-Салама, полностью согласуются с общеэволюционной гипотезой об универсальности феномена кооперации и взаимопомощи для человеческих социумов и спонтанности формирования такого рода неформальных структур, основанных на доверии и поддержке снизу. Идея групп взаимопомощи берет начало в сельском образе жизни: привычка полагаться на родственников и решать проблемы сообща воспроизводится жителями *усуахилини*, но переносится на соседей и коллег.

Нами установлено, что группы взаимопомощи особенно распространены среди женщин, которые до недавнего времени не были вовлечены в трудовые отношения, не имели возможности повысить свой социальный статус иным способом кроме замужества и чувствовали себя «оставленными позади» (англ. «left behind»).

Правительство Танзании продолжает предпринимать попытки легализации неформальных групп взаимопомощи, интегрируя их в структуру формальной экономики. Доверие танзанийцев к подобным группам по-прежнему выше, чем к официальным институтам.

Викоба наиболее интенсивно подвергается процессам формализации и цифровизации, поскольку она направлена непосредственно на накопление капитала, развитие малого бизнеса и расширение прав и возможностей женщин (англ. «women empowerment»), что согласуется с целями государства. По мнению наших информантов, *викоба* не вытеснит остальные практики взаимопомощи, поскольку у них разные функции. Правительство не интересуется практиками *мчезо/упату*, *куфа на кузикана* без серьезных капиталов, а горожане без планов на запуск бизнеса по-прежнему предпочитают подобные группы банкам. Процесс расслоения между группами будет продолжаться, возможно со временем *викоба* полностью перейдет в эпоху современных технологий и легализации, а для групп *куфа на кузикана*, *мчезо* и *упату* ничего не изменится.

Заключение

В рамках данного исследования все поставленные задачи были выполнены. Была подробно рассмотрена история образования групп взаимопомощи в Дар-эс-Саламе. Первыми среди подобных групп появились племенные союзы, которые были созданы в связи с тем, что немецкая колониальная администрация потребовала от горожан взять на себя организацию похорон соплеменников, умерших в больницах. Известно, что в 1912 г. была основана ассоциация народности погоро, вскоре за этим в Дар-эс-Саламе стали появляться союзы других народностей (Pliffe 1979: 389-390). Помимо организации похорон соплеменников целью подобных организаций была помощь мигрантам закрепиться в городе в качестве постоянных жителей, а также поддержка в любых жизненных ситуациях. Впоследствии племенные союзы способствовали продвижению партии ТАНУ. После обретения Танзанией независимости конституцией было запрещено создание партий по этническому либо религиозному признаку, поэтому этнические объединения утратили свое политическое значение, но не перестали существовать. Таким образом, старейшими группами можно считать похоронные сообщества куфа на кузикана, которые изначально формировались по этническому принципу, но позже отошли от данной практики.

О группах мчезо/упату известно, что они встречались ученым в 1960х гг. на территории современной Додомы (Ardener 1963: 207). Согласно нашему респонденту, преподавателю университета, данную практику в Дар-эс-Саламе начали трудовые мигранты, у которых были мизерные зарплаты.

Установлено, что викоба появилась в Танзании гораздо позже. Изначально данная программа была разработана профессором М. Юнусом в Бангладеш в 1970-х гг. с целью повышения благосостояния сельского населения. В 1983 г. там был основан Grameen Bank («Сельский банк») для финансирования мелких проектов. Во второй половине 2000-х гг. танзанийская правящая партия ССМ (Chama Cha

Mapenduzi, суах. «Революционная партия») решила заимствовать данную программу и начала направлять людей на учебу в Grameen.

Нам удалось выявить, что на данный момент в Танзании существуют следующие виды групп взаимопомощи: мчезо/упату, куфа на кузикана, викоба. Структура у всех групп схожа: возглавляют группу избираемые председатель, секретарь и бухгалтер (хранитель кассы, фонда). Председатель осуществляет управление сообществом, секретарь ведет записи, бухгалтер занимается учетом поступлений и расходов, сроки пребывания на той или иной должности оговариваются. Как правило, группы (за исключением викобы) встречаются один раз в месяц, либо по очереди в домах членов, либо в кафе или конференц-залах, в зависимости от количества членов и степени формализации сообщества. На каждой встрече происходит сбор средств, каждый участник сдает в общий фонд фиксированную сумму. Все правила группы, включая размер взносов и выплат, правила поведения, возможные штрафы (например, за пропуск собрания) и т.д., фиксируются в конституции сообщества, которая пишется в самом начале его создания. Группы создаются соседями, коллегами по работе, соплеменниками, т.е. людьми, изначально имеющими некую общность (место жительства, работа, происхождение).

Несмотря на схожесть структуры, между группами есть различия, в первую очередь в их целях и, соответственно, в том, на что тратятся собранные средства. В куфа на кузикана деньги из общего фонда расходуются на похороны членов и иногда членов их семей, также «страхование» может охватывать случаи болезней и свадеб.

Группы мчезо/упату являются классическими РОСКА, т.е. члены сообщества регулярно собираются и делают взносы в общий фонд, из которого каждому из членов выдается вся собранная сумма по очереди безвозмездно, на любые нужды. Мчезо считается более старым и низовым названием, упату – более новым и привнесенным людьми среднего класса, других различий между данными

понятиями нет. Главная цель таких групп взаимопомощи – финансовая поддержка своих членов.

Название викоба представляет собой аббревиатуру Village Community Bank (англ. «Банк для сельских жителей») – ViCoBa. Викоба предоставляет микрокредиты своим членам, а специальные консультанты от правительства бесплатно обучают участников тому, как начать собственный малый бизнес. Если говорить об официальной викобе, изначально имеющей связи с правительством, банками и т.д., то у нее есть единый центр и подразделения на уровне города, административного округа, района или улицы; у местных объединений нет реальной самостоятельности. Тем не менее, существуют неофициальные викобы, которые не связаны между собой, а также с какими-либо официальными учреждениями. В отличие от других групп собрания викобы проходят раз в неделю. На встречах члены группы покупают акции по фиксированной стоимости, однако количество, которое можно купить, ограничивается только финансовыми возможностями каждого. Собранные за одну встречу средства расходуются на один или несколько займов на 3 месяца под 5-10 %, причем сумма напрямую зависит от количества купленных акций. Кроме того, для получения займа необходимо обосновать цель кредита, по результатам коллективного обсуждения проводится голосование. К концу годичного цикла члены викобы должны вернуть все займы, поскольку на последней встрече происходит распределение накопленных средств в зависимости от вклада участников (купленных акций), а также распределяются средства, полученные в виде процентов и штрафов. Еще одним отличием викобы от прочих групп взаимопомощи является то, что количество членов ограничивается 30 участниками, в случае превышения этого числа создается новая группа. В других сообществах взаимопомощи количество членов ограничивается только договоренностями между участниками.

Отдельно были изучены сообщества, сформированные по этническому/региональному принципу, поскольку они могут относиться к любому типу групп или же совмещать все их функции, отличие в принципе выбора членов,

а также в том, что одна из целей – сохранение традиционной культуры народности в условиях полиэтничности мегаполиса.

Установлено, что со временем группы взаимопомощи переняли друг у друга функции так, что сегодня любая из них может предоставлять своим членам займы под небольшой процент и содержать отдельный фонд для помощи в непредвиденных обстоятельствах.

В нашем исследовании подробно описаны и проанализированы причины вступления горожан в группы взаимопомощи. Причины могут иметь как экономический, так и социальный характер, но чаще всего танзанийцев привлекают обе эти стороны групп. Многие вступают в подобные сообщества для улучшения финансового положения, что чаще всего выражается в облегчении процесса накопления средств, возможности получения займа под небольшой процент или же обеспечения «подушки безопасности». В то же время важнейшей причиной является социализация, то есть желание обрести прочные связи в локальном сообществе, которое могло бы оказать поддержку в условиях нехватки таковой со стороны большесемейной общины, оставшейся на родине. Наши респонденты говорили обо всех этих аспектах как о социальном страховании. Для женщин же вступление в группы взаимопомощи связано с желанием повысить свой социальный статус, обрести самостоятельность и независимость.

Было показано, что стремление танзанийцев вступать в группы взаимопомощи также связано со многими социальными проблемами. Прежде всего речь идет о проблеме бедности на фоне недостаточной поддержки со стороны государства в различных сферах жизни (похороны, здравоохранение, коммунальные услуги и т.д.). Одним из важных аспектов данной проблемы является безработица: большинство жителей *усуахилини* вынуждены искать заработок в неформальном секторе, который не отличается стабильностью. Опять же, такая ситуация частично связана с проблемой образования, поскольку в Танзании бесплатной является только начальная школа, а дальнейшее обучение могут себе позволить далеко не все. Помимо формального образования трудность

состоит в том, что многие горожане не обладают знаниями о гражданских правах, что порождает страх перед официальными учреждениями и лицами. Конечно же завершает данный список проблема финансовой грамотности, поскольку многие в принципе не представляют, как контролировать финансы, а потому обращаются в группы взаимопомощи. Поскольку коллективизм и взаимовыручка являются традиционными нормами танзанийской культуры, в таких условиях горожане привыкли полагаться на помощь соседей и друзей, решать проблемы коллективно, но никак не ожидать помощи государства.

В работе проанализированы формальные и неформальные основы групп взаимопомощи. Установлено, что единственной формальной составляющей является только наличие официальной регистрации, которую подобные группы должны получать согласно законодательству, однако на деле это происходит далеко не всегда. Если группа зарегистрирована, то ее документы имеют юридическую силу, а потому в случае невозврата займа есть возможность обращения в полицию и в суд, она также дает возможность открыть групповой банковский счет, что гарантирует сохранность средств, в отличие от случаев, когда кассу прячут дома, кроме того, появляется возможность получить субсидию от государства.

Тем не менее, даже при наличии регистрации неформальные связи гораздо важнее для групп взаимопомощи, что не раз подчеркивали наши информанты. Подобные сообщества всегда строятся на доверии, что отражается в механизме выбора членов: за нового человека должен поручиться кто-то из действующих участников, причем иногда это включает и материальную ответственность в случае проблем с возвратом займа. Кандидатуру каждого потенциального члена обсуждают коллективно, более того, силами группы может проводиться неофициальное расследование, т.е. участники будут расспрашивать семью и соседей человека о его поведении, привычках и стабильности доходов. Для того, чтобы присоединиться к группе взаимопомощи, необходимо иметь хорошую репутацию в обществе, «сарафанное радио» является основным каналом

распространения информации в Дар-эс-Саламе, а потому о каких-либо сомнительных делах моментально становится известно всем. Информанты подчеркивали, что человеку можно доверять, если знаешь, где он живет, и, тем более, знаком с его семьей. Часто обязательным требованием к лидерам группы (председатель, секретарь, бухгалтер) является наличие собственного дома в районе, поскольку невозможно сбежать вместе с домом.

Нами также была выявлена еще одна практика, функционирующая на стыке формальности и неформальности. При взятии вноса одним из членов сообщества составляется перечень принадлежащего ему имущества, включающий, например, холодильник, телевизор и другие предметы быта. Этот перечень служит гарантией возврата займа и предусматривает передачу указанного имущества сообществу в случае невозможности своевременного возврата средств. Документально данная договоренность оформляется подписанием соответствующих бумаг между заемщиком и руководством группы, которые при необходимости могут быть нотариально заверены в местной администрации или у юриста. В некоторых случаях подтверждение сделки обеспечивается подписями свидетелей – членов группы. Такой формализм создает правовую основу для обращения в правоохранительные органы при нарушении обязательств, что повышает уровень ответственности заемщиков и способствует поддержанию доверия внутри сообщества.

В работе рассмотрены как положительный, так и отрицательный опыт действительных и бывших членов групп взаимопомощи. Говоря о положительных сторонах, многие респонденты подчеркивали, что группы взаимопомощи действительно помогали им организовать дорогостоящие похороны, в то время как государство и работодатели бездействовали. С помощью групп удавалось собрать деньги на покупку дорогостоящей бытовой техники, а также оплатить школьные взносы и других текущие расходы. Часто женщины рассказывали о том, что с помощью группы им удалось успешно выстроить собственный бизнес, который приносит стабильный доход.

Обобщение собранных данных, позволяет говорить о том, что помимо финансового благополучия важнейшее значение групп взаимопомощи в том, что они способствуют социализации. Наши информанты регулярно отмечали, что именно благодаря группе им удалось познакомиться с соседями, лучше их узнать, завести крепкие социальные связи и почувствовать себя частью локального сообщества. Женщины подчеркивали, что группа дала им почувствовать уверенность в себе и самостоятельность. Отдельно стоит отметить группы, созданные по этническому принципу, члены которых отмечали, что благодаря группе они не теряют связи с родиной, своей народностью, языком. Более того, иногда на базе подобных групп в *усуахилини* начинают возрождаться традиции определенной народности, например, праздники.

В целом можно сказать, что членство в той или иной группе взаимопомощи дарит людям уверенность в наличии опоры в любых жизненных ситуациях в условиях крайней экономической и социальной нестабильности в стране.

Если же говорить об отрицательном опыте, то в первую это связано с кражей общей кассы. На данный момент сложно представить подобную ситуацию в официальных, зарегистрированных сообществах, хранящих деньги группы в банке. Более того, у многих подобных ассоциаций снимать деньги с общего счета могут только все трое лидеров (председатель, казначей, секретарь) одновременно. При этом в неформальных сообществах, которых, несмотря на все усилия правительства, до сих пор большинство, такая возможность по-прежнему остается. Безусловно, подобное случается не каждый день, однако о том, что такое возможно, говорило большинство опрошенных. Отрицательный опыт также может быть связан с проблемами возврата займа и сопутствующей конфискацией имущества заемщика другими членами. Нам приходилось слышать о том, что иногда люди берут деньги на покупку каких-то желанных вещей, при этом не задумываясь о том, как их отдавать, что возвращает нас к проблеме финансовой грамотности. Некоторые бывшие члены групп также говорили о нехватке времени на посещение групповых собраний. Помимо всего прочего, несколько респондентов в целом

отрицательно высказывались о подобных группах, считая, что копить деньги с таким же успехом можно самостоятельно, не подвергаясь рискам потери денег из-за других членов группы, поскольку для человека, умеющего контролировать финансы, подобная поддержка не нужна.

В рамках данной работы подробно проанализирован вопрос официальной регистрации и легализации групп взаимопомощи, а также изменений, произошедших в законодательстве в данной сфере за рассматриваемый период (2011-2023). Как уже было сказано, подобные объединения изначально должны были получать государственную регистрацию, однако изначально данный процесс был очень сильно затруднителен. Основными причинами отказа от регистрации были: сложность процедуры регистрации, многочисленные бюрократические барьеры и коррупция; отсутствие опыта обращения в официальные инстанции и заполнения документов; нежелание платить налоги, а также в целом отсутствие плюсов в регистрации для группы с точки зрения ее членов, поскольку даже конфликтные ситуации проще решить силами группы, чем обращаться в полицию или суд.

Многолетние исследования групп взаимопомощи в городских сообществах Танзании позволили выявить динамику изменений и трансформаций подобных сообществ под влиянием усиливающегося контроля со стороны государственных органов и интенсивных процессов внедрения интернета в жизнь общества, в частности цифровизации последних лет.

Так, в 2015 г. с приходом к власти Дж. Магуфули, резко усилился государственный контроль за всеми сферами жизни, а потому многие захотели «играть на безопасной стороне». Часто люди стали выбирать уже зарегистрированные сообщества, кроме того многие увидели выгоды регистрации, такие как официальное признание группы государством; возможность получить грант от правительства; возможность открытия банковского счета группы и получение кредита на льготных условиях; возможность обращения в полицию или в суд в случае невозврата займа членом группы; возможность расширения масштабов деятельности группы. Так началось

расслоение между группами: более состоятельные регистрировались и пользовались преимуществами, а более бедные сообщества оставались на прежних позициях.

Вышедший в ноябре 2018 г. «Акт о микрофинансировании 2018», уполномочил Банк Танзании осуществлять лицензирование, регулирование и контроль всех микрофинансовых бизнесов континентальной части страны, в том числе и викобу. Данный акт вызвал противоречивые оценки в обществе, некоторые считали поддержку центробанка полезной, другие же не хотели, чтобы правительство контролировала финансы их групп. В марте 2019 г. мобильный оператор Vodacom и банк TRB представили пользователям платформу М-Коба, предоставлявшую возможность хранения денег группы в электронном кошельке и получения официальной регистрации с помощью мобильного сервиса (Иванченко 2020). Тем не менее, не смотря на популярность сервиса перевода денег через мобильный телефон с помощью команд в смс М-pesa, схожая по принципу работы платформа М-коба оказалась совершенно непопулярна, поскольку многим такой сервис показался чем-то сложным и незнакомым. Впоследствии другие банки и мобильные операторы предложили аналогичные сервисы, однако автором было встречено всего 3 женщины, пользовавшиеся такими платформами. При этом, по сообщениям СМИ такие сервисы пользуются успехом. Возможно, речь о более молодых людях, для которых мобильные приложения привычнее.

К 2022му г. закон о регулировании микрофинансовых организаций вступил в силу, по нему регистрация для групп викоба бесплатна; сама процедура проста: требуется письмо от местной администрации на уровне района и конституция группы; взносы платятся только за содержание счета в банке. В связи с этим многие викобы зарегистрировались в Банке Танзании, однако большое количество сообществ так и остается неформальными, в том числе группы образованных и состоятельных людей.

Представляется важным отметить, что попытки интеграции групп взаимопомощи в формальную экономику коснулись в основном викобы. Это объясняется

следующими факторами: викоба изначально была аффилирована с правящей партией, а потому была известна и заметна; в отличие от мчезо/упату и куфа на кузикана, викоба создавалась как образование, аккумулирующее капитал; викоба помогает решить две важных задачи: поддержка малого и среднего предпринимательства, а также women empowerment. Со временем группами викоба заинтересовались и различные НПО и благотворительные организации, которые, как и правительство Танзании, стали давать им гранты и публиковать в СМИ сообщения об историях успеха отдельных женщин.

Нужно, однако понимать, что появление множества новых цифровых сервисов по микрокредитованию совершенно не вытесняет викобу, но наоборот в нее интегрируется, большинство из них использует слово «викоба» в описании услуг или названии. Таким образом, процесс расслоения между группами продолжается, возможно со временем викоба полностью перейдет в цифровое поле и станет полностью официальной, в то время как группы мчезо / упату и куфа на кузикана останутся на прежних позициях.

Заметим в заключение, что негативное отношение к подобным практикам в танзанийском обществе сегодня также имеет место. Некоторые информанты утверждали, что деньги, полученные в группе по сути можно скопить и самостоятельно. Для человека, умеющего контролировать финансы никакая группа не нужна. Возможно, по мере повышения финансовой грамотности населения, так и случится. Будущие полевые исследования позволят составить реальное представление о дальнейшей судьбе викобы и других групп взаимопомощи в Танзании.

Благодарность

Выражаю глубокую благодарность моему научному руководителю Марине Львовне Бутовской за ценные замечания и рекомендации, постоянную помощь и всестороннюю поддержку в процессе написания диссертации и во всей совместной работе. С особой признательностью благодарю Дмитрия Михайловича Бондаренко за то, что открыл мне путь в науку, познакомил с Танзанией, всегда охотно делится опытом и является прекрасным наставником. Искренне благодарю Дронову Дарью Алексеевну за неизменную помощь, мудрые советы, доброжелательность и дружеское участие.

Особую признательность выражаю коллегам – Банщиковой Анастасии Алексеевне, Брындиной Валентине Николаевне, Хохольковой Надежде Евгеньевне, Попову Петру Алексеевичу, Зеленовой Дарье Александровне – за плодотворное сотрудничество, профессиональную поддержку, доверие и неизменную готовность прийти на помощь в ходе экспедиций и научной работы.

Выражаю благодарность коллегам из Танзании, Джейсону Нкиабонаки и Беатрис Мкунде, за помощь в организации исследований, экспертные интервью, содействие в поиске респондентов и за по-настоящему теплое и плодотворное общение.

Особую благодарность выражаю всем респондентам, принявшим участие в исследовании за готовность к диалогу, интересные мнения и истории, а также за всестороннюю помощь в экспедиции.

Литература

Банщикова А. А., Брындина В. Н., Иванченко О. В. Между цепями и книгой: историческая память об арабо-суахилийской работоторговле XIX в. в островной и материковой Танзании / Отв. ред. Д.М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН. 2024.

Банщикова А.А. Багамоё имперское и настоящее: изображение первой столицы Германской Восточной Африки в колониальных открытках и в авторской фотографии Вальтера Доббертина // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 2 (59). С. 96-111.

Бельшев И.С. Страхование фабрично-заводских рабочих и служащих России: 1912 - февраль 1917 г.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Бельшев Игорь Станиславович. Иваново. 2004.

Большая российская энциклопедия // Танзания. <https://bigenc.ru/c/tanzaniia-d04ba3> (дата обращения: 10.10.2024).

Бондаренко Д. М. Исламо-христианские отношения в свете проблемы образования // Мусульмане и христиане в современной Танзании. Труды участников российской экспедиции / Ред. Саватеев А.Д. М.: Институт Африки РАН. 2005. С. 41-70.

Бутовская М.Л., Ростовцева В.В. Эволюция альтруизма и кооперации человека: Биосоциальная перспектива. М.: ЛЕЛАНД. 2021.

Громова Н.В., Мячина Е.Н., Петренко Н.Т. Суахили-русский словарь: около 30 000 словарных статей. МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. Москва: Ключ-С. 2012.

Ермаков Д.Н. Социальное страхование в Российской империи // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. №2 (43). С. 76-85.

Зеленова Д.А., Иванченко О.В., Попов, П.А. Танзания. Взаимопомощь в городских сообществах // Азия и Африка сегодня. 2015. № 4. С. 35-40.

Иванченко О.В. Женские группы взаимопомощи в современных городских сообществах Дар-эс-Салама, Танзания // Женские организации в Африке как форма политического и социокультурного самовыражения. Институт Африки РАН. 2017 А. С. 119-131.

Иванченко О.В. Формальные и неформальные основы доверия в группах взаимопомощи жителей Дар-эс-Салама (Танзания) // Восток. 2017 Б. № 1. С. 121-130.

Иванченко О. В., Банщикова А. А. Заменяя государство: альтернативные социальные практики в группах взаимопомощи в современном Дар-эс-Саламе // Конфликтология / Nota bene. 2017. № 4. С.47-55.

Иванченко О. В., Банщикова А. А. Городской образ жизни – сельский образ мысли: неполная урбанизация и стратегии выживания в танзанийском мегаполисе Дар-эс-Саламе // Ученые записки Института Африки РАН. 2018. № 3. С. 100-111.

Иванченко О.В. Группы взаимопомощи сегодня и завтра: от низовой самоорганизации до M-Koba и Bank of Tanzania // Коллективная монография "Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера". Отв. Ред. к.и.н. В.В. Грибанова, д.и.н. Н.Л. Крылова. М.: ИАФР РАН. 2020. Стр. 66-75.

Иванченко О. В. Эволюция групп взаимопомощи в современной Танзании: формальные практики неформальной экономики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2026. Т. 17. Выпуск 3 (161). URL: <https://history.jes.su/s207987840038679-5-1/>

Изюмова Л.В. Деятельность касс общественной взаимопомощи в годы великой отечественной войны (по материалам европейского севера России) // Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов. Вологда: ВоГУ. 2016. С. 61-66.

Коротаев А.В., Деминцева Е.Б. (отв. ред.). Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.): Сб. ст. М.: ЛЕНАНД. 2008.

Мустафин Р.Р. Деятельность касс взаимопомощи рабочих и Закон 1903 года о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев в Российской империи // Гражданское общество в России и за рубежом. М.: Юрист. 2011. № 4. С. 26-30

Окунева М. О. Кассы взаимопомощи как форма организации социальной помощи ученым в первые годы Советской власти (на примере кассы взаимопомощи при ПетроКУБУ) // Тенденции развития правового механизма реализации социально-экономических прав человека: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 октября 2021 года. М.: Московский гуманитарный университет. 2021. С. 211-215.

Ростовцева В. В. Альтруизм с человеческим лицом // Человек. 2016. №1. С. 17–29.

Саватеев А.Д. (ред.). Мусульмане и христиане в современной Танзании. Труды участников российской экспедиции. М.: Ин-т Африки РАН. 2005.

Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX-XX веков: Пособие по спецкурсу / Ред. Ерошкина Н.П. М.: МГИАИ. 1982.

Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М. 2008.

Федосеева Л. Ю. Правовые условия деятельности касс взаимопомощи в профсоюзе работников искусств в 1920-1930-е гг. (на материалах Средней Волги) // Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. Актуальные проблемы истории политики и права. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2015. С.158-162

Халтурина Д. А., Коротаев А. В. Модернизационные процессы и уровень религиозной терпимости в Танзании // Мусульмане и христиане в современной

Танзании. Труды участников российской экспедиции / Ред. Саватеев А. Д. М.: Институт Африки РАН. 2005. С. 22-40.

Чернова О.А. Деятельность профессиональных союзов на промышленных предприятиях Центрального Черноземья в 1920-е гг.: по материалам Курской и Воронежской губерний: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Чернова Ольга Алексеевна. Белгород. 2011.

Adofu I., Antai E., Alabi O. The Informal Financial Markets Operates Mostly on the Principles of Rotating Saving and Credit Associations (ROSCA) // Continental Journal of Social Sciences. 2010. 3. P. 7–17.

Aikaruwa D. B., Sumari G. A., Maleko G. N. Social functionality of self help groups in Tanzania // Journal of Business Administration and Education. 2014. 5(2). P. 99–136.

Aliber M., Ido A. Microinsurance in Burkina Faso // Social Finance Programme. Working Paper № 29. 2003.

Andreasen M.H., McGranahan G., Kyessi A., Kombe W. Informal land investments and wealth accumulation in the context of regularization: case studies from Dar es Salaam and Mwanza // Environ Urban. 2020. 32 (1). P. 89-108.

Appiah K.A., Gates H.L. (eds.) *Africana: The Encyclopedia of the African and African-American Experience*. Oxford, New York: Oxford University Press. 2005.

Ardener S. The Comparative Study of Rotating Credit Associations // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1963. Vol. 94 (2). P. 201-229.

Augustijn-Beckers E., Flacke J., Retsios B. Simulating Informal Settlement Growth in Dar es Salaam, Tanzania: An Agent-Based Housing Model // Computers, Environment and Urban Systems. 2011. 35. P. 93–103.

Bagachwa M.S.D. *Financial Integration and Development in Sub-Saharan Africa: A Study of Informal Finance in Tanzania*. Overseas Development Institute (ODI). Working Paper 79. London. 1995.

Bank of Tanzania. The Microfinance Act, 23 ноября 2018. URL: <https://www.bot.go.tz/Publications/Acts,%20Regulations,%20Circulars,%20Guidelines/Acts/en/202002130644421418.pdf> (дата обращения: 11.01.2024).

Batibo H.M. The Linguistic Situation of Tanzania // *Lugha za Tanzania. Languages of Tanzania* / Kahigi K., Kihore Y., Mous M. (eds.). Leiden. 2000.

Becker K.F. *The Informal Economy*. Stockholm: Swedish International Development Cooperation Agency. 2004.

Bouman F.J.A. *Indigenous Savings and Credit Societies in the Developing World // Rural Financial Markets in the Developing World* / Von Pischke J.D., Adams D.W., Donald G. (eds.). Washington: World Bank. 1983.

Bouman F.J.A. ROSCA: On the origin of the species // *Savings and Development*. 1995. Vol. 19. №2. P. 117–148.

Brennan J., Burton A., Lawi Y. *Dar es Salaam. Histories from an Emerging African Metropolis*. Dar es Salaam, Nairobi: Mkuki na Nyota Publishers, The British Institute in Eastern Africa. 2007.

Briggs J., Mwamfupe D. *Peri-urban Development in an Era of Structural Adjustment in Africa: The City of Dar es Salaam, Tanzania // Urban Studies*. 2000. Vol. 37. №4. P. 797–809.

Burbidge D. *Trust Creation in the Informal Economy: The Case of Plastic Bag Sellers of Mwanza, Tanzania // African Sociological Review*. 2013. Vol. 17. №1. P. 79–103.

Burton A. *African Underclass: Urbanisation, Crime & Colonial Order in Dar es Salaam*. Athens, Ohio: Ohio University Press. 2005.

Calas B. (ed.). *From Dar es Salaam to Bongoland: Urban Mutations in Tanzania*. 1st ed. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers in association with French Institute for Research in Africa. 2010.

Chachage C.S. A Capitalizing City: Dar es Salaam and the Emergence of an African Entrepreneurial Elite (c. 1862–2015): PhD thesis. Harvard University. 2018.

Chimedza R. Savings Club: The Mobilisation of Rural Finances in Zimbabwe. Geneva: Rural and Employment Development Department, ILO. 1984.

Chiodelli F., Moroni S. The Complex Nexus Between Informality and the Law: Reconsidering Unauthorised Settlements in Light of the Concept of Nomotropism // *Geoforum*. 2014. Vol. 51. P. 161–168.

CIA World Factbook. Tanzania. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/tanzania/#government> (дата обращения: 11.10.2024).

Cling J.-P., Lagrée S., Razafindrakoto M., Roubaud F. (eds.). *The Informal Economy in Developing Countries*. Oxon: Routledge. 2015.

Cornia G., Helleiner G.K. (eds.). *From Adjustment to Development in Africa: Conflict, Controversy, Convergence, Consensus?* London: Macmillan. 1994.

Cornia G., van der Hoeven R., Mkandawire T. (eds.). *Africa's Recovery in the 1990s: From Stagnation and Adjustment to Human Development*. London: Macmillan. 1992.

Cross C. Ulinzi Shirikishi: Popular Experiences of Hybrid Security Governance in Tanzania // *Development and Change*. 2016. Vol. 47. № 5. P. 1102–1124.

Daily News. 9 января 2019. URL: <https://dailynews.co.tz/news/2019-01-095c35a9d0770c5.aspx> (дата обращения: 13.01.2020).

Dercon S., De Weerd J., Bold T., Pankhurst A. Group-based Funeral Insurance in Ethiopia and Tanzania // *World Development*. 2006. Vol. 34. №4. P. 685–703.

Dercon S., Hoddinott J., Krishnan P., Woldehanna T. Collective Action and Vulnerability: Burial Societies in Rural Ethiopia // *SSRN Electronic Journal*, 28 августа 2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1260274> (дата обращения: 11.10.2024).

Desai V., Loftus A. Speculating on Slums: Infrastructural Fixes in Informal Housing in the Global South // *Antipode*. 2013. Vol. 45. №4. P. 789–808.

Encyclopædia Britannica. Tanzania. URL:
<https://www.britannica.com/place/Tanzania/Local-government> (дата обращения:
11.10.2024).

Fox S. The Political Economy of Slums: Theory and Evidence from Sub-Saharan Africa // *World Development*. 2014. Vol. 54. P. 191–203.

Fox S. Urbanization as a Global Historical Process: Theory and Evidence from Sub-Saharan Africa // *Population and Development Review*. 2012. Vol. 38. №3. P. 285–310.

Francis E. *Making a Living: Changing Livelihoods in Rural Africa*. London: Routledge. 2000.

Geertz C. The Rotating Credit Association: A “Middle Rung” in Development // *Economic Development and Cultural Change*. 1962. Vol. 10. №3. P. 241–263.

Gintis H., Henrich J., Bowles S., Boyd R., Fehr E. Strong reciprocity and the roots of human morality // *Social Justice Research*. 2008. Vol. 21. №2. P. 241–253.

Glassman J. *Feasts and Riot: Revelry, Rebellion, and Popular Consciousness on the Swahili Coast, 1856–1888*. Portsmouth, NH: Heinemann. 1995.

Gugerty M.K. You Can't Save Alone: Commitment in Rotating and Savings Associations in Kenya // *Economic Development and Cultural Change*. 2007. Vol. 55. №2. P. 251–282.

Håkansson N.T. Rulers and Rainmakers in Precolonial South Pare, Tanzania: Exchange and Ritual Experts in Political Centralization // *Ethnology*. 1998. Vol. 37. №3. P. 263–283.

Harris N., Fabricius I. (eds.). *Cities and Structural Adjustment*. London: UCL Press. 1996.

Heilman B.E., Kaiser P.J. Religion, identity and politics in Tanzania // *Third World Quarterly*. 2002. Vol. 23. №4. P. 691–709.

Hillenkamp I., Lapeyre F., Lemaître A. (eds.). *Securing Livelihoods: Informal Economy Practices and Institutions*. Oxford: Oxford University Press. 2013.

Hyuha M., Ndanshau M.O., Kipokola J.P. Scope, Structure and Policy Implications of Informal Financial Markets in Tanzania // Financial Markets in Tanzania. AERC Research Paper. 1993. №18.

Iliffe J. A Modern History of Tanganyika. Cambridge: Cambridge University Press. 1979.

IPP Media, 10 января 2022. URL: <https://www.ippmedia.com/en/news/bot-rogue-lender-%E2%80%98uses-leaders%E2%80%99-names-swindle%E2%80%99> (дата обращения: 11.01.2024).

IPP Media. 24 января 2022. URL: <https://www.ippmedia.com/en/business/women-entrepreneurs-tout-benefits-%E2%80%98nia-moja%E2%80%99-account> (дата обращения: 11.01.2024).

Ivanchenko O., Banshchikova A. Urbanization and Mutual Help Groups: Contribution to Nation-Building in Tanzania // Social Evolution & History. 2018 Vol. 17 No. 1 P. 34-59

Joshua Project. Country: Tanzania. URL: <https://joshuaproject.net/countries/TZ> (дата обращения: 14.10.2024).

Kashuliza A.K. Perception and Role of Informal Rural Finance in Developing Countries: The Example of Tanzania // Journal of Rural Studies. 1993. Vol. 9. №2. P. 163–173.

Kerr D. Rapping, Imagination, and Urban Space in Dar es Salaam // Youth and Popular Culture in Africa: Media, Music, and Politics / Ugor P. (ed.). Rochester, NY: Boydell & Brewer. 2021. P. 63–87.

Kimuyu P.K. Rotating Saving and Credit Associations in Rural East Africa // World Development. 1999. Vol. 27. №7. P. 1299–1308.

Kinyanjui M. Women and Informal Economy in Urban Africa: From Margin to Center. London: Zed Books. 2014.

Kironde J.M.L. Race, class and housing in Dar es Salaam: the colonial impact on land use structure 1891–1971 // Dar es Salaam. Histories from an Emerging African

Metropolis / Brennan J., Burton A., Lawi Y. (eds.). Dar es Salaam, Nairobi: Mkuki na Nyota Publishers, The British Institute in Eastern Africa. 2007. P. 97–117.

Kironde J.M.L. The Evolution of the Land Use Structure of Dar es Salaam 1890–1990: A Study in the Effects of Land Policy: PhD thesis. Nairobi: University of Nairobi. 1994.

Kombe W.J. Land use dynamics in peri-urban areas and their implications on the urban growth and form: The case of Dar es Salaam, Tanzania // Habitat International. 2005. Vol. 29. №1. P. 113–135.

Kyessi S.A., Kyessi A.G. Regularisation and Formalisation of Informal Settlements in Tanzania: Opportunities and Challenges: A Case of Dar es Salaam City. Paper presented at International Conference. Hong Kong. 2007.

Lema N.C. Assessment on the Informal Sector and its Impact to the Economy in Tanzania: The Case of Arusha Municipality // International Journal of Research in Social Sciences. 2013. Vol. 3. №2. P. 184–198.

Lindell I. (ed.). Africa's Informal Workers: Collective Agency, Alliances and Transnational Organizing in Urban Africa. London, New York: Zed Books. 2010.

Louw A., Robertshaw R., Mtani A.W. Crimes in Dar es Salaam: Results of a City Victim Survey and in-Depth Interviews on Violence Against Women. Nairobi: UN-Habitat, 2000. URL: http://www.unhabitat.org/downloads/docs/1827_64144_darcrime.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

Lugalla J. Crisis, Urbanization, and Urban Poverty in Tanzania: A Study of Urban Poverty and Survival Politics. Lanham: University Press of America. 1995.

Magina F., Kyessi A., Kombe W. Benefits and burdens accrued in community-led informal settlements regularisation in Tanzania: the case of Magengeni in Dar es Salaam city. Conference: Annual World Bank Conference on Land and Poverty. March 2020.

Mahabir R., Crooks A., Croitoru A., Agouris P. The Study of Slums as Social and Physical Constructs: Challenges and Emerging Research Opportunities // Regional Studies, Regional Science. 2016. Vol. 3. №1. P. 737–757.

- Malkamaki M. Financial Intermediation for Microenterprises in Bangladesh, Kenya, Tanzania and Zanzibar. Dar es Salaam. 1990.
- Mbilinyi M. Gender and Microenterprise Development in Tanzania. Dar es Salaam: Ministry of Women and Community Development. 1999.
- Mercer C. The coloniality of space: landscape, aesthetics and the middle classes in Dar es Salaam // *Antipode*. 2024. Vol. 56. №6. P. 2202–2223.
- Molleman L., Pen I., Weissing F.J. Effects of conformism on the cultural evolution of social behavior // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8. №7. e68153.
- Moyer E.M. In the Shadow of the Sheraton: Imagining Localities in Global Spaces in Dar es Salaam, Tanzania: PhD thesis. Amsterdam: Amsterdam Institute for Social Science Research (AISSR). 2003.
- Nairobi News. Prof Jay left homeless after Magufuli orders demolition of his Sh4.5m mansion. 5 октября 2017. URL: <https://nairobinews.nation.africa/magufuli-demolition-professor-jays-mansion/> (дата обращения: 11.10.2024).
- National Bureau of Statistics Tanzania. The 2022 Population and Housing Census: Initial Results. Dar es Salaam. October 2022.
- Ndanshau M.O. Informal Finance in Africa: A Case of Upatu Groups as ROSCAs in Dar-es-Salaam, Tanzania: Unpublished ERB Seminar Paper. September 1990.
- Ngwenya R.N. Redefining Kin and Family Social Relations: Burial Societies and Emergency Relief in Botswana // *Journal of Social Development in Africa*. 2003. Vol. 18. №1. P. 85-110.
- Nissanke M., Aryeetey E. Financial Integration and Development: Liberalization and Reform in Sub-Saharan Africa. London, New York: Routledge. 2005.
- Njogu K., Maupeu H. Songs and Politics in Eastern Africa. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers. 2007.

Nowak M.A., Sigmund K. Evolution of Indirect Reciprocity by Image Scoring / The Dynamics of Indirect Reciprocity: IIASA Interim Report. Laxenburg: IIASA. 1998. IR-98-040.

Nyerere J.K. Ujamaa: Essays on Socialism. London: Oxford University Press. 1968.

Odile G. From Hill Station (Freetown) to Downtown Conakry (First Ward): Comparing French and British Approaches to Segregation in Colonial Cities at the Beginning of the Twentieth Century // Canadian Journal of African Studies. 1998. Vol. 32. №1. P. 1–31.

Owens G.R. The Shomvi: A Precursor to Global Ethnoscapes and Indigenization in Precolonial East Africa // Ethnohistory. 2006. Vol. 53. №4. P. 715–752.

Perullo A. “Here’s a Little Something Local”: An Early History of Hip Hop in Dar es Salaam 1984–1997 // Dar es Salaam. Histories from an Emerging African Metropolis / Dar es Salaam, Nairobi: Mkuki na Nyota Publishers, The British Institute in Eastern Africa. 2007.

Reuters. On solid ground: armed with land titles, Tanzania's slum dwellers tackle poverty. 6 февраля 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/world/on-solid-ground-armed-with-land-titles-tanzanias-slum-dwellers-tackle-poverty-idUSKCN1PV0JX/> (дата обращения: 20.05.2025).

Rodima-Taylor D. Gathering up mutual help: the relational freedoms of Tanzanian market-women // Social Analysis. 2013. Vol. 57. №3. P. 76–94.

Rodima-Taylor D. Passageways of cooperation: mutuality in post-socialist Tanzania // Africa. 2014. Vol. 84. №4.

Roth J. Informal Microfinance Schemes: The Case of Funeral Insurance in South Africa. International Labour Organisation. Working Paper. 2000. №22.

Rudić C. Housing Finance Strategies of Informal Settlement Dwellers. Factors of Influence and the Impacts of Planned Interventions in Dar es Salaam. Münster: LIT Verlag. 2016.

Seibel H.D., Shrestha B.P. Dhikuti: The Small Businessman's Informal Self-help Bank in Nepal // Savings and Development. 1988. Vol. 12. №2. P. 183–198.

Sabin N., Klinowski D., Reed-Tsochas F. Punctuated decline of human cooperation // Nature Human Behaviour. 2026. URL: <https://doi.org/10.1038/s41586-026-10380-3> (дата обращения: 26.04.2026).

Smiley S. The city of three colors: Segregation in colonial Dar es Salaam, 1891–1961 // Historical Geography. 2009. Vol. 37. P. 178–196.

Srinivasa S., Pasupuleti S., Bheenaveni R. Mutual Aid Societies // Encyclopedia of Social Work. 2022, May 18. Retrieved 20 Oct. 2025, from <https://oxfordre.com/socialwork/view/10.1093/acrefore/9780199975839.001.0001/acrefore-9780199975839-e-257> (дата обращения: 20.10.2025).

Statista. Tanzania: Distribution of employment by economic sector from 2012 to 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/447731/employment-by-economic-sector-in-tanzania/> (дата обращения: 11.10.2024).

Stren R.E. Underdevelopment, Urban Squatting, and the State Bureaucracy: A Case Study of Tanzania // Canadian Journal of African Studies. 1982. Vol. 16. №1. P. 67–91.

Sutton J.E.G. et al. Dar es Salaam; City, Port and Region: A Sketch of a Hundred Years // Journal of the Tanzania Society. 1970. №71.

The World Bank. Data for Low & middle income, Tanzania. URL: <https://data.worldbank.org/?locations=XO-TZ> (дата обращения: 11.10.2024).

The World Bank. The Msimbazi Opportunity: Transforming the Msimbazi Basin into a Beacon of Urban Resilience. Volume A: Strategy and Management Framework. Washington, DC: World Bank Group, 2019. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/694491555396781552/Volume-A-Strategy-and-Management-Framework> (дата обращения: 11.10.2024).

The World Bank. Tanzania Urbanization Review. Transforming Tanzania's Cities: Harnessing Urbanization for Competitiveness, Resilience and Livability. Washington, DC: World Bank Group, 2021. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/811221624876806983/pdf/Transforming-Tanzania-s-Cities-Harnessing-Urbanization-for-Competitiveness-Resilience-and-Livability.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

Tripp A.M. Defending the Right to Subsist: The State vs the Urban Informal Economy in Tanzania. Paper presented at the African Studies Association Annual Meeting. Chicago. 28–31 October 1988.

Tripp A.M. Changing the Rules: The Politics of Liberalization and the Urban Informal Economy in Tanzania. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. 1997.

Tripp A.M. Political Reform in Tanzania: The Struggle for Associational Autonomy // Comparative Politics. 2000. Vol. 32. №2. P. 191–214.

Tsuruta T. Urban-rural relationships in colonial Dar es Salaam: some notes on ethnic associations and recreations, 1930s–1950s // Memoirs of the Faculty of Agriculture of Kinki University. 2003. Vol. 36. P. 63–69.

UN-Habitat. City Wide Action Plan for Upgrading Unplanned and Unserviced Settlements in Dar es Salaam. Nairobi: UN-Habitat. 2010.

UN-Habitat. Informal Settlements and Finance in Dar es Salaam, Tanzania. Nairobi: United Nations Human Settlements Programme. 2010.

UN-Habitat. The Sustainable Cities Programme in Tanzania 1992–2003. The SCP Documentation Series. URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/download-manager-files/The%20Sustainable%20Cities%20Programme%20in%20Tanzania%201992-2003%20The%20SCP%20Documentation%20Series.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

Unangst M. Colonial Geography: Race, and Space in East Africa, 1884–1905. German and European Studies. Toronto: University of Toronto Press. 2022.

UNESCO. International Women's Day: How Jeska and Fajelina turned their lives around in Tanzania through education. 07.03.2022. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/international-womens-day-how-jeska-and-fajelina-turned-their-lives-around-tanzania-through-education> (дата обращения: 11.01.2024).

Vodacom. M-Koba service. URL: <https://vodacom.co.tz/mkoba> (дата обращения: 11.01.2024).

Von Pischke J.D. ROSCAs: State of the Art Financial Intermediation // Informal Finance in Low-Income Countries / Adams D.W., Fitchett D.A. (eds.). Boulder, Oxford: Westview Press. 1992.

Walwa W.J. Options for strengthening JITU and Ulinzi Shirikishi as community-led security mechanisms in Dar es Salaam. Centre for Human Rights and Policy Studies: Policy Brief №4. May 2017.

Wordpress.com. Community Infrastructure Upgrading Program. URL: <https://projectword1.wordpress.com/projects-3/community-infrastructure-upgrading-program/> (дата обращения: 11.10.2024).

World Wildlife Fund (WWF). The Story of Fatuma Mamcho: A VICOBA Champion Trailblazing in Mafia. 19.07.2021. URL: <https://www.wwf.or.tz/?35042/The-story-of-Fatuma-Mamcho-A-VICOBA-champion-Trailblazing-in-Mafia> (дата обращения: 11.01.2024).

Yusuf N., Ijaiya G.T., Ijaiya M.A. Informal Financial Institutions and Poverty Reduction in the Informal Sector of Offa Town, Kwara State: A Case Study of Rotating Savings and Credit Associations (ROSCAs) // Journal of Social Sciences. 2009. Vol. 21. №3. P. 231–234.

Zhang C., Zhang J., Weissing F.J. The role of emotions in the maintenance of cooperative behaviors // Europhysics Letters. 2014. Vol. 106. №1. 18007.

Zoetelief J. *Microfinance from Below: Exploring Rural Livelihoods in Tanzania* // Hotze L., Hospes O. (eds.). *Livelihood and Microfinance: Anthropological and Sociological Perspectives on Savings and Debt*. Delft: Eburon Academic Publishers. 2004.

Приложение

Список вопросов интервью 2013 г.

1. What is your name?
2. How old are you?
3. Where did you study?
4. What is your occupation?
5. What is the name of your ethnic group (tribe)?
6. Are you a member of any mutual help group?
7. Why did you decide to join (or to form) this group?
8. What does your group do?
9. How many members are there?
10. What is the structure of your group? Do you have a leader? Do people elect the leader, or is the position permanent? Does the leader actually make decisions, or do you decide collectively?
11. How often do you meet, and where? Do you need any special permission for it?
12. Is your group officially registered?
13. How can one find out about this group? How can one join it? Are there any restrictions on joining? Can a person be a member of several mutual help groups at the same time?
14. If there are conflicts between members of the group, what do you do?
15. Are mutual help groups popular? How do people in general view mutual help groups?
16. Can you tell me something special about your district? Can it be called “uswahilini”? How would you describe uswahilini?

Список вопросов интервью 2015 г.

For members of mutual help groups:

1. Are you a member of a mutual help group? / Are you still a member?
2. For what purpose did you join this group? Did you have to go through any special procedure to join the group?
3. How do such groups select members? Are there any criteria?
4. Who decides whether to let someone join the group?
5. As I understand, you contribute money at the meetings of your group. Why do you trust your money to the group?
6. Have you ever heard of cases where group money was stolen? Does this happen often?
7. What do you do in your group to prevent such cases?
8. What do you do when conflicts arise in your group? Would you go to the police or to court? (Why not?)
9. As far as I know, mutual help groups are supposed to register officially, but not all of them do. What are the benefits of registration? Why are so many groups not registered?

For those, who are not members of mutual help groups:

1. Why aren't you a member of any mutual help group?

Список вопросов пилотного исследования 2018 г.

1. Have you heard about mutual help communities such as kufa na kuzikana, mchezo, or upatu?
2. Have you heard about vicoba?
3. Do you think in the near future vicoba will replace other forms of mutual help practices?
4. Do you agree that vicoba is becoming more connected to state structures and tends to politicize its activities?
5. If so, do you think it is good or bad, will people benefit from it?
6. Do you think there is a need to register vicoba with the Bank of Tanzania like other microfinancing institutions? Why?

Список вопросов интервью 2019-2022 гг.

1. Have you ever heard about such groups as kufa na kuzikana, mchezo, upatu? Have you heard about vicoba? What are the main differences between vicoba and other groups?
2. Do you think vicoba is more popular than all other groups? Do you think that in the near future vicoba will replace other forms of mutual help practices (kufa na kuzikana, mchezo, upatu etc.)?
3. Do you agree that vicoba is becoming more connected to political parties or state structures and tends to politicize its activities?
4. Have you heard about the statement by the Bank of Tanzania that all microfinance organizationa should register with the Bank of Tanzania?
5. What do you think about it? Will such formalization be helpful for group members? Would your group like to register with the Bank of Tanzania?
6. Have you ever heard about the platform called M-Koba, provided by Vodacom and TPB Bank? What do you think about it? Would your group like to use it?
7. Do you think many mutual help groups will use M-Koba instead of getting registration through banks?
8. Would your group go to the police in case of a conflict between members? Is the police effective?
9. In general, do you think it is true that these days more and more mutual help groups prefer to get official registration (through banks, M-Koba, etc.)?
10. If so many groups get official registration in the near future, do you think they will still choose members based on trust? Or, with official registration, will a person's background become less important?

Список вопросов интервью 2022-2023 гг.

For members:

1. How did you learn about vicoba? From which source, and when?
2. What was needed to join? (e.g., acquaintance with members, documents, etc.)
3. How did your group get registered (via the Bank of Tanzania, local government, digital services), or has it not registered?
4. Do you keep group money in a bank account or elsewhere?
5. Would you apply to any official institutions in case of conflicts inside the group? (police, local authorities, Bank)
6. If many groups get official registration in the near future, do you think they will still choose members based on trust? Or, with official registration, will a person's background become less important?
7. Do you think vicoba will soon replace all other groups like kufa na kuzikana, upatu, and mchezo?

For those, who are not members of groups:

1. How did you learn about vicoba? From which source, when?
2. Have you ever heard about other mutual help groups?
3. Why aren't you a member of any mutual help organization?
4. Do you think such groups are popular? In your opinion, are VICOBA's more popular than others?
5. Do you think vicoba will survive among all the existing digital services for microfinance nowadays?